

МИРИАМ БЛЭК - 1

ЧЕРНЫЕ ДРОЗДЫ

ЧАК ВЕНДИГ

Мириам Блэк знает когда ты умрешь.

Она предвидит сотни автомобильных катастроф, сердечных приступов, инсультов и самоубийств.

Но когда Мириам садится в грузовик Луиса Дарлинга и пожимает мужчине руку, то видит, что через тридцать дней Луис будет убит с её именем на устах. Луис умрет из-за неё, а она сама станет следующей жертвой.

Что бы девушка ни предпринимала, спасти Луиса она не сможет. Но если Мириам хочет остаться в живых, она должна попытаться.

Чак Вендиг

Черные дрозды

Оригинальное название: **Blackbirds (Miriam Black #1) by Chuck Wendig**

Черные дрозды (Мириам Блэк #1), Чак Вендиг

Серия: **Miriam Black #1 / Мириам Блэк #1**

Перевод: **Светлана Егошина**

Редактор: **Виктория Салосина**

Количество глав: **58**

Глава первая.

Смерть Дель Амико

Автомобильные фары мелькают за сломанными жалюзи мотеля.

Когда свет задерживается в комнате, Мириам смотрит в зеркало.

«Такое ощущение, что меня потрепало на пыльном шоссе», — думает она. Грязные, порванные джинсы. Тесная белая футболка. Обесцвеченные волосы, у корней тёмные, цвета земли.

Мириам кладет руки на бедра и крутится туда-сюда. Тыльной стороной ладони она стирает помаду с тех мест, где, целуя её, размазал Дель.

— Свет должен быть включен, — ни к кому не обращаясь, говорит Мириам, предсказывая будущее.

Она включает лампу на прикроватной тумбочке. Желтый свет цвета мочи освещает жалкий номер.

В центре, словно парализованный, сидит таракан.

— Кыш, — говорит Мириам. — Вали отсюда. Пшел прочь.

Таракан не заставляет себя долго ждать. Его тельце с облегчением скрывается под кроватью.

Итак, вернемся к зеркалу.

— Они всегда говорили, что у тебя ветхая душа, — бормочет Мириам. Сегодня она действительно это ощущает.

В ванной шипит душ. Время почти подошло. Мириам садится на кровать и зевает, потирая глаза.

Она слышит, как скрипит ручка от душа. Трубы за стенами заикаются и стенают, словно отходящий поезд. Мириам сильно-сильно сжимает свои обезьяньи пальцы. Хрустят костяшки.

В ванной напевает Дель. Какой-то сраный захолустный мотивчик кантри. Мириам ненавидит кантри. Тупая, пульсирующая музыка Хартленда. Подождите. Это же Северная Каролина, верно? Разве Северная Каролина — это Хартленд? Да какая разница. Хартленд Конфедерация. Широко Распахнутое Нигде. Разве это важно?

Дверь в ванную открывается и в призрачных клубах пара появляется Дель Амико.

Когда-то он был привлекательным. Да и сейчас еще тоже ничего, если смотреть на него при этом освещении. Средних лет, худой, как соломинка. Жилистые руки, крепкие лодыжки. Дешевые боксеры обтягивают костлявые бедра. «У него приятный подбородок, — думает Мириам, — и щетина совсем не жесткая». Он широко улыбается и проводит языком по зубам — блестящие жемчужины, язык проходит по ним со скрипом.

Мириам ощущает мятный запах.

— Полоскалка для рта, — говорит он, причмокивая губами и выдыхая горячее свежее дыхание в её сторону. Вытирает полотенцем голову. — Нашел немного под раковиной.

— Супер, — говорит Мириам. — Слушай, я тут придумала новый цвет для восковых мелков: тараканий.

Дель выглядывает из-под капюшона скрученного полотенца.

— Чего? Восковые мелки? Какого черта, ты, вообще, о чем?

— Крайола делает мелки всяких сумасшедших цветов. Ну, ты знаешь, например, жженая умбра [1]. Жженая охра. Отбеленный миндаль. Цвет детского дерьма. И так далее и тому подобное. Я просто хочу сказать, что у тараканов какой-то свой собственный цвет. Он особенный. Крайоле следует об этом подумать. Детишки такое любят.

Дель хохочет, но он явно немного смущен. Он продолжает вытираться, но вдруг останавливается. Смотрит на Мириам искоса, словно пытается разглядеть тех дельфинов на стереокартинках из серии «Волшебный глаз».

Он оглядывает её сверху вниз.

— Мне казалось, ты говорила, что останешься здесь... устроишься поудобнее, — говорит Дель.

Мириам пожимает плечами.

— Ох. Нет. По правде говоря, мне нигде не бывает удобно. Прости.

— Но... — его голос затихает. Ему хочется это сказать. Губы образуют слова еще до того, как они вылетают изо рта. Потом, наконец: — Ты не раздета.

— Очень наблюдательно, — говорит Мириам, показывая ему большой палец и подмигивая. — У меня плохие новости, Дель. Я ведь не шлюха с большой дороги, поэтому этим прекрасным вечером мы трахаться не будем. Или утром. Думаю, уже утро? В любом случае, никакого секса. Нет тела, нет дела, как говорится.

У него напрягается челюсть.

— Но ведь это было твое предложение. Ты мне должна.

— Учитывая, что ты мне еще не заплатил, и учитывая, что в этом штате проституция вне закона, хоть я и не такой уж приверженец морали; честно говоря, я вообще считаю, то, чем люди занимаются, это сугубо их личное дело, но не думаю, что я тебе что-то должна, Дель.

— Черт побери, — говорит он. — А ты любишь слушать свой голос, да?

— Люблю. — Она любит.

— Ты лгунья. Обманщица с поганым маленьким ротиком.

— Мама всегда говорила, что у меня рот как у матроса. Не по манере, а по тому, какое дерьмо из него льется. И таки да, я большая жирная лгунья. Даже мои рваные джинсы горят на мне.

Такое ощущение, он не знает, что делать. Мириам это видит; она реально его завела. Ноздри раздуваются, как у быка перед броском.

— Леди должна быть вежливой, — это все, что он может процедить сквозь зубы. Дель отбрасывает полотенце в угол.

Мириам фыркает.

— Так это же про меня. Я и есть прекрасная долбаная леди.

Дель глубоко вздыхает, подходит к комоду и надевает на запястье дешевый Таймекс. Почти сразу он видит то, что Мириам положила рядом с часами.

— Какого?..

Он собирает фотографии в стопку, берет их в руки, перелистывает. Женщина и две девочки стоят в Сирс [2]. Те же детки на детской площадке. Женщина на чьей-то свадьбе.

— Я нашла их у тебя в машине, — объясняет Мириам. — Твоя семья, верно? Я подумала, это весьма забавно, что ты ведешь проститутку... эм, предполагаемую проститутку, в мотель. Не очень-то ты похож на добропорядочного супруга или папочку, но откуда мне это знать? С другой стороны, может быть, поэтому ты прячешь их в бардачке.

Это вроде как с зеркалом: если ты их не видишь, то и они тебя тоже.

Он поворачивается, перемещаясь с пятки на носки, держа фотографии дрожащими руками.

— Кто ты такая, чтобы судить? — вскипает он.

Мириам машет на него в ответ.

— Ох, да не пыли, я и не сужу. Просто жду. А поскольку мы ждем, я должна тебе все-таки рассказать, что слежу за тобой уже пару недель. — Дель прищуривается и смотрит на нее так, словно узнает, или пытается это сделать. Она же продолжает говорить: — Я знаю, ты любишь шлюшек. Проституток и заядлых шлюх. И всех вместе! Ты из тех людей, что съедают из коробки с конфетами все сласти. Разнообразие — вот перчинка твоей жизни. Еще мне известно, что за всеми этими скучными сексуальными наклонностями скрывается человек, который любит бить женщин. Четыре проститутки. У двух фингалы под глазами, у одной рассечен подбородок, а у четвертой разорвана губа...

Дель двигается быстро.

Бум. Жесткий кулак врезается Мириам прямо в глаз и опрокидывает спиной на кровать. Лопаются капилляры. Фейерверк на темном фоне. Жадно лоя ртом воздух, Мириам отползает назад, думая, что Дель продолжит её избивать, но к тому времени, как она уже готова пинаться, кусаться и вцепиться ему в глотку, она замечает, что тот стоит и не двигается ни на дюйм.

Он просто стоит. Его трясет. Злой, жалкий, обескураженный; ей сложно сказать.

Мириам ждет. Но Дель не идет к ней. Он сейчас даже на неё не смотрит — взгляд Деля устремлен в никуда за тысячи миль от этого места.

Мириам осторожно протягивает руку к тумбочке и поворачивает будильник так, чтобы его видеть. Это старые часы, из разряда таких, где цифры переворачиваются. Ну, наподобие тех, что были у Ванны Уайт [3]. Каждая цифра меняется со щелчком.

— Сейчас 12:40, - говорит она. — А это значит, что у тебя три минуты.

— Три минуты? — Дель прищурившись смотрит на Мириам, пытаюсь разгадать, что за игру она ведет.

— Всё верно, Дель, три минуты. Поэтому сейчас самое время задать себе вопрос: Есть какие-нибудь мыслишки, которыми ты хотел бы поделиться? Рецепт бабушкиного печева? Где пиратские сокровища зарыты? Любые поэтичные последние слова? Ну, или что-нибудь про обои? — Она отмахивается. — Знаю-знаю, отсылочка к Оскару Уальду [4]. Я зашла слишком далеко. Я нечаянно.

Дель не двигается, но весь напрягается. Каждый мускул твердеет до самых костей.

— Ты полагаешь, тебе удастся меня прикончить? — интересуется он. — Ты так считаешь?

Мириам прищелкивает языком.

— Нет, сэр, я так не думаю. Я не убийца. Я скорее пассивно-агрессивна, нежели просто агрессивна. Я просто жду и наблюдаю, я же девочка. Скорее стервятник, а не сокол.

Они смотрят друг на друга. Мириам испытывает страх, боль и немного восторга.

Щелк.

Ноль перепрыгивает в единичку.

— Тебе хочется ударить меня еще раз, — говорит Мириам.

— Вполне себе могу.

— Ты думаешь: «Сейчас я дам ей в глаз еще раз, а потом трахну так, как она этого

заслуживает». Это, конечно, при условии, что ты сможешь заставить своего маленького друга встать. Я видела в бардачке пилюли для него. Рядом с Оксиконтином.

— Заткни свой поганый рот.

Она поднимает палец.

— Позволь задать тебе один вопрос. А жену и дочек ты тоже бьешь?

Он мнется. Мириам не уверена наверняка, что это значит. Испытывает ли он чувство вины? Или он никогда даже не думал о том, чтобы хотя бы волосок тронуть на их прекрасных головках, и умрет, если они обо всем узнают?

— На данный момент, — говорит она, — это не так уж и важно. Мне просто любопытно. Ты спишь со шлюхами, бьешь их, так что мы уже доказали — звание «Отец года» ты не получишь. Я просто пытаюсь понять всю глубину твоего характера...

Он с досадой вскрикивает и замахивается на Мириам — неуклюжий, размашистый выпад, сопровождаемый громким и четким, словно через рупор, криком. Мириам уворачивается. Кулак у неё перед носом вспарывает воздух.

Она выставляет пятку и бьет его в пах.

Дель отшатывается, охает и, упираясь задом в стену, пытается за неё схватиться.

— От меня ты можешь получить только одно бесплатное угощение, — шипит Мириам. — Замах и промах, козлина.

Щелк.

Сейчас на часах 12:42.

— Одна минута, — говорит Мириам, сползая с кровати.

Он так и не понимает. Они никогда не понимают.

— Заткнись, — скулит он. — Гребаная шлюха.

— Вот как всё будет. В любую секунду мы услышим автомобильный клаксон со стоянки...

Снаружи гудит машина. Один раз, потом еще, потом в третий раз, когда водитель изо всех сил налегает на сигнал.

Дель переводит взгляд с Мириам на окно, потом обратно. Она уже видела такие глаза прежде. Это взгляд загнанного животного. Он не знает, куда идти, куда бежать, но правда в том, что он не может никуда убежать. Он в ловушке. Не может понять, как или почему.

— Ты спросишь, что дальше? — Мириам щелкает пальцами. — Где-то снаружи кто-то начнет кричать. Может, это парень из машины. А может, это тот, кому он сигналил. Кого это волнует? Потому что...

Она позволяет своему голосу утихнуть лишь для того, чтобы уступить место кому-то, орущему на парковке. Слова неразличимы, они приглушены, просто неандертальская речь.

Глаза Деля распахиваются от удивления.

Мириам складывает пальцы в подобие пистолета и направляет «ствол» на будильник. Дергает пальцем.

— Бум, — говорит она, и...

Щелк.

Время на часах 12:43.

— У тебя эпилепсия, Дель?

Вопрос озвучен, Мириам понимает, что права. Это объясняет, что должно произойти. Дель одолевает мгновение спокойствия, своего рода безмятежное недоумение, а потом...

Его тело деревенеет.

— А вот и она, — говорит Мириам. — Нападающий проводит мяч и сезон окончен. Сокрушающей волной на Деля обрушивается приступ.

Его тело замирает, он запрокидывается назад, ударяясь головой об угол мотельного комода. Дель издаёт придушенный звук. Он опускается прямиком на колени, но потом у него прогибается спина и выпирающие лопатки крепко прижимаются к матовому Берберу.

Мириам потирает глаза.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — говорит она, когда глаза Деля начинают вылезать из орбит, словно пробки, готовые вылететь из бутылок шампанского. — Господи, почему бы этой распутнице на засунуть мне под язык хотя бы бумажник? Разве не может она сделать мне одолжение? Или может быть, ты думаешь, что у тебя и раньше было приступы, но не один из них ведь тебя не убил. Мужик не может подавиться своим собственным языком, так? Или это просто миф? А может быть, ну а вдруг, ты думаешь, что я какая-то ублюдочная тварь, ведьма с большой дороги.

У него булькает в горле. Щеки краснеют. Потом становятся фиолетового оттенка.

Мириам пожимает плечами, морщится, наблюдая с каким-то мрачным очарованием. Не впервые она видит подобное.

— Не сосем, мой милый любитель проституток. Такова твоя судьба, подавиться собственным мясом, подохнуть здесь, в богом забытом мотеле в самом центре ада пекла. Я бы сделала что-нибудь, если бы могла. Если бы я попыталась подложить бумажник тебе под язык, я бы лишь ещё дальше его засунула. Видишь ли, мама мне всегда говорила: «Мириам, что есть, то есть». Так что, Дель Амико, что есть, то уж есть.

На пепельных губах Деля пузырится пена. В глазах лопаются кровеносные сосуды.

Все как она запомнила.

Его твердое тело становится вялым. Вся борьба выходит из него. Жилистая оболочка Деля слабеет, голова наклоняется под неестественным углом, щека упирается в пол.

Следом, из-под кровати выбегает обнаглевший таракан. Он использует верхнюю губу Деля в качестве стремянки и, прежде чем исчезнуть в ноздре, сжимает своё тельце.

Мириам делает глубокий вдох и вздрагивает.

Она пытается заговорить, сказать, как ей жаль, но...

Ей не по силам это остановить. Мириам бежит в туалет и её рвет.

Некоторое время она стоит на коленях, её голова прислонена к ножке раковины. Фарфор холодит кожу, действует успокаивающе. Мириам чувствует запах мяты. Свежий аромат дешевого ополаскивателя.

Такое часто с ней случается. Словно вместе с ними в Мириам умирает какая-то часть; часть, которую она должна закупорить, исторгнуть и смыть.

И как обычно она прекрасно знает от чего ей может стать лучше.

Мириам выползает из ванны мимо остывающего тела Деля и хватается с противоположной стороны кровати свою сумку. Покопавшись в ней, она находит то, что ищет, и достает мятую пачку сигарет Мальборо Лайт. Вытягивает одну, зажимает губами и прикуривает.

Мириам через ноздри выдыхает дым. Она похожа на огнедышащего дракона.

Тошнота отступает; волна септика смывает яд обратно в море.

— Так-то лучше, — говорит она тому, кто слушает. Призраку Деля, может быть. Или таракану.

Потом Мириам опять роется в сумке, чтобы отыскать Предмет Номер Два: черный

блокнот с красной ручкой, засунутой в спираль. Блокнот уже почти исписан. Осталось лишь страниц десять. Десять пустых страниц — огромная бездна внушающих страх возможностей: неписанное будущее, которое уже предопределено.

— Ой, подожди, — говорит Мириам. — Становлюсь небрежной. Не стоит забывать...

Мириам встает, хватая брюки Деля и шарит по карманам в поисках бумажника. Внутри она находит только пятьдесят застенчивых баксов и MasterCard. Достаточно на дорогу, еду по пути и переезд в другой город.

— Благодарю за пожертвование, Дель.

Мириам приподнимает подушки у изголовья кровати и откидывается на них. Открывает блокнот и пишет:

«Дорогой дневник, я опять это сделала».

Глава вторая

Падальщики и Хищники

Четверть второго ночи.

Дождь только что закончился. Шоссе блестит.

Воздух пахнет мокрым асфальтом, этот запах ассоциируется у Мириам с выползками [1], ползущими по влажному щебню.

Мимо, шелестя покрывками, пролетает машина. Смазанный свет фар в одном направлении, стоп-сигналы в другом.

Мириам топчется здесь уже почти двадцать минут и не понимает, что не так. Вот же она: обтягивающая футболка — облегающая, белая, мокрая футболка, под которой нет лифчика; большой палец поднят вверх. «Первоклассная, высококлассная сраная дорога», — думает она. И всё же никто не останавливается.

Мимо проносится Лексус.

— Мудак, — говорит она.

Урчит белый внедорожник, тоже мимо.

— Настоящий мудак.

Приближается ржавый-прержавый пикап, и Мириам думает: «Вот оно». Кто бы не сидел за рулем этого ржавого ведра, думает, что может позабавиться с такой придорожной киской. Машина приостанавливается; водитель желает присмотреться поближе. Но потом он начинает набирать скорость. Раздается сигнал клаксона. Пустая коробочка из-под куриного сэндвича пролетает по воздуху, едва не задев голову Мириам. Мимо проносится громкий ржач.

Мириам меняет большой палец на средний и кричит:

— Отсоси и сдохни!

Она ожидает, что они поедут дальше.

Но: красная вспышка. Тормозные огни. Пикап останавливается, поворачивает.

— Дерьмо, — произносит Мириам. Только этого ей и не хватало. Она уже почти готова увидеть на ступенях машины, как минимум двойника недавно почившего Дель Амиго, выползающего наружу и почесывающего пузо. Но она никак не ожидает увидеть парочку парней.

Они усмеваются.

У одного телосложение пожарного и пара ясных, но недоброжелательных глаз, смотрящих из-под копны белокурых волос. Второй гораздо ниже — приземистый, скорее.

Толстый, на щеках веснушки. Под шапочкой пара поросячьих глазок. Чистая одежда провинциального мальчика.

Мириам кивает.

— Отличный автомобиль. Тетанус-экспресс.

— Отцовский, — отвечает Блондинчик, направляясь напрямиком к Мириам, пока мимо проносятся автомобили. Коротышка — так она думает про второго парня, закатывается ей за спину.

— Отличная штука, чтобы прокатиться, — говорит она.

— Хочешь прокатиться? Подвезти? — спрашивает коротышка у неё за спиной. И тон его отнюдь не дружелюбный.

— Неа, — отвечает она. — Я просто чертова птичка, что топчется здесь, чтобы скоротать время.

— Янки, — говорит Блондинчик. Иронично, поскольку в его речи почти не слышен южный говор. Ледяные глаза скользят по всей фигурке Мириам. — Симпатичная янки.

Мириам потирает виски. Она на мгновение задумывается о том, чтобы не сопротивляться этим двум маразматикам, но, по правде говоря, она намокла, устала и синяк под глазом начинает болеть.

— Слушайте. Я знаю, как это обычно бывает. Вы двое, ребята, думаете, что сможете оторвать кусочек. Может, захотите поиметь меня с обоих концов, может, пустить по кругу, может, просто проверить, есть ли у меня деньжата. Все ясно. Как любой падальщик, я узнаю хищников, когда с ними сталкиваюсь. Вы же понимаете, да? У меня просто нет на это всё времени. Я, вашу мать, устала, по-настоящему устала. Поэтому. Залезайте-ка обратно в ваш драндулет и валите туда, куда ехали.

Блондинчик делает шаг к Мириам. Он её не касается, но уже стоит нос к носу.

— А мне нравится то, как ты пользуешься своим ротиком, — смотрит он искоса.

— Последнее предупреждение, — говорит Мириам. — Вы видите фингал и думаете, что со мной легко справиться, но дело в том, что девушка порой сама позволяет себя ударить по разного рода причинам. Однако сегодняшним вечером я подобного больше не допущу. Вы догоняете, о чем я толкую?

Вероятно, нет, потому что коротышка кладет свои пальцы-сосиски ей на бедра.

Мириам реагирует.

Её голова откидывается и затылок сталкивается с носом коротышки...

Коротышка: ему за пятьдесят, он ещё толще, нос — один огромный бутон. Он кричит на какую-то женщину в желтом платье, по его лбу струится пот, мужчина брызжет слюной. Но внезапно он опускает жирную руку на кухонный стол в то время, как инфаркт сжимает всю левую сторону его тела, и боль пронзает мужчину до последнего нерва.

...он воет, и Мириам, думая о том, как бы сделать звук погромче, протягивает назад руку и когтями вцепляется ему в промежность. Блондинчик в ступоре, но она-то знает, что это ненадолго. Мириам плюет ему в глаза, выигрывая тем самым еще немного времени, и свободной рукой бьет его по горлу раз. Потом второй...

Его пожирает рак, вытягивая все соки из мешанины, что некогда была желудком, но он старый, по крайней мере, ему лет семьдесят. Он лежит в окружении больничного оборудования, а рядом семья. Маленький мальчишка держит его за руку. Пожилая женщина наклоняется, чтобы поцеловать в лоб. Женщине за сорок, у неё светлые волосы, туго стянутые сзади, и умиротворенное выражение лица. Она гладит его по груди один раз, потом

еще и... старик вскрикивает, гадит кровью и умирает.

Коротышка пытается ударить Мириам, но он похож на медведя гризли, поэтому, когда девушка делает шаг в сторону, его мясистая ладонь лишь испарывает воздух. Локоть Мириам врезается аккуратно в уже разбитый нос, и коротышка опускается на корточки.

Блондинчик с красным лицом, все еще задыхаясь, бросается на неё с изяществом валуна. Мириам откидывается немного назад, чтобы увернуться, однако её колено приподнимается и попадает ему прямоком в солнечное сплетение. Блондинчик хрюкает, тяжело хватая ртом воздух, и поскользывается на гравии. Мужчина падает.

— Вы считаете, я притопала сюда, не зная, как себя защитить? — кричит на них Мириам. Она загребает в горсть гравия и бросает в Блондинчика, который стонет и пытается защитить голову. Мириам ястребом кидается за следующей горстью камней и отправляет их следом. В завершение, она срывает с коротышки шапочку и выбрасывает её далеко на шоссе. — Ублюдки.

Следом: суровый белый цвет. Вспышка фар. Движение крупной тени.

Раздается шипение гидравлического тормоза.

Бобтейл — часть восемнадцати колёсного грузовика, но без прицепа, останавливается, проделывая своими массивными шинами дорожку в гравии на обочине.

Мириам прикрывает глаза и видит силуэт водителя. «Господи, — думает она, — это же долбаный Франкенштейн. Где факелы и вилы, когда они так нужны?»

В руках Франкенштейна лом.

— Здесь все нормально? — спрашивает Франкенштейн. Его голос гудит так, что перекрывает грохот грузовика на холостом ходу.

— У нас тут небольшая дружеская потасовка, — пытается перекричать Мириам грузовик.

Она не видит лица Франкенштейна, но замечает, что он поворачивает свою квадратную голову, чтобы присмотреться к Коротышке и Блондинчику.

— Подвезти?

— Меня или эти две стонущие жопы?

— Тебя.

— А, к черту, — бормочет она, пригнув голову, чтобы залезть в кабину.

[1] — Выползок — крупный земляной червь.

Интерлюдия

Интервью

Мириам отпивает из бутылки с водой. «Неа, опять не водка», — думает она.

У неё над головой в карнизах склада шуршат крыльями воробьи, шевелятся призрачные тени.

Мириам прикуривает еще одну сигарету. Передвигает пепельницу туда-сюда, словно кошка играет с мышкой. Выдувает из дыма колечки. Барабанит ногтями (одни обкусаны почти до мяса, другие очень длинные) по столешнице карточного стола.

Наконец, дверь открывается.

Входит парнишка, у него под мышкой блокнот, на плече висит рюкзак, а с шеи на грудь свисает диктофон. Волосы у парня взъерошены.

Он подтягивает к себе стул.

— Извините, — говорит он.

Мириам пожимает плечами.

— Да ладно. Пол, верно?

— Пол. Ну да. — Он протягивает руку для пожатия. Мириам тарашится на неё так, словно к руке привязал член с мошонкой. Парнишка поначалу ничего не понимает, но потом его осеняет. — О. Ах. Точно.

— Ты действительно хочешь знать? — интересуется она.

Пол одергивает руку и отрицательно качает головой. Он садится, не сказав ни слова. Достает блокнот, свой журнал (с заголовками, написанными вырезанными буквами, как делают при похищении; эти флуоресцентные буквы выполнены в цвете фуксии, «вырви-глаз» лимона и ядовитого лайма) и деликатно кладет диктофон в центр стола.

— Спасибо, что согласились на интервью, — говорит он. В голосе мальчишки слышатся нервные нотки.

— Да без проблем. — Мириам посасывает сигарету. Выдохнув дым в его сторону, она добавляет: — Я не против того, чтобы об этом поговорить. Это ведь не тайна. Просто никто не слушает.

— Я слушаю.

— Знаю. Ты принес, что я просила?

Он достает мятый коричневый пакет и со стуком ставит на стол.

Мириам щелкает пальцами.

— Она сама же не откроется, верно?

Пол торопится достать бутылку виски — Джони Уокер с красной этикеткой.

— Для меня? — вопрошает Мириам, отмахиваясь. — Не стоило.

Мириам откручивает крышку и делает глоток.

— Наш журнал называется «База Повстанцев», у него около сотни подписчиков. И скоро у нас будет своя страничка в интернете.

— Добро пожаловать в будущее, да? — Она проводит пальцами по влажному горлышку бутылки. — Да мне всё равно, кстати. Я просто рада поболтать. Я люблю поговорить.

— Понятно.

И они сидят, уставившись друг на друга.

— Из тебя не очень хороший репортер, — говорит Мириам.

— Извините. Просто вы не та, кого я ожидал увидеть.

— А кого ты ожидал?

Он делает паузу. Осматривает её с ног до головы. Сначала Мириам кажется, что он хочет её, хочет встряхнуть её старые кости. Но дело не в этом. На лице мальчишки то же самое выражение, что можно было бы встретить, дивись он на двуглавого ягненка, или изображение Богоматери, выжженной на кусочке тоста.

— Мой дядя Джо говорил, вы то, что надо, — объясняет он.

— Твой дядя Джо. Я бы спросила, как у него дела, но...

— Это случилось, как вы и сказали.

Мириам не удивлена.

— Я никогда еще не ошибалась. Для протокола, мне нравился Джо. Мы познакомились в баре. Я тогда пьяная была. Он в меня врезался. Ну я и увидела, как его поразит удар. «Твою мать», — подумала я и всё ему рассказала. До мельчайшей детали... вот где кроется дьявол, ты же знаешь, — в мелочах. Я сказала: «Джо, ты поедешь на рыбалку. Через год»... ну, формально через 377 дней, так что мне потребовалось несколько салфеток, чтобы высчитать правильную дату. Я сказала: «Ты будешь в своих болотных сапогах. И поймаешь большую

рыбу. Не большущую, не самую огромную, а просто большую». Я не знала, что это за сорт рыбы такой, ведь, дерьмо, я не рыбовед...

— Ихтиолог, мне кажется.

— А еще я не спец в английском и становится одним их них не горю желанием. Он сказал, что это, наверное, форель. Радужная. Или окунь. Спросил, какой наживкой он пользовался, и я ответила, что она похожа на блестящий пенни, по которому проехал поезд, поэтому он такой гладкий. Джон назвал это спиннером, сказал, что на него он ловит окуня. Короче, я же не из этих, ихти, ифти, фу, не из рыбоведов.

Она кладет сигарету в пепельницу и сминает.

— Я сказала: «Джо, ты будешь стоять с рыбой в руке, будешь улыбаться и насвистывать, хотя вокруг никого, показывая окуня Богу и остальным рыбам, а потом у тебя случится удар. Оторвется тромб и помчится по твоим артериям, будто пуля по нарезному стволу. Бум! Прямо в мозг. Ты потеряешь способность мыслить. Свалишься в воду. И никто тебя не спасет. Ты умрешь, а рыба уплывет».

Пол сидит тихо. Он обкусывает губу белыми зубами, какие могут быть только у подростка.

— Так они его и нашли, — говорит Пол. — С удочкой в руке.

Мириам хихикает.

— С удочкой в руке.

Пол удивленно моргает.

— Ну, понимаешь? Удочка? В руке? Ну, как будто с членом в руке? — Она отмахивается и достает еще одну сигарету. — Да и фиг с тобой. Джо бы понравилось. Джо бы оценил этот тонкий двойной смысл.

— Вы с ним переспали? — спрашивает Пол.

Мириам притворяется, что шокирована. Она обмахивается рукой, словно приехавшая с юга на бал оскорбленная дебютантка.

— Почему, Пол, ты так обо мне думаешь? Я само воплощение целомудрия. — Он на это не покупается. Мириам прикуривает сигарету и машет ему. — Дружище, я выбросила ключ от своего пояса верности давным-давно... просто взяла и зашвырнула его в реку. Однако, нет, Пол, я не спала с твоим дядей. Мы просто вместе выпили. Посидели в баре. А потом пошли каждый своей дорогой. Я вообще не была уверена, что он мне поверил, пока ты меня не отыскал.

— Он рассказал мне за месяц до смерти или около того, — говорит Пол, пробегая рукой по взъерошенным волосам. Он некоторое время, вспоминая, смотрит в никуда. — Он поверил. Я сказала ему, чтобы он не ходил на рыбалку. Но он лишь пожал плечами и ответил, что очень хочет поехать. И если ему суждено умереть там, так тому и быть. Мне кажется, он испытывал некоего рода волнение.

Пол тянется и включает диктофон. С опаской смотрит на Мириам. Ищет её одобрения? Или думает, что она сейчас его укусит?

— Итак, — говорит он, — как это работает?

Мириам глубоко вздыхает.

— Эта штука, что у меня есть?

— Ну да. Она.

— Видишь ли, Пол, у этой особенности есть свои правила.

Глава третья

Луис

Одно сплошное шоссе. Все остальное черное, исчезает в тени. Существует только то, что высвечивают фары автомобиля — светящаяся разделительная полоса, сосна, дорожный знак — они появляются из темноты и в ней же исчезают.

Дальнобойщик выглядит в точности так, как и его тень: руки размером с ветчину, плечи как куски гранита, грудь — гроздь бочек, связанных между собой. Но мужчина чисто выбрит, у него нежное лицо и добрые глаза, а волосы цвета песка на пляже.

«Наверное, насильник», — думает Мириам.

В кабине тоже чисто. Даже слишком чисто: ни пылинки, ни соринки. «Урод, любящий контроль; урод-чистюля; серийный маньяк-насильник-убийца, который носит-кожу-убитых-им-женщин», — думает Мириам. Радиоприемник крепится на хромированной пластине. Сидения обтянуты коричневой кожей («наверное, человеческой»). Пара игральные кости — полых, алюминиевых с выбитыми точками — свисают с зеркала заднего вида и лениво крутятся.

— Вся жизнь — это игра в кости, — говорит она.

Франкенштейн смотрит на Мириам так, словно находится в недоумении.

— Куда едешь? — изучающе на неё глядя, спрашивает он.

— Никуда, — отвечает она. — Куда-нибудь.

— Тебе всё равно?

— Не то чтобы. Просто убираюсь подальше от мотеля и тех двоих придурков.

— А что если я еду до другого мотеля?

— Если только это не тот же самый мотель, то нам по пути.

Франкенштейн выглядит задумчивым. Его огромные руки плотно лежат на руле. Мириам гадает, не думает ли он том, что планирует с ней сделать. Или может быть, задумался, что сделает с её отполированным черепом. Мириам представляет, какая хорошая получилась бы из него конфетница. Или лампа. Она была в Мексике, сколько, два года назад? Во время празднования Дня мёртвых? Все эти ofrendas [5] — бананы, хлеб de muerto, бархатцы, манго, красные и желтые ленты. Но что действительно овладевает её вниманием — это сахарные черепа: застывшая меренга, усыпанная разноцветными конфетами; у каждой черепашки широкие глазницы и ухмыляющиеся рты, блаженствующие от своей кончины. Может, этот парень достаточно хорош, чтобы сделать нечто подобное и с её головой. Можно залакировать сахаром. Вкуснотища.

— Я Луис, — говорит Франкенштейн, прерывая фантазии Мириам.

— Чувак, — отвечает она, — я не собираюсь заводить друзей. Просто хочу убраться подальше.

«Это его заткнет», — думает Мириам. Так и происходит. Он лишь становится более задумчивым. Франкенштейн — Луис — покусывает губу. Он стучит пальцами по рулю. Злитесь? Грустит? Готов её изнасиловать? Ей трудно понять.

— Хорошо, — говорит Мириам, — желаешь поговорить, прекрасно. Конечно. Да. Давай поболтаем.

Он удивлен. Молчит.

Мириам решает, что всю тяжелую работу будет делать сама.

— Хочешь узнать про фингал? — спрашивает она.

— Про что?

— Синяк. Фингал. Ты заметил его, как только я залезла в грузовик, не ври. — Мириам прокашливается. — К слову, отличный грузовик. Такой блестящий. — Она думает: «Ты, наверное, полируешь его волосами таких красивых девушек, как я». Мириам находит время, чтобы похвалить себя. Обычно, она бы сказала нечто подобное вслух, последствием чего стал бы пинок под зад в сторону залитого дождем шоссе.

— Нет, — говорит он. — Я хочу сказать, да, я видел. Но тебе не обязательно рассказывать...

Мириам открывает сумку и начинает в ней копаться.

— Ты выглядишь смущенным.

— Смущенным.

— Да. Смущение. Хорошее слово, правда? Звучит, будто оно выдуманное, словно его использует трехлетка в каком-то другом мире. Ну знаешь, что-то типа: «Мамочка, моя смущенность болит, думаю, я съел очень много пасетти».

— Я... никогда не думал об этом в таком ключе.

Мириам зажимает сигарету губами и начинает щелкать зажигалкой.

— Не возражаешь, если я закурю?

— Возражаю. Ты не можешь здесь курить.

Мириам морщится. Она могла бы использовать курение в свою пользу. Насупившись, она убирает зажигалку, но оставляет сигарету свисать с губ.

— Ну и фиг с тобой. Твой грузовик. Короче. Фингал, об этом ты хотел поговорить.

— Один из тех парней тебе его поставил? Надо было позвонить в полицию.

Мириам фырчит.

— Неужели похоже, что те задроты могли поставить мне фингал? Я тебя умоляю. Сама могу справиться. Нет, этот синячище мне организовал мой парень.

— Тебя бьет парень?

— Больше нет. С этим подонком я разобралась. Поэтому я не хочу возвращаться в мотель, понятно? Потому что этот мудака всё еще там.

— Ты бросила его.

— И дерьмо всё это оставила вместе с ним. Понимаешь. Ну вот лежит он на кровати, весь такой самодовольный от того, что дал мне в глаз, жует печенье (по крайней мере, печеньем мне в глаз не задулил), и вот этот тупой засранец засыпает. Оо-о. Вот это он зря. Он начинает храпеть как пьяный медведь и думает, что всё закончилось. А я чертовский устала получать тычки и затрецины. Устала от сигаретных ожогов, ремня и клюшек для гольфа... и всего этого дерьма.

Луис смотрит строго вперед, будто не зная, как реагировать на рассказ. Мириам продолжает:

— Я хватаю пару наручников... извини за подробности, но этот засранец любит извращения и у него куча всяких таких штучек. Короче, беру наручники и осторожно, чтобы не разбудить, приковываю одно его запястье к спинке кровати. — Мириам берет сигарету и мнет её большим и указательным пальцами. — Беру ключ и иду в туалет, чтобы его там смыть. Писаю на него для пущего эффекта. Но это ещё не все, как говорят по ТВ, не отходите от экранов.

Стоит сказать, что Мириам любит приврать. Она в этом весьма хороша.

— Я беру пластиковую банку в форме мишки, ну, в которых мёд продают, знаешь? Еще раз прости за детали, но парень любил ролевые игры с едой. Намазать взбитые сливки мне

на грудь, засунуть леденец в рот, пучок брокколи ему зад, да что угодно. Короче, беру я мёд и обмазываю его в самом интересном месте...

Мириам делает круговое движение указательным пальцем в области своей промежности. Чтобы добавить драматизма, она свистит.

— Господи, — произносит Луис.

— Погоди, еще не конец. Когда я оттуда рвала когти, оставила дверь широко открытой. И окна тоже. Я подумала, какой бы зверь не захотел прийти и полакомиться его медовыми орешками, так тому и быть. Мухи, пчелы, бродячие псы.

— Господи, — повторяет Луис, сжав челюсти.

— Надеюсь, он сможет порадовать и какого-нибудь Винни-Пуха. — Мириам откашливается и снова зажимает сигарету губами. — Или бездомного какого.

В первую минуту Луис ничего не говорит. Дальнобойщик просто сидит задумавшись. Его плечи напряжены. Он выглядит пьяным. Он знает, что она только что ему соврала? Вот сейчас он ударит по тормозам, Мириам вылетит сквозь лобовое стекло, потому что не пристегнула ремень безопасности, и изнасилует её изломанное тело, распластанное на мокрой щебенке?

Бум. Он бьет по рулю ладонью.

Мириам не находит, чего бы такого умного сказать. До неё медленно доходит: «Я не смогу с ним сладить. Он раздавит меня, словно букашку».

— Чертовы придурки, — говорит он.

Она прищуривается.

— Что? Кто?

— Мужики.

— Ты гей? — Из-за его тона, каким было сказано.

Луис поворачивается к ней и смотрит прямо в глаза.

— Гей? Что? Нет.

— Я просто подумала...

— Мужики не осознают своей силы. Мужчины такие... дети. Свины.

— Поросята, — тихо предлагает Мириам.

— Мы никогда не замечаем того, что у нас под самым носом. Женщины, которые достаточно сердечны, чтобы быть рядом с нами, а мы относимся к ним, как к мусору. Бред какой-то. Простой, незамысловатый бред. А мужики, которые бьют женщин? Которые осознают свое превосходство? Которые не ценят того, что имеют, а злоупотребляют... жестоко обращаются с тем, что им дано? Моя жена... когда ушла от меня... я не мог в полной мере оценить...

Он снова бьет рукой по рулю.

Именно в этот момент Мириам понимает, что ей нравится этот человек.

Это впервые, когда она почувствовала нечто подобное к кому-то за... много лет. Нечто такое... ласковое, грустное, разрушенное. Она знает, кого он напоминает ей («Бена он тебе напоминает, Бена»), но Мириам не хочет вспоминать, поэтому засовывает эту мысль подальше в темные углы своего сознания.

А потом она просто не может удержаться. Она должна знать. Должна увидеть. Это какой-то пунктик. Зависимость. Девушка протягивает руку.

— Меня зовут Мириам.

Но он всё ещё кипит от злости. И не пожимает предложенную руку.

«Черт, — думает Мириам, — давай же. Бери Пожми. Я должна увидеть».

— Мириам, красивое имя, — говорит Луис.

Она нерешительно убирает руку.

— Приятно познакомиться, Лу.

— Не Лу, а Луис.

Мириам пожимает плечами.

— Твой грузовик, твое имя, твои правила.

— Извини, — говорит Луис. — Я не должен был выходить из себя. Просто... — Он отмахивается. — Последние несколько недель были длинными. Еду из Цинциннати до Шарлотты за следующим грузом.

Он втягивает воздух через нос, словно пытается раздуть своё мужество.

— Дело в том, что у меня будет пара дней до следующей поездки. У меня не слишком много выходных, я обычно работаю на износ, но... я тут подумал. Может быть, ты побудешь там. Это всего в часе езды на юг отсюда. И может быть, если ты там будешь и у тебя случится свободный вечер, ну... Мы могли бы поужинать. Сходить в кино.

Она протягивает руку.

— Заметано.

Он не принимает руку и Мириам гадает, насколько смелой она может быть. Дотянуться и подергать за ухо? Ей нужно всего лишь прикоснуться кожей к коже.

Но потом Луис улыбается и берет её руку в свою, и...

Освещенная комната усыпана стеклом. Одно окно полностью разбито и ветер гоняет по помещению сквозняк. В отдалении грохочет гром. Сквозь грязные окна просачивается серый свет, он освещает лицо Луиса — лицо, покрытое коркой запекшейся крови.

Где-то шумит океан.

Луис привязан к деревянному креслу рядом с лампой. Над головой установлено ошеломляющее количество всякой разной оптики. Одни коричневые шнуры крепят запястья мужчины к подлокотникам, другие — ноги к ножкам. Голова крепко удерживается обмотанной вокруг лба черной изоляцией, прикрепляя череп к основанию какого-то часового механизма.

Подходит высокий худой человек. У него совсем нет волос. Нет бровей. И даже ресниц нет.

В одной своей гладкой паучьей руке он держит филейный нож.

Мужчина какое-то время восхищенно смотрит на лезвие, хотя оно покрыто ржавчиной и несет от него рыбьими потрохами.

— Уйдите от меня, — лепечет Луис. — Кто вы? Кто вы, люди? У меня нет того, что вам надо!

— Это уже неважно, — говорит мужчина. У него акцент. Мутный. Европейский.

Мужчина двигается неестественно быстро. Он втыкает Луису нож в левый глаз. Не до мозга, а чтобы выбить: решение, которое безволосый принял сейчас. Луис кричит. Напавший вынимает нож. Раздается чавкающий звук.

Тонкие губы мужчины складываются в невеселую улыбку.

Он медлит. Он любит.

Целый глаз Луиса смотрит куда-то за плечо этого мужчины.

— Мириам? — спрашивает Луис, но уже слишком поздно. Мужчина бьет его снова, в правый глаз. И на этот раз по рукоять. До самого мозга.

Глава четвертая

Вопрос на миллион долларов

У Мириам в ушах всё еще стоит звук, с которым нож выходит из одного глаза и погружается в другой. И его голос, произносящий её имя... Мириам? Оно отскакивает от её черепа, словно отрикошетившая пуля.

В руке такое ощущение, будто Мириам касается раскаленной плиты. Девушка ловит ртом воздух и отдергивает руку.

Её затылок бьется о пассажирское стекло. Недостаточно, чтобы разбить, но достаточно для того, чтобы в глазах засверкали звездочки. Не прикуренная сигарета падает с губ на колени.

— Ты меня знаешь? — спрашивает Мириам, пытаюсь сморгнуть белые пятна. Луис, конечно же, выглядит озадаченным.

— Я вообще не уверен, знает ли кто-нибудь кого-нибудь, — отвечает он.

— Нет! — рывкает она пронзительно, слишком пронзительно, и качает головой. — Я имею в виду, мы раньше встречались? Мы знакомы?

Рука Луиса всё еще висит там, где Мириам её пожимала, но сейчас мужчина медленно её убирает, как будто из-за быстрого движения он может её лишиться.

— Нет, мы не знакомы.

Девушка потирает глаза.

— Ты знаешь кого-нибудь по имени Мириам?

— Не думаю. Нет.

Луис смотрит на Мириам, как на гремучую змею. У него одна рука лежит на руле, другая свободна — на случай, если он решит ударить, как думает девушка. Он, вероятно, подозревает, что Мириам под наркотой. Если бы.

Черт. Она прекрасно понимает, как всё складывается. Отвратительное уравнение. У Мириам сводит желудок.

— Останови машину, — просит она.

— Что? Грузовик? Нет. Давай доедем...

— Останови чертов грузовик! — срывается на хриплый крик Мириам. Ей бы не хотелось, чтобы он получился таким, но ничего не поделать. Это напоминание о том, насколько слаба она, чтобы подобное контролировать. Мириам невесома, у неё кружится голова, затягивая в разверзнутую черную дыру.

Луис достаточно добр, чтобы не врезать резко по тормозам. Он сбрасывает скорость. Скулит гидравлика. Мужчина съезжает на обочину и останавливается.

— Хорошо. Спокойно, — говорит он, вытягивая перед собой руки.

Мириам скрипит зубами.

— Это самое худшее, что ты можешь сказать человеку, который очень даже не спокоен. Это как поджечь фитиль, Луис.

— Прости. Я не... очень в этом разбираюсь.

В этом? Он хочет сказать, в общении с сумасшедшими. Каковой она и является, вообще-то.

— Я тоже в этом не очень разбираюсь. — Тут же Мириам думает: «Но я становлюсь лучше. Неделя за неделей, месяц за месяцем, год за чертовым годом. В один прекрасный день всё это стекать с меня, как с гуся вода».

— Что случилось? — спрашивает Луис.

— Вопрос на миллион долларов.

— Скажи мне.

— Не могу, правда, не могу. Ты не... — Мириам делает глубокий вдох. — Мне нужно идти.

— Мы же в самом центре нигде.

— Это же Америка. Нигде — это везде. Везде — это где-нибудь.

— Я не могу позволить тебе уйти.

Мириам вылавливает с колен сигарету и трясущимися руками засовывает за ухо.

— Луис, ты очень хороший человек. Но ты выпустишь меня из грузовика, потому что понял, что я чокнутая. Я вижу выражение твоего лица. Ты уже думаешь: она не стоит никаких неприятностей. И это так. Я проклята. Я как фурункул у тебя на шее. Лучшее, что я могу для тебя сделать — уйти. А лучшее, что можешь сделать ты — вскрыть фурункул.

Схватив сумку, Мириам дергает дверь.

— Подожди! — кричит он.

Она не обращает на него внимание и тащится к шоссе. Ноги тут же промокают в первой попавшейся луже.

Луис пересаживается на пассажирское сиденье и открывает бардачок.

— Стой, подожди, — говорит он, роясь внутри. Луис вытаскивает белый конверт и когда вскрывает его, Мириам видит, что внутри:

Деньги. Толстая пачка Эндрю Джексонов.

Мозолистыми пальцами он вытягивает пять банкнот и протягивает Мириам.

— Возьми.

— Да пошел ты.

Он выглядит обиженным. Прекрасно. Ей и нужно было его обидеть. Мириам не любит это делать, но каждому нужно лекарство. Всякому необходимо своё лекарство. Горькое. Творящее чудеса.

— У меня много.

Это последнее, что ей надо знать. Это словно ставит на нем клеймо. Теперь в воображении Мириам он лежит мертвым, а его внутренности клюют вороны.

— Я не нуждаюсь в благотворительности, — говорит она, хотя это не так.

Его обида воплощается в нечто иное. Сейчас он злится. Луис хватает Мириам за руку достаточно сильно, но так, чтобы не сделать больно, и вдавливая деньги ей в ладонь.

— Здесь сто долларов.

— Луис...

— Слушай. Просто слушай. Иди в ту сторону, куда мы ехали. Примерно полчаса или около того. Ты наткнешься на мотель, моторные домики, что-то типа... бунгало на берегу. Там есть заправка и бар. Просто иди прямо и найдешь. Но с дороги сойди. Ты понятия не имеешь, какие странные типы здесь появляются по утрам.

— Я как раз знаю, какие странные типы здесь появляются, — отвечает она, потому что сама к ним относится. Мириам берет деньги. Она смотрит Луису прямо в глаза: он старается быть твердым, но даже сейчас его злость тает, засыхает словно короста и отваливается.

— С тобой все будет хорошо? — спрашивает он.

— Со мной всегда все хорошо, — отвечает она. — Тебе лучше вообще забыть, что мы встречались.

Мириам отстраняется и уходит. «Опусти голову. И не оглядывайся, тупица».

Ей нужно выпить.

Интерлюдия

Интервью

— Первое правило, — говорит Мириам, — я вижу то что вижу, когда кожа касается кожи. Если я дотронуся до твоего локтя в рукаве, тогда ничего. Если я надену перчатки, что и делаю, поскольку не хочу быть постоянным свидетелем этого безумия, тогда никаких видений.

— Это, наверное, ужасно, — говорит Пол. — Я хочу сказать... печально. Я имею в виду, снова и снова, и ты никогда не сможешь быть с кем-то по-настоящему близко, вот...

— Расслабься, Пол. Я справляюсь. Я же большая девочка. Но это подводит нас к правилу номер два. Или, может быть, номер три. Мне бы надо их записать. Правило в том, что видение случилось и закончилось. Оно не повторяется снова и снова... хотя, могу тебе сказать, что некоторые, очень неприятные видения, могут преследовать меня всю ночь. — Мириам замолкает и пытается ни о чем не думать. Перед её мысленным взором всплывает столько крови, столько страданий, столько последних мгновений жизни. Театр мрака, занавески которого всегда открыты. Танцующие скелеты. Щебечущие черепа.

— И как вы это всё видите? — интересуется Пол. — Вы как будто, что, ангел, парящий над сценой? Или вы оказываетесь на месте умирающего?

— Ангел. Забавно. Я с крыльшками. — Мириам протирает уголки глаз. — Это подводит нас к следующему правилу. Я просто сторонний наблюдатель. Я будто парю над всем происходящим или смотрю чуть со стороны. Я посвящена в детали, но не во все. Знаю, когда человек становится на шаг от того, чтобы покинуть сей бранный мир. Это интимный момент. Смерть не всегда очевидна, понимаешь... парень хватается за голову и валится с ног, причин может быть много. Но я точно знаю, что именно. Знаю, опухоль ли это мозга или оторвавшийся тромб, или шмель ввинчивающийся в кору головного мозга.

Мне еще кое-что известно. Год, день, час, минута, секунда. Вот как будто во Вселенную воткнули красную канцелярскую кнопку, и я её вижу. Единственное, как ни странно, я не вижу того, где это происходит. Местоположение остается загадкой. Если не брать во внимание визуальные подсказки, конечно. Вижу, например, как раскалывается голова одной чики на парковке Макдака, что у пересечения Мудачьего бульвара с Засранец-лейн, а на девке футболка с надписью: «Не связывайся с Техасом», включаю дедуктивные способности Шерлока Холмса и разгадываю эту шараду. Или же просто использую Google. Я, черт побери, обожаю Google.

— И насколько долго?

— Насколько долго что?

— Насколько долго... хм, как много вы видите? Одну минуту? Пять минут?

— Ах. Это. Ну. Я привыкла думать о минуте. Шестьдесят секунд на часах, отсчет пошел. Оказывается, это не так уж и много. Похоже у меня ровно столько времени, сколько и должно, если в этом есть какой-то смысл. Автомобильная авария может случиться за тридцать секунд. Сердечный приступ или нечто подобное длится пять. Я вижу то, что мне позволено. Самое странное то, что, даже если бы я видела что-то в течение пяти минут, в реальной жизни это займет не более секунды. Вот я улетела и тут же вернулась. Это, конечно, раздражает.

Пол хмурится, и Мириам уверена, несмотря на то, что случилось с его дядей, он не до

конца ей верит. Да она его в этом и не винит. Ей порой и самой кажется, что такое невозможно. Самый простой ответ — она свихнулась. Она летучая мышь. Она паук из сортира.

— Вы становитесь свидетелем последних минут жизни человека, — говорит Пол.

— Отлично сказано, — отвечает Мириам. — Многих жизней. Ты знаешь, со сколькими людьми ты сталкиваешься в подземке на протяжении лета? И все с короткими рукавами. Дело в локтях, Пол. Смерть и локти.

— Ну, а почему вы это не останавливаете?

— Не останавливаю что? Смерть?

— Ага.

Мириам хихикает. Звук получается из разряда «я-знаю-то-чего-не-знаешь-ты». Ирония грустного грубияна. Девушка подносит бутылку к губам, но не пьет.

— Почему я это не предотвращаю, — размышляет она, вода губами над горлышком бутылки. — Что же, Пол, это подводит нас к последнему — и жестокому — правилу.

Она делает глоток Джони Уокера и начинает объяснять.

Глава пятая

Свет фонаря

Мириам шла полчаса и все это время у неё в голове крутились серьезные размышления. Ужасные мысли только и делали, что наворачивали круги.

Мужчина, дальнобойщик, Франкенштейн. Луис. Он умрет через тридцать дней в 19:25.

И это будет ужасная картина. У Мириам перед глазами смерть играет на сцене. Кровь, разбитое стекло и мёртвые глаза — всё это на задворках её сознания. Но она очень редко предвидит убийства. Самоубийства, да. Проблемы со здоровьем — постоянно. Автомобильные аварии и другие личные катастрофы, снова и снова.

Но убийство. Это редкая пташка.

Через месяц Луис назовёт её имя прежде, чем умрет. Хуже того, он смотрит на кого-то до того, как нож проходит сквозь глаз прямо в мозг, и называет имя. Он видит её. Он обращается к ней.

Мириам думает об этом опять и опять, но смысла так и не видит.

Она кричит что-то смешанное из «херня» и «дерьмо», — она и сама не уверена, хватает кусок отломанного асфальта, замахивается и швыряет в центр дорожного знака. Раздается лязг. Знак покачивается.

Пройдя мимо, Мириам замечает надпись: «Закусочная Свифти».

Неоновые пивные надписи светятся в предгрозовом ночном небе. Бар — это свет фонаря, а Мириам — мотылек (разжиревший на смерти). Она меняет свой полет в сторону закуской.

Она уже почти ощущает во рту вкус еды.

Внутри бар похож на злобное дитя, порождение лесоруба и байкерши. Он извивается. Темное дерево. Головы животных. Хромированные колесные диски. Бетонный пол.

— Оазис, — произносит вслух Мириам.

Внутри не многолюдно. Несколько дальнобойщиков сидят за столом, играют в карты вокруг кувшина с пенистым напитком. В задней части бара вокруг одинокого бильярдного стола неторопливо кружат байкеры. Слева от двери над горкой старого, до состояния лака высохшего жаренного сыра, кружат мухи. Из музыкального автомата воеет Iron Butterfly. Inna

Gadda Da VlahVlah, малышка [6].

Мириам видит бар, края которого обозначены тяжелой цепью.

Девушка решает, что до тех пор, пока её не выгонят, это место станет ей домом.

Она говорит бармену, одетому в грязную черную футболку и похожему на недопеченное тесто Пиллсбери [7], что хочет выпить.

— Пятнадцать минут до закрытия, — бормочет он, а потом добавляет: — Малышка.

— Забудь про «малышку» к чертям, бледнолицый. Если у меня только пятнадцать минут, тогда мне нужен виски. Самый дешевый и самый дерьмовый. Думаю, что-то типа бензина для зажигалки, смешанного с мочой. Можешь рядом поставить стопарь, а если ты еще и ответственный, то и нальешь сам.

Он смотрит на неё бесконечное количество секунд, потом пожимает плечами.

— Конечно. Все, что угодно.

Бледнолицый с громким шлепком ставит на стол пластиковую канистру, в которой некогда был налит антифриз, а судя по цвету виски внутри, антифриз было бы пить куда безопаснее. Он отгоняет мошек. Они, вероятно, слетелись на запах паров.

Бармен откупоривает канистру. Закашлявшись, мужчина отшатывается и потирает глаза. Запах долетает до Мириам несколькими секундами позже.

— Такое ощущение, что кто-то мне ссыт в глаза, — говорит она. — И под нос.

— Его делает мой друган по ту границу от Теннесси. Он использует старые бочки вместо дубовых. И называет это бурбоном, но я не особо в курсе.

— Дешевое?

— Никто никогда его не пил. Вся бутылка твоя за пять баксов, если хочешь.

От виски пахнет так, словно кто-то обжигает дно лодки, освобождая его от налипших ракушек; Мириам даже представить не может, что он сделает с её желудком. Но ей именно это сейчас надо. Ей надо очиститься. Она шлепает на барную стойку пятерку и стучит по столешнице.

— Все что мне нужно, это стакан.

Бледнолицый ставит стопку рядом с пятеркой, которую потом и забирает жирной своей рукой.

Мириам поднимает канистру из-под антифриза и наливает в стопку. Она проливает немного жидкости на барную стойку и удивляется, почему её не прожигает насквозь.

Мириам таращится на мутный вискарь. На поверхности плавают какие-то ошметки. Но на поверхности видно что-то еще: Луис. Его лицо. Два выбитых глаза. Рот, произносящий её имя.

«Пей», — велит она себе. Ничего нового здесь нет. Так происходит на протяжении восьми лет. Она видит смерть повсюду. Все умирают равно так же как и срут. Этот парень ничем не отличается от других («за исключением того момента, — говорит тоненький голосок, — где он получает удар в глаз ржавым ножом и произносит твоё имя, прежде чем его мозг насаживают на вертел»), так что, с чего бы ей переживать? Мириам пофиг (так и есть) и чтобы это доказать, она пьет. Залпом.

У неё такое ощущение, что в горле и животе взрывается петарда. Мириам чувствует, как та бьет по печени. Это самое худшее, что девушка когда-либо вливала себе в рот.

Отлично. Мириам наливает еще.

Бледнолицый пораженно наблюдает.

Она пьет вторую стопку, по телу начинает расплзаться онемение. Оно разливается до

самых краев. Берет эти ужасные мысли, что мельтешат в голове и веревкой оборачиваются вокруг шеи. Тащит их к самому краю детского бассейна. Держит их головы под водой. Они пинаются и пытаются вырваться. Начинают тонуть.

В этой пачке извивается одна последняя мысль.

Мириам думает о воздушном шарике, парящем над шоссе.

Девушка закрывает глаза и наливает еще. Мириам не слышит, как открывается входная дверь. Даже не замечает, что кто-то усаживается рядом.

— Ты пить будешь или это всего лишь игра?

Мириам поднимает взгляд. У него мальчишеское лицо. Сальные черные волосы похожи на вигвам, собранный из вороновых крыл. Ясные глаза. С отчетливыми границами улыбка, вызывающая ответную.

— Я всегда допиваю свою выпивку, — отвечает Мириам.

— Когда допьешь, я куплю тебе еще. — Он смотрит на канистру. — Что-нибудь такое, что не похоже на воду, куда окунали грязную швабру.

— Просто дай девушке спокойно умереть.

— Да ладно, — говорит он. — Ты слишком хорошенькая, чтобы оставить этот мир. Даже с фингалом под глазом.

Она не может ничего с собой поделаться. У Мириам замирает сердце. Между ног начинает покалывать. У парня приятный голос. Мелодичный, похожий на пение крыльев ангела. Но в тоже время не женственный. В нем царит уверенность в себе. Никакого южного акцента. И похож он на тот, что несет плохие вести. Это её заводит. Её нравятся плохие новости. Это заставляет Мириам чувствовать себя нормальной, какой бы эта нормальность не была.

Впрочем... его лицо кажется ей знакомым. Но Мириам никак не может вспомнить откуда.

Он же заказывает себе пива. Получает его. Но глаз с Мириам не сводит. Изучает.

— А что ты говоришь девушке, у которой синяки под обоими глазами? — интересуется она.

— Ничего такого, что ты ей уже дважды не сказал, — быстро отвечает он.

— Отличный способ запороть всю шутку, — говорит Мириам. — Со мной ты уже прокололся.

— Неа. Только не я. — Опять эта улыбка. Острая. Очень острая. Очень сексуальная. Вот дерьмо. — Кроме того, я вижу только один фингал.

— Тогда, возможно, я так и не выучила свой урок.

— Меня зовут Эшли. Эшли Гейнс.

— Эшли — это девчачье имя.

— Именно так и сказал бы отец, прежде чем пройтись ремнем по моей спине. — Он говорит подобное, но улыбка не сходит с его лица. На самом деле, она даже становится больше, шире.

Губы Мириам образуют букву О. Она щурится и смеется.

— Дерьмово, чувак. Ты понимаешь всю соль моей шутки и добиваешь меня своей про детство? Знаешь, что? Отлично. Когда придет апокалипсис, я позволю тебе остаться в живых. Меня зовут Мириам.

— Мириам — это старушечье имя.

— Ну, я так себя и ощущаю.

— Я могу сделать так, что ты почувствуешь себя моложе.

Она закатывает глаза.

— Вот черт. А так хорошо все начиналось.

— Знаешь, что я тебе скажу? — интересуется Эшли, лениво отрывая этикетку с бутылки. — Я пойду в комнату маленького ковбоя и окрашу там водичку в желтый цвет. Потом подойду к зеркалу, буду прихорашиваться, потому что хочу выглядеть для тебя привлекательным. Помою руки, конечно же. Я грязнуля, но не до такой степени. Когда закончу, вытрусь и вернусь.

— Вот спасибо за подробности. А ты свои яйца лапать будешь?

Он не обращает на неё никакого внимания.

— Если ты всё ещё будешь здесь, значит все в порядке. Я приударю за тобой, как детишки за пиньятой [8]. Ты будешь смеяться. Я буду смеяться. Ты коснешься моей руки. Я коснусь твоего бедра. И ты уедешь ко мне домой.

Эшли ухмыляется, комкает мокрую этикетку и бросает её прямо в стопку Мириам.

— Засранец, — говорит Мириам.

Он встает и идет в дальнюю часть заведения.

Мириам пялится на его зад. Костлявый. Хотя вполне достаточно, чтобы было за что схватиться.

Она наблюдает, как Эшли проходит мимо трио байкеров, кружащих у бильярдного стола. Из-за занавески седых волос выглядывает лицо старика. Парень рядом с ним невысокий и коренастый, всё его тело похоже на пачку хот-догов. Третий, похожий на Громовержца, — живая, монументальная скала. Его огромные кости обросли мышцами и жиром, парень размером шесть на шесть. Стволopodobные руки набиты чернилами: лицо старушки, дерево в огне, букет черепов, мотоцикл в огне. Это Жирный Чувак.

Жирный Чувак готовит удар. Прилаживает кий, из-за которого торчит его гигантская голова.

Эшли проходит мимо. Его костлявые бедра задевают кий.

Тот царапает зеленое сунко и подбивает шар в сторону лузы.

Мимо.

Жирный Чувак поворачивается к Эшли. Если бы они стояли на улице, померкло бы солнце. Задрожала земля. А магма начала бы выплескиваться из разверзнувшейся земли.

Эшли улыбается. Жирный Чувак клокочет. Муха, откормленная на засохшем сыре и застрявшая между ними, как меж двух огней, спешит убраться оттуда к чертовой матери.

— Болван, — говорит Жирный Чувак. — Ты испоганил мне удар.

Эшли улыбается той самой улыбкой и тогда Мириам понимает, что у них неприятности.

Глава шестая

Пора закрываться

— Так переиграй, — говорит Эшли, лукаво глядя на байкера.

— Не могу, — отвечает Жирный Чувак, как будто ему предложили переспать с собственной матерью. — Правила есть правила, засранец.

Старый байкер с занавеской из волос, которого Мириам прозвала Серый лобок, заходит Эшли за спину. Второй, Хот-дог, встает с боку, как один из велоцирапторов из парка Юрского периода.

Бледнолицый исчезает за барной стойкой и больше не появляется.

Мириам рассматривает это как очередной плохой знак.

— Я уверен, что твои друзья будут рады дать тебе возможность переиграть, — говорит Эшли.

Серый лобок отрицательно качает головой. Хот-дог что-то бормочет.

— Мои друзья не нарушают гребанных правил, — говорит Жирный Чувак.

Эшли лишь пожимает плечами и говорит:

— Хорошо. Тогда иди в жопу.

Жирный Чувак двигается быстрее, чем могла подумать Мириам. Серый лобок поворачивает Эшли вокруг своей оси, а Жирный Чувак в это время просовывает кий ему под подбородок. Трахея пережата.

Байкер поднимает Эшли в воздух, как бобовый стебель маленького Джека.

— Я выбью из тебя всё дерьмо, — грохочет Жирный Чувак.

Когда затылок Эшли вдавливаются в гору мышц Жирного Чувака, у него в горле начинает булькать. Ноги уже дергаются. Губы синеют, а Мириам ничем не может с собой поделаться, кроме как думать про Дель Амико.

Девушка понимает, что лучше не вмешиваться. Лучшее что она может сделать, выйти из бара с канистрой виски и идти не оглядываясь. Конечно же, она никогда не была Королевой Правильных Решений.

Она не торопится. Мириам тянет время, а когда оказывается рядом, губы Эшли уже стали фиолетовыми, похожими на дождевых червей.

Мириам рывком дергает Жирного Чувака за подол его жилетки.

— Прошу прощения, — говорит она со всей своей девичьей вежливостью. — Великан? Можем мы поговорить?

Тот поворачивает к девушке свой огромный череп. Мириам почти слышит скрип камней, когда гора пытается найти надоедливого комара.

— Что такое? — спрашивает он, словно ничего больше не происходит.

Ноги Эшли безвольно повисают.

— Вы хотите, чтобы этот парень задохнулся?

— Угумс.

— Это мой брат. У него... проблемы. Первая — это плохие манеры. Вторая — его зовут Эшли, а с таким имечком он запросто может носить в кармане пару вагин, не так ли? Третья — он наполовину дебил. Хотя, я не против поставить деньги, что и на две трети. Мама подкармливала его удобрениями для лужайки, когда он был ребенком, полагаю, это была некая попытка аборта.

Глаза Эшли закатываются куда-то к затылку.

— Сейчас, — продолжает Мириам, — если вы будете столь добры, что перестанете его душить и расскажете, что вы, джентльмены, пьете, я бы купила вам еще, пока заведение не закрылось.

— Да неужели? — интересуется Жирный Чувак.

Мириам поднимает вверх два пальца: жест скаута, хотя его можно истолковать и как молчаливую угрозу.

Девушка наблюдает, как под кожей мужчины начинают передвигаться тектонические плиты. Кий отрывается от шеи Эшли и тот тяжело падает на колени, задыхаясь, хрипя и потирая горло.

— Покорнейше благодарю, — говорит Мириам.

Жирный Чувак кряхтит в ответ.

— Тебе стоит держать своего братца на поводке. И достань ему каску.

— Я подумаю.

— Мы пьем пиво. Светлое. Но, думаю, нам стоит выпить чего-нибудь другого. Текилы.

— Текила, ясно.

— И хорошую. А не кактусовый сок.

Мириам показывает ему большой палец, а потом протягивает руку Эшли. По большей части задыхаться он уже перестал. Только покашливает. Но руки не принимает.

Он поднимает на неё глаза и улыбается. Мириам понимает, что грядет, но, как и с машиной-развалюхой, ничего с этим поделать не может.

Эшли бьет Жирного Чувака в пах.

Разумеется, это ни к чему не приводит, поскольку у парня яйца из базальта. Жирный Чувак даже не вздрогнул. Хотя он выглядит несколько удивленным.

— Это не очень хорошо, — говорит Жирный Чувак.

Потом он замахивается и наотмашь бьет Эшли по лицу, всё ещё находящемуся на уровне промежности.

Эшли, однако, оказался к этому готов. Он откидывается назад и кулак Жирного Чувака вспарывает воздух, врезавшись в угол столика на двоих. Мириам видит, что столешница ломает два пальца на руке байкера; они оттопыриваются, похожие на прищепку. Девушка слышит хруст. Как будто кто-то переломил веточку через колено.

Жирный Чувак, к его чести, не кричит. Он лишь медленно подносит руку к лицу и смотрит на неё так, как горилла может разглядывать степлер или iPod.

Начинается хаос.

Седой лобок тянет руки к шее Эшли, но Мириам действует быстро: она пинает ближайший стул и тот врезается прямоком байкеру в живот, мужчина сгибается пополам. Эшли тем временем врезается плечами в колени Хот-дога, и парень падает на пол.

И тут: хрясть. На голову Эшли опускается кий. Жирный Чувак держит отломанную половину в здоровой руке. Байкер смеется. Для него всё происходящее сплошное развлечение.

Прежде, чем она это понимает, Мириам оказывается в самой гуще. Кулак уже летит, но она не знает куда. Девушка чувствует, как возле её челюсти колышется воздушный поток — миллиметровый промах. Эшли на ногах, глаза перекошило, но Жирный Чувак возвращает его обратно, бросая на двухместный столик, который раскачивается, будто качели.

Мириам замечает отблеск: Серый лобок, прикрывая пах одной рукой, второй достает нож.

Руки Хот-дога толкают Мириам вперед.

Жирный Чувак заносит над черепом Эшли обломок кия.

Всё происходит так быстро и в то же время так медленно. Мириам какая-то вялая. Вернее, говоря, полупьяная.

Пришло время покончить с происходящим. Пришло время мамочки, спасающей жизни.

Когда Серый лобок идет в её сторону, Мириам лезет в карман. Она обходит Хот-дога. Жирный Чувак что-то рычит и его пальцы — даже сломанные, искалеченные — плотно ложатся на оружие. Рука Мириам находит то, что искала. Девушка достает из кармана предмет и использует его.

Перцовый баллончик. Кристаллический. Бьет струей, а не распыляется. Хорош против

собак, медведей и Жирных Чуваков.

Она бешено размахивает баллончиком. Струя попадает Жирному Чуваку в глаза, он воеет, пытаясь отмахнуться от струи, словно это поможет. В воздухе проносится лезвие и Мириам направляет струю в сторону Серого лобка. Хот-дог, вступая в игру, хватается девушку рукой за запястье...

Олененок на подгибающихся ещё ножках выбегает на дорогу и там замирает, стоя в темноте, обрамленный лишь окружностью мотоциклетных фар. Хот-дог слишком занят, он целует какую-то старую чикку, всю в татуировках и с ореолом герпеса вокруг рта. К тому времени, как его язык выныривает из вулканической ловушки, становится слишком поздно. Он отворачивает мотоцикл, пролетая в миллиметрах от белого хвостика. Шины врезаются в гравий обочины. Байк заносит, и он переворачивается. На Хот-доге нет шлема. Лицо встречается с дорогой. Гравий совместно с асфальтом превращаются в шлифовальный станок. Они сносят половину лица как ни в чем не бывало, и оно становится похожим на бифштекс. Глаза вываливаются из глазниц. Тело похоже на тряпичную куклу, позвоночник складывается и раздается щелчок. Чика кувыркается через голову, словно споткнувшийся супергерой, её руки похожи на колеса. Женщина кричит. Олененок скрывается в кустах.

...Мириам делает шаг в сторону, втыкает баллончик ему в рот и наполняет его перцем. Проходит всего две секунды, прежде чем он падает навзничь на холодный бетонный пол. Лицо байкера красное, глаза похожи на волдыри, сопли и пот выходят ровным потоком.

Мириам вздергивает Эшли вверх.

— Надо бежать, — говорит она.

Жирный Чувак царапает глаза сломанной рукой.

Эшли подбирает обломок кия и бьет им Жирного Чувака по голове. Мириам его одергивает.

— Я сказала, бежим!

Эшли хохоча удирает.

По пути Мириам бросает за барную стойку, где прячется бледнолицый, двадцатку. Плечи девушки врезаются в дверь, широко её распахивая. Снаружи запахом асфальта и пролитого пива по телу бьет воздух. У Мириам начинает кружиться голова. Она едва не спотыкается на стоянке. Фонари, проливающие свой желтый свет, расплываются. Голову наполняет удаленный гул автомобилей, едущих по шоссе. Мириам чувствует себя потерянной. Куда идти? Куда бежать?

Рука Эшли опускается Мириам на поясницу.

— Сюда, — говорит он.

Мириам идет следом. Эшли роется в кармане в поисках ключей и, прежде чем Мириам замечает, он дергает водительскую дверь белого Форда Мустанг, выпущенного в конце восьмидесятых.

— Залезай! — кричит он.

Как и тот таракан в комнате Дель Амико, она делает то, что велено.

Салон автомобиля темный, весь заваленный, грязный. В некоторых местах винил разорван. Кофейные стаканчики и пластиковые бутылки из-под содовой кучкой лежат на коврик у ног. Пара игральные карты, свисающих с зеркала заднего вида, уже давно не освежает воздух от сигарет и пота.

Эшли вставляет ключ в замок зажигания, но двигатель не заводится. Он крутится снова и снова — тра-тра-тра-тра, словно заикающийся астматик, — но не заводится.

— Какого хрена? — вопрошает Мириам. — Давай же!

— Да знаю я, — лает в ответ Эшли. Его ступня давит на педаль газа.

Тра-тра-тра-ттрррр-тра-та-та.

Двери бара, расположенные в сотне, а может, и меньше шагов, распахиваются.

Появляется Жирный Чувак. Даже в неверном свете парковочных фонарей Мириам видит белое кольцо ярости, обрисованное вокруг рта, из ноздрей и уголков глаз, словно у разъяренного быка, свисает слизь.

В его руке Мириам видит дробовик. Она понятия не имеет где он его взял (за стойкой?), но это и не имеет значения, потому что он существует наяву и он в руках разозленного байкера.

— Поехали, поехали, поехали! — кричит девушка. — Дробовик!

Автомобиль слышит панику в её крике и оживает. Двигатель чихает и кашляет, но не глохнет, самое время. Эшли дает задний ход и разворачивается... к сожалению, слишком близко от разозленной горы с готовым к стрельбе дробовиком.

Раздается выстрел.

Заднее окно рассыпается по сидению. Слышится звон и дребезжание разбитого стекла.

Мустанг, подобно коню, в честь которого назван, ревет, когда Эшли топит педаль в пол. Машина оставляет за собой облако камней и выхлопных газов. Она скачет вперед так, словно кто-то пытается воткнуть ей хлыст в задницу. Раздается еще один выстрел и Мириам слышит, как дробь пробивает заднюю часть автомобиля, но для Жирного Чувака всё уже слишком поздно.

Визжа покрывками, машина вылетает с парковки. Эшли хохочет.

Глава седьмая

Оргазм

Ночь.

На извилистой проселочной дороге стоит небольшой дом. Глициния — по-своему красивое растение, но признанное в Северной Каролине сорняком — закрывает половину дома, связывая её толстыми лианами, словно пальцами, и фиолетовыми цветами, подобно гроздьям светлого винограда.

Где-то лает собака. Скрипят сверчки.

Небо черное, с мириадами звезд.

На подъездной дорожке стоит Мустанг, заднее стекло у которого отсутствует, а на багажнике виднеется россыпь маленьких отверстий.

Внутри дома кромешная тьма. Всё совершенно неподвижно. Предметы и тени органично сливаются в тихую неподвижность.

А потом: звук.

Снаружи у входной дверь слышится звон ключей. Потом кто-то их роняет. Кто-то хихикает, и кто-то говорит: «Дерьмо». Ключи подняты и вставлены в замок. Очередное хихиканье. Снова 19 возня.

Дверь распахивается, едва не слетая с петель. Тени двух человек то приближаются, то отдаляются, то снова приближаются. Между ними сумасшедшее притяжение, они сминают друг друга. Два тела врезаются, становятся суперновой звездой; находят точку опоры, далее следует пируэт, потом бедра бьются о стол, на пол опрокидывается стопка писем, туда же в скором времени отправляется и картинка, упавшая со стены. Звенит разбившееся стекло.

В поисках выключателя ладонь бьет по стене.

Щелк.

— Черт, — говорит Мириам, — так ярко.

— Заткнись, — говорит Эшли и прижимает её к бледной микрофибре дивана; его руки у Мириам на бедрах, держат её твердо.

Он приближается лицом к её лицу. Губы встречаются с губами, зубы с зубами, язык...

Эшли сидит в инвалидном кресле, он старый, его безволосый скальп — шахматная доска из пигментных пятен и разного рода других отметин. Немошные руки спокойно лежат на коленях поверх одеяла и...

...с языком. Мириам прикусывает его нижнюю губу, Эшли кусает в ответ. Она скидывает ноги, охватывает ими костлявые бедра и крепко сжимает, а потом резко переворачивает Эшли так, что он оказывается на спине.

Одним махом Мириам сдирает с себя футболку. Руки Эшли держат её крепко, жестко, болезненно...

на полу рядом с ним стоит кислородный баллон, трубки которого протянуты под розовое одеяло и дальше до носа пациента. Он маленький, похожий на скомканный стаканчик, на мешок с медленно разлагающимися костями, но его глаза, его глаза всё ещё молоды, сверкают как злобные зеркала. Эти глаза мечутся то влево, то вправо, они глядят подозрительно или же пытаются разглядеть кого-то подозрительного рядом, и...

...скомканная рубашка исчезает за её плечом. Они снова целуются.

Одежда слетает, тканевый след тянется из гостиной в спальню.

Проходит совсем немного времени, и вот уже кожа касается кожи, а когда молодые люди оказываются на кровати, у Мириам перехватывает дыхание...

он следит за двумя санитарями, болтающими в углу, чтобы скрасить свою рутинную работу и помочь себе забыть, сколько раз им приходится тереться в душе, чтобы смыть с себя запах пожилых людей. Но они ни за кем не следят. Палату населяют древние, глубокие старики, они все находятся в разной степени апатии; женщина с рыжими волосами вяжет спицами, между которыми нет и следа ниток. У восьмидесятилетнего тощего старика тонкой струйкой течет слюна. Тучный мужчина поднимает край футболки и царапает себе пузо, невидящими глазами уставившись в телевизор, где идет мультфильм про Спанч Боба.

...и вот уже становится недостаточно кровати; они падают на пол. Мириам кусает Эшли за ухо. Он щиплет её за соски. Девушка вонзает ногти ему в спину. Руки Эшли оказываются на горле Мириам и она чувствует, как к голове приливает кровь, пульс учащается с каждым ударом. Девушка закрывает глаза и засовывает палец Эшли в рот...

и всё время, пока Эшли сидит, его тело неподвижно, двигаются только глаза. Он подтягивает одеяло к подбородку, открывая ноги. На правой ноге болтается шлепанец, левая ступня отсутствует. Нога заканчивается пеньком, торчащим из-под выцветшей пижамы. Протеза нет. Эшли задумчиво, хмуро и печально смотрит на ногу.

Нога Мириам касается ноги Эшли и между молодыми людьми проносится электрический разряд, сотрясающий всё тело девушки. Она чувствует одновременно и восторг, и отвращение, словно она из тех людей, что просто бесятся, когда попадают в дорожную аварию, но ей всё равно. Она в прострации. У Мириам кружится голова. Руки Эшли на её горле становятся тверже. Он смеется. Она стонет. Ногу Мириам сводит судорогой. Пальцы немеют.

Девушка поддевает ногой свисающее с кровати покрывало и замечает какой-то отблеск

— металлический чемоданчик, кодовый замок, черная лакированная ручка, — но потом перед её взором появляется Эшли, в ушах слышится лишь пульсация крови.

Мириам убирает руки Эшли со своего горла и переворачивает молодого человека на спину. Он бьется головой о ножку стоящего рядом стола, но они не обращают на это внимания. Теперь уже Мириам душит Эшли. Он же вскидывает голову и кусает девушку где-то рядом с ключицей. Мириам чувствует себя живой, более живой, чем никогда прежде. Её подташнивает, у неё кружится голова, она вся мокрая, словно волна, выброшенная на берег. Мириам сжимает своими бедрами Эшли и чувствует его внутри себя...

его веки опущены, а когда они поднимаются, под ними нет уже никакой ясности. Остается только мутная дымка. Эшли стягивает с лица кислородную маску и позволяет той упасть рядом с креслом. Веки старика трепещут. Грудь вздымается раз, потом другой. Из горла доносится хрип, похожий на звук, когда из шины выходит воздух. Хрип становится влажным; легкие заполняются жидкостью и Эшли начинает хватать ртом воздух, словно рыба, выброшенная на берег. Губы двигаются, но ничего не находят. Он тонет в своем собственном теле, когда наконец один из санитаров — худой темнокожий парень с серебряным кольцом в носу — не замечает и не подбегает к нему, аккуратно встряхнув старика. Он поднимает маску и смотрит на неё так, словно не понимает, что перед ним, потом санитар зовет:

— Мистер Гейнс? Эшли? — Теперь до него доходит. Он понимает, что происходит. — Вот черт. Старик, ты еще с нами? — Эшли с ними последнюю секунду. А потом его нет. Санитар говорит что-то еще, но его слова тонут во тьме, потому что смерть — это смерть, хрипящий стон.

Мириам кричит. Не всхлипывая, а с надрывом, внутри неё взрывается смесь эмоций, которая приводит к оргазму.

Это удивляет её.

Интерлюдия

Сон

Красная лопата для снега бьет её прямо по центру спины. Мириам падает на пол. Она больно бьется подбородком; сильно прикусывает язык. Рот Мириам наполняется кровью. Лопата вновь летит вниз, на этот раз бьет по затылку. Ломается нос. Брызжет кровь.

В ушах звенит, в глаза всё расплывается. Звук высокий и пронзительный.

Мириам смотрит сквозь слезы вверх.

На унитазах в туалетной кабинке сидит Луис. С надетыми штанами. Покосившиеся переборки едва вмещают его широкие плечи, огромное тело. Обоих глаз нет, они залеплены изолентой. Луис прищелкивает языком.

— Ты настоящая пожирательница мужиков, — говорит он и присвистывает. — Дель Амико. Я. Тот старый хрыч из Ричмонда. Гарри Ослер в Пенсильвании. Брен Эдвардс. Тим Стрезневский. Видишь пенни, обязательно подберешь. Я прав? О, и не стоит забывать про того паренька на шоссе. Так много мертвых мальчиков. Имена лишь множатся, начиная с... какого? Восемь лет назад. Бен Ходж.

Мириам сплевывает кровь.

— Женщины тоже. И я их не убиваю. Я никого не убиваю.

Луис смеется.

— Продолжай себя успокаивать, маленькая леди. Что угодно, лишь бы спать по ночам. Помни, если ты не нажимает на курок, это не значит, что ты не убийца.

— Это судьба, — говорит Мириам, у неё с нижней губы свисает кровавая ниточка. — Это не я. Такова судьба. Чего судьба хочет...

— То и получает, — договаривает Луис. — Я знаю. Ты часто это говоришь.

— Мама обычно говорила...

— Что есть, то есть. Фраза с бородой.

— Да пошел ты. Ты не настоящий.

— Пока нет. Но через месяц стану настоящим. Еще одним скелетом в своем шкафу, еще одним призраком в твоей голове. Он болтается, покачивается, стонет, ноет.

— Я не могу тебя спасти.

— Очевидно, что нет.

— Катись в ад.

Он подмигивает.

— Там и встретимся. Берегись вон той...

Мириам в спину упирается лопата. Девушка чувствует, как она входит глубоко. Бедрa становятся влажными. Боль сводит с ума.

— ...лопаты.

Глава восьмая

Выгодная сделка

На следующее утро.

Пять человек (считая студентов-санитаров). Одна смерть. Много насилия. Заголовок крупными буквами специально для Мириам Блэк.

Упершись руками о раковину в ванной Эшли, она смотрит на своё отражение в зеркале. Мириам курит, выдувая дым в лицо своей визави, наблюдает как дым встречается с дымом.

Всё дело в том, что её беспокоит случившийся оргазм.

И дело не в сексе. Секс случается... черт побери, он часто у неё происходит, ведь это для неё как хобби; как скрапбукинг или коллекция бейсбольных карточек для других людей. Кого это волнует. Тело Мириам отнюдь не священный храм. Когда-то он им был, но свой статус святости потерял много лет назад (восемь, подсказывает внутренний голос), пролив на алтарь слишком много крови.

Значит, оргазм. Это что-то новенькое.

У неё его не было... Мириам достает еще одну сигарету из пачки Мальборо, пытаясь подсчитать. Не может. Для неё это, будто что-то из разряда высшей математики. Как же давно это было.

Так что же на счет прошлой ночи? Бум. Бах. Фейерверк. Вырвавшийся на волю фонтан. Салют из двадцати стволов, ракета, летящая к луне, концерт Паваротти, взрыв Вселенной, которая взрывается снова и снова, и снова.

Мигающий красный свет. Сигнал тревоги гаснет.

И с чего же он случился?

Мириам прижимает голову к зеркалу. Стекло холодит кожу.

— Если на чистоту, — обращается она к отражению, — ты разбита. Тебя нельзя починить. — Перед глазами встает образ фарфоровой куклы, которую сначала протащили по лужам крови, грязи и дерьма, а потом, подбросив в воздух, отправили под колеса встречного восемнадцатилетнего грузовика. Эта кукла похожа на Мириам.

(Красный шарик улетает в небо).

Пора делать то, что у Мириам получается лучше всего.

— Пора перекрасить волосы! — щебечет она.

Таков её истинный дар: способность выбросить подобное из головы. Прогнать мысли ударом локтя. Дзен и немного репрессий.

Мириам открывает сумку и достает две коробочки. Она приобрела их пару дней назад в Роли-Дарем [9], и под «приобрела» подразумевалось «стянула».

Это краска для волос. Дешевенькие цвета для девочек-панков. Взрослая, уважающая себя женщина, никогда не купила бы ничего подобного и никогда не стала бы красить волосы такими цветами как «Черный дрозд» и «Вампирский красный». Но, несмотря на то, что Мириам юридически считается взрослой, у неё нет ни грамма самоуважения, не правда ли? От слова «совсем».

Мириам высовывает голову из ванной. Эшли лежит на кровати, тяжелые веки полуприкрыты. По телевизору показывают какое-то дневное телешоу.

— Тяжелый день на работе, милый? — интересуется она.

Он моргает.

— Который час?

— Девять тридцать. Десять. Пожму плечами.

— Ты только что сказала, что пожмешь плечами, вместо того, чтобы реально ими пожать?

Мириам не обращает внимания на вопрос и вместо этого протягивает перед собой две коробочки.

— Посмотри. «Черный дрозд». Или «Вампирский красный»? Выбирай.

— Выбирай что?

Мириам раздраженно фыркает.

— Кандидата в президенты Луны и всех её провинций.

Эшли недоуменно таращится в ответ.

— Цвет волос, бестолочь. Я хочу перекрасить волосы. «Черный дрозд»... — Мириам трясет одной коробочкой. — Или «Вампирский красный»? — Она трясет другой.

Эшли щурится, его лицо расслабляется, а это говорит о том, что он ничего не понимает. Мириам рычит и топает к нему, бросив сумку. Она подносит обе коробочки к подбородку молодого человека и исполняет некое подобие танца Let's All Go To The Lobby [10]

— Черная, красная, черная, красная, — перебирает она.

— Ага, мне вообще-то все равно. Слишком рано для подобного дерьма.

— Чушь. Для того, чтобы перекрасить волосы никогда не рано.

— Понятия не имею, — брюзжит он. — Я не из жаворонков.

— Так, давай-ка разберемся, — говорит Мириам. — Вампиры ведь клёвые, так? По крайней мере, современные, ведь они затянуты в чёрную кожу, такие сексуальные, живут в роскоши и достатке. К тому же, они бледные. А я бледная. Однако стоит обратить внимание, что они еще те жулики. Обходительные. Знойные. Во мне ничего такого нет. Плюс, не хочу быть похожей на шлюху из борделя Дракулы или Готов с Эмо со всем их дерьмом.

Девушка протягивает другую коробочку.

— С другой стороны, Черные дрозды птички прикольные. В мифологии они обозначают смерть. Говорят, что черные дрозды — психопаты. Как воробьи, они из тех, кто помогает переносить души из мира живых в мир мертвых. — Внутренний голос что-то пытается пропищать, но Мириам его затыкает. — Конечно, с другой стороны, у этого рода, или вида, я

постоянно путаю понятия, есть общее с видом *Turdus* [11], в произношении которого, разумеется, есть часть «какашка». Как-то не очень идеально.

Эшли наблюдает и слушает.

— Откуда ты всё это знаешь?

— Из википедии.

Он бодро кивает.

— Так и что?

Эшли трясет головой.

— Чувак, я серьезно. У тебя появился такой шанс повлиять на мою судьбу. Если ты придерживаешься мысли, что взмах крыльев бабочки в Толедо может вызвать ураган в Токио, ты должен понимать, что сейчас ты обладаешь огромной властью, в твоих руках сосредоточена сила и возможность облечь судьбу в форму, направить ход человеческой истории. И сделать это ты можешь здесь и сейчас.

Он моргает.

— Прекрасно. Вампирский красный.

Мириам издает шипящий звук.

— В жопу. — Она бросает коробок цвета Вампирский красный Эшли в голову. — Я изначально хотела выбрать Черного дрозда, дурачок. Ты не можешь противоречить судьбе. Ц-ц-ц. И это, милый мальчик, урок, который мы выучили сегодня.

И с этими словами она возвращается обратно в ванную и хлопает дверью.

Глава девятая

Блокнот

Эшли слышит, как открывается кран.

— Прекрасно, — говорит он. Молодой человек спрыгивает с кровати, хватая сумку Мириам, лежащую там, где та её бросила, и забирается обратно в постель.

Он бросает еще один параноидальный взгляд на дверь. Мириам задержится там на какое-то время. Домашняя покраска волос дело не быстрое. Нужно всё помыть, все внимательно осмотреть, подождать.

Удовлетворенный, Эшли роется в сумке.

Предмет за предметом он перебирает их и складывает на кровать. Бальзам для губ. Резинка для волос. Небольшой MP3 плеер, поцарапанный и помятый, словно его пропустили через измельчитель. Пара любовных романчиков (на обложке одного Привлекательный Белый Фабио, другого — Темный с козлиной бородкой Фабио). Жевательная резинка со вкусом Тибери (он не знает, что такое «тибери»). Игрушка-пищалка для собак; похожа на белку, зажавшую в зубах орех. Прежде чем Эшли успеет подумать, появляется оружие. Перцовый баллончик. Нож-бабочка. Еще один перцовый баллончик. Ручная граната...

— Боже милостивый, — произносит Эшли. Тяжело сглотнув, он аккуратно кладет гранату на подушку позади себя. Утроив её поудобнее, он глубоко вздыхает и возвращается к сумке.

Наконец он находит то, что ищет.

Дневник.

— Вот и бинго на букву Б.

Это черный блокнот, его полимерная обложка покрыта трещинами. Он весь вздулся, словно вместо слов наполнен кровью. Эшли быстро пролистывает дневник: потрепанные

страницы, некоторое оторваны, исписаны всевозможными цветами и видами ручек (красный, черный, синий, фломастер, шариковая ручка, даже по виду сраный цветной карандаш). На каждой странице проставлена дата, а запись начинается словами: «Дорогой Дневник», а заканчивается: «С любовью, Мириам».

— Ну а ты что? — спрашивает Мириам и Эшли едва не напускает от страха в штаны. Он поднимает глаза вверх, его сердце бешено колотится, он ожидает увидеть её перед собой, но Мириам нет. Она всё ещё по другую сторону двери ванной — просто кричит, пока красит волосы.

Он делает глубокий вдох.

— Что я, что?

— Откуда ты? Чем занимаешься по жизни? Кто ты?

Он пролистывает дневник до титульной страницы.

— Ээ-э, — говорит Эшли, пытаюсь сосредоточиться на словах. — Я из Пенсильвании. Я ээ-эм, коммивояжер.

— Ага, конечно, — отвечает она. — А я цирковая мартышка.

— У меня никогда не было раньше секса с цирковой мартышкой.

Он переворачивает ещё несколько страниц. Глаза Эшли плывут по словам. Его сердце скачет галопом. В этом есть смысл, но... Он переворачивает очередные десять страниц и читает дальше. Эшли шевелит губами, но слов вслух не произносит...

Так же как невозможно на ходу остановить поезд или запнуть волну обратно в океан, так и я не могу остановить всё это дерьмо, ничего не могу изменить.

Взмах.

Что судьба хочет, судьба получает.

Взмах.

Я зритель, смотрящий на кончину людей.

Взмах.

Брен Эдвардс раздробил таз и умер в канаве. У него в бумажнике было двести баксов... сегодня я отменно поужинаю.

Взмах.

Что есть, то есть.

Взмах.

Ты почти закончился, Дорогой Дневник, значит ты в курсе, что происходит.

Взмах.

Мне просто нужен богатый парень, чтобы со всем разобраться. Тот еще будет денек.

Взмах.

Дорогой дневник, я опять за своё.

Эшли замечает что-то выпавшее из сумки. Он тянется и достает небольшой годовой планер.

— Я тоже из Пенсильвании, — кричит из ванной Мириам.

— Прекрасно, — бормочет он. Эшли пролистывает календарь. Большинство дней пусты, но что с остальными? В остальные вписаны имена. Время. Маленькие символы — звездочки, крестики, знаки доллара.

И причины смерти.

Шестое июня, Рик Трилби/16:30/сердечный приступ

Девятнадцатое августа, Ирвин Бригэм/2:16 ночи/скончался от рака легких

Тридцать первое октября, Джэк Берд/20:22/ловит пулю, суицид

И так далее.

— Ищешь что-то интересное? — спрашивает Мириам.

Эшли испуганно роняет блокнот и поднимает глаза. Мириам стоит, прищурившись и переводит взгляд с него на дневник, лежащий рядом, на гранату, примостившуюся на подушке, и упавшую сумку.

— Слушай, — начинает Эшли, но Мириам перебивает его.

Кулаком. Прямой удар прямо в нижнюю губу. Бам. Стучат зубы. Эшли удивлен, хотя и удивляться не стоило. Она много лет провела на дорогах. Где-то там Мириам научилась бить точно; и судя по фингалу, знает каково это.

— Ты коп, — говорит она. — Не-е-ет. Ты не коп.

— Не коп, — мямлит Эшли, прижимая ладонь к кровоточащей губе. Он убирает руку и смотрит на красную отметину.

— Преследователь. Психопат.

— Я следил за тобой от самой Вирджинии.

— Как я и сказала. Преследователь. Психопат. Знаешь, что? К черту. — Мириам проходит мимо Эшли, собирает блокнот, оружие, другие вещи и засовывает всё это в распахнутое нутро своей сумки. Эшли хватает девушку за запястье, но она ускользает. Высвобождается с легкостью. Он тянется снова, но Мириам бьет его наотмашь, опрокидывая на кровать.

К тому моменту, как Эшли понимает, что случилось, входная дверь распахнута, а Мириам уже нет.

Глава десятая

Солнце может идти на хрен

Щебечут птицы. Гудят пчелы. Солнце сияет, а воздух пьянит запахами жимолости. Мириам морщится от яркого света, жалея, что у нее нет солнцезащитных очков. У неё такое ощущение, что в желудке что-то прокисло; в кишки же будто насыпали льда. Мириам ненавидит солнце. Ненавидит голубое небо. Эти чертовы птицы и пчелы, чтоб они повзрывались. Бледная кожа девушки вот-вот треснет, как кожура хот-дога в микроволновке. Она ночная пташка. Сова. День не её сфера, что приводит Мириам к мысли, может быть, стоило выбрать все-таки Вампирский красный.

Ботинки Мириам стучат по пустынной проселочной дороге. Она идет уже пятнадцать минут, может, дольше. Такое ощущение, что прошла целая жизнь.

Она чувствует себя уязвленной. Как будто её обыграли. Мириам давненько уже не ощущала чего-то подобного. У неё свои секреты. Она на самом краю. Нервы девушки источают электрические разряды. Её грызет тревога. Мириам не знает почему. О чем, собственно, беспокоиться? Что он сделает?

Она продолжает идти.

Дорога крутится и извивается. Идет вверх. Опускается в рошу. За поворотом стоит столб и забор; почтовый ящик, подписанный вручную; почти рухнувший сарай и фермерский дом. Идеальная пастораль. У Мириам такое ощущение, словно в глаза песка насыпали, девушка их энергично трет. Она даже не понимает, почему настолько зла.

Мириам слышит, как сзади приближается автомобиль. Он сбрасывает скорость.

Белый Мустанг. Вонючий трусливый вун.

Он медленно едет рядом, пассажирское стекло опускается. Эшли наклоняется, оставив одну руку на руле. Он всматривается в Мириам. Улыбки больше нет. Он очень серьезен.

— Залезай, — зовет он.

— Да пошел ты.

— Тебе некуда идти.

— У меня есть волшебные палочки. Они могут перенести меня в любое место.

— Я знаю кто ты. Знаю, что ты делаешь.

— Ты ничего не знаешь, трусливая крыса из захолустья. Даже если думаешь, что знаешь, то, черт побери, ты и на половину не понимаешь в чем здесь дело. Уезжай. Вали от меня.

Мириам идет дальше. Эшли продолжает ехать рядом.

— Я не собираюсь, как мудака, ехать так вечно, — говорит он. — Я не хочу спорить, просто садись в машину. Не будь душой.

Мириам роется в сумке и быстрым, ловким движением достает нож-бабочку; сверкает металлическое лезвие, оно свободно вылетает из разъемной рукояти.

— Эй... — произносит Эшли.

Мириам чуть отстает и опускается на корточки. Эшли пытается разглядеть, что она делает, но к тому моменту, как он высовывает голову в окно, уже слишком поздно. Один удар, и нож прокалывает заднюю крышку Мустанга. Из разреза шипя выходит воздух.

— Какого?.. — кричит из машины Эшли. — Что ты... о, Боже!

Едва он упоминает имя Господа всуе, Мириам уже на другой стороне проделывает отверстие во второй крышке. Оттуда тоже слышится шипение.

С каждым оборотом колеса слышится: чоп, чоп, чоп, чоп.

Мириам проходит мимо водительского окна, пока Эшли всё ещё пялится в пассажирское, и кричит:

— Видишь? Я же говорила, что у меня палочки волшебные. Не надо ездить в этой машине. У неё проблемы с колесами.

С этими словами она показывает Эшли средний палец и уходит, оставляя Мустанг позади.

Глава одиннадцатая

Кафе «Солнечный свет»

Тоже может идти на хрен

Мириам наслаждается едой дровосека.

Вокруг неё слышатся звуки завтрака: ложки позвякивают в кружках; шипит сковородка; вилки царапают дно тарелки. Мириам опустила голову, сосредоточившись на монстре перед собой. Два яйца в крутую. Две оладьи размером с люк. Четыре колбаски. Пшеничный тост. А на отдельной тарелке лежит булочка с корицей. Всё, кроме колбасок, щедро полито кленовым сиропом. Настоящим, будто только выкачанным из дерева, а не той ароматизированной сранью, что продается в магазинах.

«Ты выражаешься, как матрос, — часто говорила мама. — А ешь, как дровосек».

Тем не менее, несмотря на набиваемые кишки и приятный вкус еды на языке, Мириам не поднимает взгляд, она не хочет смотреть на окружающую её радость.

Кафе «Солнечный свет». Тьфу.

Ярко-желтые стены. Солнечные лучи проникают сквозь прозрачные занавески. Голубые табуреты у стойки. Фермеры, мигранты, дальнбойщики и яппи толкуются все вместе.

Каждый из них, по всей вероятности, ходит в церковь, оставляет там пожертвования и пытается быть хорошим гражданином Америки, не снимая с лица улыбки. Мириам качает головой. Она вспоминает, как однажды напилась и помочилась на картину Нормана Роквелла [1].

Мириам кусочком тоста разрывает яичный желток, позволяя жидкой текстуре смешаться с кленовым сиропом в том болоте, что она создала.

Внезапно кто-то садится напротив девушки.

— Ты должна мне за эвакуатор, — говорит Эшли.

Мириам закрывает глаза. Глубоко дышит через нос.

— Я просто сделаю вид, что ты — розовый слон. Пожалуйста, воспользуйся этой возможностью, чтобы встать и сбежать отсюда, как крыса с корабля, до того, как я открою глаза. Потому что, если я их открою и увижу тебя, то, о Плод моего больного воображения, я воткну тебе вилку прямо в шею.

Эшли щелкает пальцами.

— Или же есть альтернативный вариант: я звоню в полицию.

Глаза девушки распахиваются. Она внимательно смотрит на Эшли. Он щерится, середину нижней губы прорезает трещина. Он такой чопорный. Такой самодовольный.

— Не позвонишь. Ты такой же отброс общества, что и я. Они тебе не поверят.

— Может быть, — отвечает Эшли. — Но они поверят фотографиям. Всё верно, у меня есть фотки. И совпадения покажутся им более, чем странным, не так ли? Начиная с Ричмонда, ты присутствовала на сцене скольких, трех, разных смертей?

Челюсть Мириам сжимается.

— Я не убивала тех людей.

— Однако у всех пропали деньги из бумажников. Я уверен, если кто-нибудь поглубже покопает, то обнаружит, что исчезли ещё и кредитки. Кредитки, которые иногда используются, а потом выбрасываются в мусорные ямы и канавы. А если копнуть ещё глубже, можно раскрутить целую цепочку мертвецов, правда? А твои отпечатки пальцев уведут их далеко-далеко. Они найдут твой дневник. И найдут твой несколько странный маленький календарь.

У Мириам внутри всё холодеет. Она чувствует себя в ловушке. Её загнали в угол. Бабочка, которую прикололи к пробковой доске. На секунду она действительно раздумывает над тем, чтобы воткнуть Эшли в шею вилку и прокрутить там.

— Я их не убивала, — говорит Мириам.

Эшли смотрит на неё.

— Знаю. Я всё это прочел в дневнике.

— Но ты во всё это не веришь.

— Может, и верю, — говорит он. — Моя мать верила во всякую мистическую бла-бла-бла. Хрустальный шар, телефонная линия с экстрасенсами и прочая ерунда. Я считал это ерундой, но порой меня терзали сомнения. Я всегда хотел верить.

Кроме того, я видел тех трёх, каждый из них умер по-разному, ведь так? Велосипедист-курьер в Ричмонде... черный парнишка. Автокатастрофа. Сложно назвать это убийством, хитрая ты маленькая сучка.

— Прелестно. Этим ртом ты ублажаешь свою мамашу?

Эшли заметно напрягается. Его улыбка не исчезает, но становится не такой радостной.

— Не смей говорить о моей матери. — Он продолжает: — Самый последний, похоже,

подавился своим собственным языком во время приступа эпилепсии. И снова не похоже на убийство, ведь у парня такое случалось и прежде, верно? А тот, что из Рэли, старик, как там его звали? Бенсон. Крейг Бенсон. Тут я не уверен, как он умер. Важная шишка, куча охраны копов и всего такого; я не смог подобраться поближе. А ты смогла. Он был просто старым?

Мириам отставляет тарелку. Она больше не голодна.

— Его убил его собственный член, — говорит она.

— Ну да, член.

— Эрекция, если точнее.

— Ты трахнула Большого Начальника?

— Иисусе, нет. Я показала ему сиськи. Он был так накачал пилюлями для своего друга (и не по рецепту они были куплены, а заказаны из Китая), что это его убило. Моя грудь, конечно, не настолько впечатляющая, но её вполне достаточно, чтобы убить старикашку.

— Значит его ты все-таки убила.

— Враки.

— Пистолет или сиськи, какая разница из чего ты произвела выстрел.

Мириам отмахивается от него.

— Все равно.

Подходит официантка — худая, но с огромной задницей, которую Мириам может назвать не иначе, как «чресла», — и спрашивает у Эшли, что он будет. Молодой человек заказывает кофе.

— Так значит, ты следишь за мной около двух месяцев?

Он отвечает, что так оно и есть.

— Как? Как ты меня нашёл?

Подходит официантка, наливает ему кофе и наполняет до краев стакан Мириам тоже.

— Курьер на велике. Я видел, как ты обчищаешь его карманы. Просто у меня была такая же идея.

— И ты оказался там совершенно случайно?

— Неа. Я работал курьером около недели. А он был не чист на своей работе. Доставлял всякие разные посылки. Я разработал схему, пытался убедить его стащить одну из них и предложить более высокую цену, но на самом деле, я лишь хотел забрать сверток и сбежать. — Он шумно отпивает свой кофе. — Ясно понятно, что появилась ты и все испортила.

— Так ты мошенник.

— Я предпочитаю слово аферист.

— Я танцовщица, а не стриптизерша. Продолжай так говорить, и, возможно, выдумка станет реальностью. — У Мириам начинает болеть голова, как будто бурбон, вытянувший свои ноги у неё под черепом, желает встать и побродить. Ей надо покурить. Или выпить. Или пустить себе пулю в голову. — Давай перейдем к делу. Ты видел то, что видел, и следил за мной два месяца. Зачем?

— Сначала это было обычное профессиональное любопытство. Я подумал, эй, смотри-ка, еще одна аферистка, как и я. Может, я смогу ещё чему-нибудь научиться или стянуть у неё что-то, или она стянет у меня. В любом случае, было интересно.

— Я не аферистка.

— Может, да, а может, нет. Может, всё это уловка и ты сейчас пытаешься обвести меня вокруг пальца. Дневник, календарь, покраска волос. Может, ты знала о той игре, что я

затеял, и решила, что я крупная рыбка. — Эшли качает головой и выставляет указательный палец. — Но я так не думаю. Что-то не складывается. Ты ничего не взяла. Ты лишь обчистила его бумажник. По сути, это единственное, что ты делаешь. Опустошаешь их бумажники, может быть, забираешь пару-тройку вещей — детский шарфик, часы старика.

— Это единственное, что мне было нужно. Я замерзла, поэтому взяла шарф. А часы Бенсона я не трогала. Наверное, забрал коп. У меня есть свои часы... — Мириам вытягивает руку, на запястье застегнуты старые часы с калькулятором. — Конечно, батарейки уже сели, но дело не в этом. У Бенсона я взяла ручку, потому что она была мне необходима. Я хотела есть и спать, так что взяла деньги на еду и мотель.

— И все? Ничего больше тебе не нужно?

Мириам высыпает в свой кофе три пакетика сахара.

— Я не жадная.

— Ты не жадная, — смеясь повторяет Эшли. — Как мило. Мне нравится. Совсем немного для души, что никого не обидит.

Мириам пожимает плечами.

— Будем считать, что всё это правда, — говорит Эшли.

— Это и есть правда, поэтому мы и разговариваем.

— Ты можешь видеть, как человек умрет.

— Ты же прочитал дневник. Там так и написано, надоедливый ублюдок.

Эшли смеётся.

— Хорошо. У тебя есть этот странный дар. Потрогай меня.

— Тебя я вчера потрогала.

— Очень мило. Нет, я хочу сказать, все эти вуду касательно-смертельные видения.

Мириам закатывает глаза.

— И я о том же. Ага, я потрогала тебя своей вагиной, но еще и провернула этот «вуду касательно-смертельные видения» трюк. Для этого много не требуется. Кожа к коже. — Эшли начинает что-то говорить, но Мириам его перебивает. — Ни за что, дружок. Я не скажу тебе, как ты умрешь. Такого удовольствия я тебе не доставлю. Кроме того, ты не хочешь знать. Это будет некрасиво.

Эшли вздрагивает. Его глаза сужаются. Она достала его. Он думает, что это случится скоро. С точки зрения Мириам, люди делятся на две категории: те, кто думает, что их смерть близка, и те, кто считает, что впереди у них долгая и счастливая жизнь. Никто не думает, что она может быть где-то посередине.

Эшли кивает, потом прищелкивает языком.

— Я понимаю, что ты делаешь. Ты пытаешься запутать меня. Это клёво. Знаешь, что? Я не хочу знать. Но вот идет официантка. Посмотри её.

— Ты серьезно?

— Я серьезен, как легочная эмболия.

Официантка, та что с огромными бедрами и вагоном-прицепом, подходит к краю стола и кладет на него счет. В другой руке она держит кофейник.

— Заберу, когда будете готовы, — говорит она голосом сладким, будто мёд. — А пока, дорогая, кофе долить?

Мириам ничего не отвечает, просто с благодарностью придвигает кружку к официантке. Она слабо улыбается женщине и, когда та наливает напиток, Мириам касается её кисти...

Хэтчбэк Хонда трусит по проселочной дороге, продуваемой всеми ветрами. Стоит лето, два года от сего дня. Леса и поля полны светлячков. За рулем сидит официантка, она отрастила волосы — не очень длинные, но их можно собрать в хвост, и два года спустя это позволяет ей выглядеть чуть моложе. Она счастлива. И очень устала.словно только возвращается из бара. Или с вечеринки. Или с хорошего перепихона. По радио играет Кенни Роджерс, поет про азартного игрока; официантка подпевает:

— Я повстречала игрока, мы слишком устали, чтобы дать храпака. — Машина проходит поворот за поворотом. Гудит мотор Хонды.

Веки официантки опускаются. Она пытается проморгаться, потирает глаза, зевает.

Голова слегка наклоняется. Официантка слишком резко дергает рулем на повороте. Заднее колесо машины съезжает с асфальта, попадает на гравий, теряет точку опоры, женщина просыпается. Она перебирает руками руль, едва не задыхается, но машина возвращается на дорогу; официантка облегченно выдыхает. Она делает громче радио. Высовывает, как собака, голову в окно, только чтобы не уснуть.

Это не помогает. Пять минут спустя её глаза закрываются. Подбородок опускается на грудь.

Колесо попадает в выбоину. Глаза открываются.

Машина выезжает на Т-образный перекресток, на противоположной стороне которого растет огромный дуб. Хонда едет слишком быстро. Пальцы с побелевшими костяшками вцепились в руль. Ступня вдавливают тормоз. Колеса визжат, словно под ними скользит привидение. Зад машины таскает из стороны в сторону, как бедра хозяйки; наконец автомобиль подлетает к дереву и...

Хонда замирает лишь в нескольких дюймах от огромного старого дуба. Машина глохнет. Единственный звук — это звук охлаждающегося двигателя, издающего дзынь-дзынь-дзынь.

Официантка выглядит так, будто вот-вот заплачет, но вместо этого она смеется. Она жива, она сошла с ума, воздух вокруг стоит теплый, никто не видел, что произошло. Женщина смахивает с глаз выступившие слёзы растерянности и радости, а это значит, что она не успевает заметить грузовик. Две огромные фары во тьме. Пикап цвета земли.

Женщина поднимает глаза. Видит, что грядет.

Официантка пытается расстегнуть ремень безопасности. Пальцы не слушаются. Слишком медленно.

Она нажимает на клаксон. Грузовичок неумолимо приближается.

Рот женщины открывается, чтобы закричать, заорать, но к тому моменту как мозг посылает команду голосовым связкам, пикап врезается в неё со скоростью восемьдесят миль в час. Дверь вминается в живот, сдавливает грудную клетку. Голову официантки захлестывает дождем разбитого стекла. Слышатся звуки автомобильного сигнала, визг металла и...

...пальцами. Мириам, которая всё ещё слышит звуки аварии, мягко убирает руку и откашливается.

— Достаточно. Спасибо.

— Не за что, милая.

Мириам глубоко вздыхает.

— Ну и, — интересуется нетерпеливо Эшли. — Как это случится?

— Мне нужно в туалет.

Она встает и прокладывает себе путь в толпе маленького кафе. Её рука задевает локоть фермера...

Старый фермер едет в своей белой футболке с красными пятнами и желто-зеленой шляпе а-ля Джон Дир на оранжевом тракторе Кубота («Американцы, покупайте», — твердят они). У него во внутреннем ухе развилась болезнь, от чего появляется слабость, и он падает с трактора на возделываемое им поле. Старик кричит лишь тогда, когда огромный культиватор, заходя на второй оборот, врезается в его тело, впиваясь когтями в кожу, дробя кости. На вспаханную землю льется кровь.

...она дернувшись отступает, но тут в неё врезается какой-то подросток с красными волосами...

Он уже не подросток, а тридцатилетний мужчина, ощущающий на языке вкус оружейной смазки, когда дуло пистолета скользит в рот. А потом приходит обжигающая вспышка и пуля пронзает мозг

...Мириам крепко прижимает руки к груди так, как это сделал бы огромный тираннозавр, и спешит в туалетную комнату, а сзади кто-то задает вопрос:

— Да что не так с этой девчонкой?

Это вопрос, который крутится у неё в голове постоянно.

[1] Норман Роквелл (англ. Norman Percevel Rockwell; 1894) — американский художник и иллюстратор. Его работы пользуются популярностью в Соединённых Штатах, на протяжении четырёх десятилетий он иллюстрировал обложки журнала The Saturday Evening Post

Интерлюдия

Интервью

— Судьба — это предмет недвижимый, — говорит Мириам, водя пальцем по горлышку бутылки. Теплое марево пропитывает края; виски выполняет свою Богом данную обязанность. — Курс проложен. Всё уже распланировано. Вот взять хотя бы наш разговор. Он уже записан в книгах. Мы думаем, что контролируем его, но нет. Свободная воля — это болтовня, трёп, лапша на ушах. Ты думаешь, что когда идешь покупать кофе, когда целуешь свою девчонку, когда ведешь школьный автобус полный монахинь на фабрику фейерверков, — это твой собственный выбор. Это твоё решение. Ты принял его и действуешь ему соответственно, так? Дзинь. Облом. Вся наша жизнь — череда событий, аккуратно спланированных и ведущих к кульминации, причем такой, какую нам предназначила смерть. Каждый миг. Каждый шаг. Каждый нежный шепот и жест, полный ненависти, — всё это крошечные винтики в механизме будильника, что зазвонит в наш смертный час.

Пол молчит. Он просто смотрит на неё широко распахнутыми глазами. Что-то пытается сказать, но не получается.

— Что? — спрашивает Мириам.

— Это так... мрачно.

— Я не шучу.

Он нерешительно мнетя.

— Так значит вы пытались что-то изменить.

— Ага. Первые пару лет очень пыталась. Но скажем так, не сработало.

— И в один прекрасный момент вы перестали пытаться.

— Нет. В один прекрасный момент я встретила мальчика с красным шариком.

Глава двенадцатая

Предложение

Туалетная комната в стиле унисекс, унитаз только один. Кто-то трясет дверную ручку. Мириам что-то бормочет себе под нос, но громко не говорит, чтобы этот кто-то услышал; довольно редкий случай.

Туалет похож на шкаф. Тесный. Яркий. Синий. Всё синее. Синее яйцо Робина. Синее небо. Синий период Пикассо. Некто синий, подавившийся котлетой и задыхающийся.

Мириам слышит лязг красной лопаты для уборки снега. Она чувствует тяжесть на своей спине.

Девушка видит в зеркале отражение призраков будущего и прошлого: Дель Амико, у него опухшее до комичности горло; Бен Ходж, его затылок разнесло как плод граната; старик, Крейг Бенсон, поглаживающий свой член артритными клешнями; Луис, изоленга на глазах, он бормочет её имя снова и снова. Сияющий воздушный шарик уплывает вверх и на какое-то мгновение он перекрывает свет над головой Мириам, хоть она и понимает, что это нереально...

Дверь снова трясется. Призраки исчезают. Мириам выходит из туалета и идет мимо девочки-яппи, одетой во всё розовое.

Подходит официантка, она несет просто невероятное количество тарелок за раз.

— Ваш друг сказал, что вы уже поели, это так? — спрашивает она у Мириам, указывая подбородком на тарелки.

— Э. Да. Да, спасибо. — Она замолкает. Слова вылетают изо рта прежде, чем Мириам успеваешь подумать: — А у вас есть Хонда? Хэтчбек Хонда?

— Нет, — отвечает та и сердце Мириам подпрыгивает как лягушка со стрелой в заднице. Маленький проблеск надежды расправляет крылышки и начинает биться о внутренности, словно пчела об окно. — Но знаете что? Я подумывала над тем, чтобы его приобрести. У старины Тремяна Джексона, что живет вниз по Орчард-Лейн, стоит одна на подъездной дороге. Принадлежала его дочери, полагаю, но она получила стипендию — первая в семье, кто отправился в колледж, поэтому машина теперь просто стоит там, покрываясь пылью, листьями и ещё много чем. Он сказал, что продаст мне её, но я ещё не решила. Черт, может, я и пойду на это! Я и забыла, пока вы не напомнили.

Мириам холодеет внутри. В её голове раздаётся крик. Мысль злится, бросает вещи, ломает мысленные двери и бросает кирпичи в окно: видишь, что ты наделала? Понимаешь, как это происходит? Ты говоришь нечто и случаются дерьмовые вещи. Она прежде не была уверена на счет покупки той чёртовой машины, но сейчас ты открыла свой сраный рот и вот у неё в голове уже сидит семя, перерастающее в уродливое дерево. И однажды ночью эта женщина вонзится в ствол, потому что какой-то пьяный придурок въедет в неё. Ты должна продолжать пытаться, да неужели?

Но даже тогда внутренний голос отбивает: Скажи ей. Скажи, что хэтчбеки Хонды при включении радио загораются. Или же сходи на Орчард-Лейн, засунь в бензобак тряпку и пусть машина летит к Тимбукту. Или же можно взять судьбу в свои руки — хватай со стойки нож и посмотри, что у этой глупой женщины в голове. Если ты убьешь её первой, то не считается, ведь так?

Но Мириам лишь улыбается, пожимает плечами и протискивается мимо.

Официантка одновременно удивленно и радостно смотрит, как она уходит.

Мириам садится и Эшли допивает свой кофе.

— Ну и что с ней случится?

— Автомобильная авария. В неё врезался грузовик. — Мириам вскидывает бровь. — Что, хочешь доказательств? Подожди, нам надо только взять мою машину времени, у меня там Делориан припаркован. Мы вернемся в будущее и посмотрим, правду ли я говорю.

— Хорошо, хорошо, скажем, я тебе верю.

— Как же мне повезло.

— У меня есть для тебя предложение.

— Нет, я за тебя не выйду. И ребенок не твой. Он мулат, а ты не похож на эскимоса.

— Я хочу, чтобы мы работали вместе.

— Работали. — Мириам произносит слово, будто смотрит на собачью какашку. — Правда? Мы? Работать вместе?

— Как волейбольная команда. Ты их выбираешь, я вколачиваю гвозди. Будем говорить на чистоту, мисс Блэк, тебе нужна моя помощь, эдакого плохиша.

— Мне от тебя ни рыбы, ни мяса не надо.

— Старый ублюдок. Бенсон. Который с пилюлями. У него ведь был сейф, так?

— И?

— И люди хранят в сейфах разные вещи. Важные вещи. Деньги. Оружие. Драгоценности. Золотые дублоны, что угодно. Я могу вскрыть сейф.

— А кто не может-то? Ведь этому учат во всех колледжах? А ты мне говоришь, что можешь вскрыть сейф.

— Будь уверена.

— Мне не нужно то, что находится в сейфе. Я тебе уже говорила, я не жадная. — Мириам лезет в сумку, находит деньги и кладет их поверх счета. — Вот. Я плачу. Здесь наши пути расходятся. Спасибо за веселую ночь. Всё это... ну, секс с цирковой обезьянкой. Всё остальное дерьмо. Мы прекрасно провели время. Но я здесь закончила. А у тебя прекрасная жизнь.

Она встает.

Эшли берет её за запястье. Сжимает руку. Не больно. Пока.

— Ты пойдешь туда, куда я тебе скажу, — говорит он, одарив Мириам победоносной улыбкой. Она может сказать наверняка, что ему это нравится. — Я позвоню копам. Я продам тебя с потрохами. Более того, у меня для тебя есть ещё один сюрпризик.

Мириам подумывает о том, чтобы разбить ему нос. Однако это привлечет внимание.

— Я немного покопался в твоём прошлом. Не то, чтобы у такой девушки как ты, прослеживается длинный след, но он привел меня к твоей матери. Она жива и здорова. Может быть, тебе это известно, а может быть, и нет. Это нормально. У меня тоже есть мать и я знаю, каково это. Любовь и разочарование, эти бесконечные партнеры по танцу. Ты уйдешь от меня, и я отправлюсь к ней. И расскажу ей обо всем. Может, она мне поверит, может, нет. Но, мне кажется, это станет для неё сенсационной новостью. Думаю, она огорчится, когда узнает, что ты трахаешься с неотесанной деревенщиной и всяким сбродом, крадешь у мертвых и ведешь бродячий образ жизни. Ты этого хочешь?

Мириам сильно сжимает зубы и ей приходит мысль, что они могут начать крошиться.

— Так мы вместе? — интересуется Эшли.

— Ты расскажешь мне, что находится в том металлическом чемодане под кроватью?

— Неа, — ухмыляется он.

— Ненавижу тебя, — таков её ответ.

— Ты меня любишь, потому что мы одинаковые. — Эшли встает и тянется к Мириам, чтобы поцеловать. Девушка поворачивает голову и губы Эшли упираются ей в щеку.

Эшли выпускает её запястье и идет оплатить счет.

У Мириам такое чувство, что на неё обрушилась волна. Она закрывает глаза и думает, может, так оно и должно быть. Это её участь, в конце концов. Судьба. Подводное течение однажды затянет её на глубину. Оно утянет Мириам в море. Она навсегда затеряется среди водорослей и рыбьих костей.

С дневником будет покончено, как и со всем остальным.

Что есть, то есть.

Глава тринадцатая

Харриет и Фрэнки

Творец колокола, штат Пенсильвания [12].

Черный Олдсмобиль Cutlass Ciera с номерами Флориды скользит по аллеям и переулкам, петляет по паутине улиц, попадая в выбоины. Город напоминает лунный пейзаж: серый, пыльный, весь в кратерах. Машина с грохотом проезжает дом за домом с их наполовину закрытыми окнами и распахнутыми дверями. Многие кажутся пустыми. Остальные заняты умирающими... или живыми мертвецами.

Машина приближается к гравийной подъездной дорожке. Рядом стоит деревянный почтовый ящик, лишь смутно напоминающий по форме утку. Краска уже облупилась. Флажок безвольно болтается, поскрипывая на ветру. Утка стоит чуть криво, но когда-нибудь и она упадет на землю. Замертво.

Четыре чёрные цифры — железные, покрытые ржавчиной, — указывают, что номер: 513.

Двери машины открываются.

— Это здесь? — спрашивает Фрэнки у своей напарницы Харриет.

— Здесь, — ровным голосом отвечает она.

Оба выходят из автомобиля.

Эти две фигуры совершенно разные.

Фрэнки высокий, как стакан воды, у него лицо Друпи и нос орла. Харриет же метр с кепкой, она похожа на Чарли Брауна [13] — пухлая, кругленькая с маленькими и глубоко посаженными глазками.

Фрэнки Галло до мозга костей сицилиец. Его кожа похожа на приторную, запеченную корицу. У Харриет Адамс же она белая, как не выдавшая солнечных лучей задница, как выбеленная океаном кость.

У Фрэнки огромные руки, костяшки похожи на луковицы; ручки Харриет похожи на рукавички, пальчики-червячки переходят в полные ладони. Его брови — две мертвые гусеницы; у неё — каштановые черточки, подрисованные карандашом, и такие острые, что можно уколотся взглядом.

Однако, несмотря на различия, этих двоих окружает аура угрозы. Они принадлежат друг другу. Он в темном костюме, она в водолазке винного цвета.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Иисусе, твою мать, как же я устал, — говорит Фрэнки.

Харриет молчит. Она стоит и смотрит, будто манекен.

— Который час? — спрашивает он.

— 8:30, - отвечает она, не глядя на часы.

— Рано. Мы еще не завтракали. Не хочешь сходить поесть?

Она опять молчит. Фрэнки просто кивает. Он знает, что такое порядок. Сначала дело, потом удовольствие. А с ней речь всегда идет о деле. Ему это нравится, хоть он никогда ей об этом не скажет.

Дом напротив них превратился в дерьмо. Синий викторианский стиль с разбитыми окнами. За последние двадцать-тридцать лет плющ своими неспешными пальцами разорвал

его на части.

Холодный ветер взметает с крыльца листья и брэнчит китайским колокольчиком. Два серых кота, переполошившиеся от шума, спрыгивают со ступеней и убегают за угол дома. Фрэнки в ответ издает свой собственный шум.

— Эм. Она кошатница? — спрашивает он.

— Понятия не имею. А это важно?

— Важно. — Фрэнки осматривает дом и замечает то, чего бы видеть не хотел: из окна второго этажа на него смотрит рыжий с полосками кот; из-под висящего над крыльцом желоба выглядывает похожая на обезьянью мордочка черепахового окраса; три белых котенка высунулись из-за куста роз, который давно уже не стригли.

Фрэнки вздыхает, потирает виски.

— Ага. Она кошатница.

— Тогда будем надеяться, что она жива, — говорит Харриет и направляется к крыльцу. Фрэнки останавливает её, схватив за плечо; он один из, может быть, двух человек в этом мире, кому позволено это сделать и не умереть.

— Подожди. Что это значит?

— Я никогда не рассказывала тебе про Кошатницу с Брукард-стрит?

Его глаза широко распахиваются.

— Нет.

Харриет сжимает губы.

— Когда я была маленькой, у нас в городе жила кошатница. Мы называли её Сумасшедшая Мэгги, хотя я не думаю, что так ее звали на самом деле. У женщины была куча кошек, десятки, и она брала ещё. Подбирала дворняг. Могла пойти в приют и взять таких, которые были при смерти. Ходили слухи, что даже воровала кошек, дабы пополнить коллекцию.

— Вот дерьмо. Ненавижу кошек. И не хочу слушать окончание этой истории.

— Женщина была очень, очень старой. Мама говорила, что когда она была маленькой, Сумасшедшая Мэгги уже была старой. У неё был свой распорядок: выйти, забрать почту, полить самые засохшие цветы, что росли у почтового ящика. Но большую часть времени она просто пялилась в окно. Однажды мы её не увидели.

— Господи. Неужели это то, о чем я думаю?

— Вскоре появился запах. Его отнесло ветром от дома. Приторно-сладкий, как испорченное мясо.

— Отлично. Она умерла. Наверное, словила какую-то заразу от кошек или что-то типа того. Давай войдем.

— Это не конец истории. Да, она умерла, и нет, я не знаю от чего. Суть в том, что тело пролежало там несколько дней. У неё не было семьи. Никто не приходил её навестить. Более того, никто не присматривал за кошками. Они начали с конечностей — пальцы, нос, глаза, а потом принялись за внутренности. Мышцы. Органы. Всё остальное.

— Меня сейчас стошнит.

— Кошки слишком расплодились. Даже когда нашли тело, о них никто не позаботился. И они превратились в целую колонию. Сотня одичавших кошек, а может, и больше. Стены и пол были покрыты фекалиями и мочой, в доме появились паразиты. Кто-то решил поступить милосердно и год спустя поджог дом. — Харриет смотрит куда-то вдаль. — Я до сих пор помню треск огня и вопли сгорающих заживо кошек.

Харриет подходит к крыльцу. Фрэнки следует за ней.

— Ты странная, — говорит он.

— Стучи в дверь.

— Ты говорила про паразитов. Что за паразиты?

— Токсоплазма, вызывает токсоплазмоз. Содержится в фекалиях кошки. Попадает к людям через руки. Или с сырым мясом. Часто легко переживает процесс приготовления. Изменяет химию мозга своего хозяина. Некоторые полагают, что именно эти паразиты вызывают синдром «кошатницы», изменяя мозг так, что человек начинает любить кошек, берет их всё больше и больше. Ещё может быть связь с шизофренией. А теперь стучи в дверь.

— Ты дуришь меня. Никогда толком не могу сказать, дуришь ты меня или нет.

Она проходит мимо и стучит в дверь.

— Не будут там ничего трогать, — говорит Фрэнки. — Не хочу, чтобы в рот попало кошачье говно и у меня в мозг власть захватили глисты.

Харриет стучит снова, на этот раз сильнее.

Они слышат какие-то звуки внутри дома; стук, шорох. Потом шаги. По другую сторону гремят замки: один, потом три, а следом и шесть. Внутренняя дверь открывается и появляется голова пожилой женщины, она прижимается лицом к сетке. Из носа струятся трубки. Рядом с ногой стоит тележка на колесиках, на которой располагается кислородный баллон.

— Проваливайте, — раздраженного говорит она. — Мне не нужны ваши дурацкие журналы. Я уже говорила. И не хочу ничего слушать на счет ста сорока четырех тысяч оставшихся в Раю мест... в этом нет никакого смысла! Миллиарды людей живут на Земле, а он любит только сотню тысяч? Что за сумасшедший Бог такой? Ответьте-ка мне!

— Мы не Свидетели Иеговы, — говорит Харриет.

— Черта с два. И кто же вы?

— ФБР, — отвечает Фрэнки и показывает свой значок так, как это делают в фильмах. Женщина косится на жетон. Харриет показывает свой, но не так демонстративно, как Фрэнки.

— ФБР? В честь чего это?

— Мы на счет вашего сына, — отвечает Харриет. — Мы хотели бы поговорить об Эшли.

* * *

Харриет видит фарватер, по которому идет женщина; старуха тот еще «плюшкин», хоть и весьма организованный, а комнаты формируются в каньоны, сооруженные из всякого мусора. Стопки из журналов «National Geographic» образуют горы, каждый пик которой венчает фиалка. Из-за корзины с бельем, гладильной доски и курганов книг в мягкой обложке выглядывают верхушки мебели — они похожи на обломки, плавающие в океане.

В носу запах пыли и плесени. Они не беспокоят Харриет. Чего не скажешь о Фрэнки; он скользит мимо башен из журналов, чтобы отыскать себе диванчик, на который он и опускается. Длинные вытянутые ноги мужчины делают его похожим на долгоножку, пытающуюся устроиться поудобнее.

Его взгляд упирается в лестницу, откуда на мужчину сквозь прутья перил смотрят два золотистых глаза. Ещё одна шелудивая кошка устроилась за кипой журналов.

Женщина, Элеонора Гейнз, садится в кресло и кладет руку поверх кислородного баллона.

— Вы сказали что-то на счет Эшли.

Харриет не садится. Она остается стоя, но при этом не двигается. Женщина совершенно неподвижна.

— Верно. Вы его видели?

— Нет.

— И никак не контактируете?

— Я же сказала, что нет. Я ничего от него не слышала. Ни звоночка. Он исчез. Улетел из гнезда, когда у меня обнаружили эмфизему легких. И я полагаю, он никогда больше не вернется. Мы закончили?

Старая сука врет. Отчасти правда, что у людей есть определенные сигналы, по которым можно понять, что они лгут, но у всех они индивидуальны. Должно быть чутье, чтобы определить, когда человек лжет. У Харриет такое чутье есть. Старуха перегибает в том, как преподносит информацию, насколько сильно она протестует. Как её рука крепче сжимается вокруг баллона с кислородом, подтягивая его чуть ближе. У Харриет какое-то животное чутье. Она практически чувствует запах обмана.

— Миссис Гейнз. Ваш сын. Мне не хотелось бы думать, что вы сейчас препятствуете нашему расследованию. Мы пытаемся ему помочь, поймите. Пытаемся защитить его от кое-каких плохих людей.

Сухие губы старухи подрагивают. Брови сходятся у переносицы.

— Оставьте его в покое, — шипит она. — Он хороший мальчик. Присылает мне деньги.

— Деньги? И как много?

— Достаточно для моего лечения.

— Вам что-нибудь известно на счет чемоданчика? Железного чемоданчика?

Повертев кислородной трубкой, миссис Гейнз отрицательно качает головой.

Харриет наконец шевелится. Она двигается не быстро; просто приближается и вторгается в личное пространство пожилой женщины. Колени едва не касаются кислородного баллона. Харриет сцепляет руки перед собой.

— Я вижу, вы на кислороде, — говорит она.

— Я же говорила вам, эмфизема. Это у меня из-за курения. Большая часть легких не работает. Врачи говорят, функционирует не более двадцати процентов. Оставшиеся проценты вы восстановить не сможете, утверждают они. Чертовы докторишки.

— И кислород необходим вам для дыхания.

Миссис Гейнз тербит потрепанный край одеяла.

— В том и смысл. — Слова произносятся с сарказмом и горечью.

— Интересный факт о кислороде, — говорит Харриет, — я уверена, вы стараетесь держаться подальше от баллона и патрубка...

Харриет достает Зиппо с отпечатком лапы на металле.

— ...потому что они огнеопасны.

Фрэнки канючит:

— Пойду, сделаю чай или что-нибудь еще. — Харриет не возражает. Для подобно рода вещей Фрэнки ей не нужен. Это её роль, не его. У каждого из них — своя. Тем не менее, она порой задавалась вопросом: не потерял ли он вкус к этой работе? Есть ли у него стержень?

Пока Фрэнки выходит из комнаты, глаза миссис Гейнз по-прежнему прикованы к зажигалке.

— Вы не из ФБР, — шипит старуха, глядя на свое отражение в хромированной стали.

— Должна уточнить, — говорит Харриет. — Кислород не взрывоопасен. Технически,

это катализатор. Так горит огонь, он питается кислородом. Именно он помогает пламени распространяться быстро и продуктивно. Проблема воздуха, который нас окружает, в том, что кислород в нем растворен. Другое дело, чем дышите вы. Он невероятно чистый. Концентрированный.

— Пожалуйста, — говорит пожилая женщина.

Лицо Харриет не выражает никаких эмоций, но внутри, словно газель, скачет сердце. Это её любимая часть работы. Внутри мозга пульсирует маленький центр тепла.

— Если я зажгу огонь в зажигалке, — продолжает Харриет, — в присутствии баллона с драгоценным кислородом, то трубочка очень быстро разнесет пламя по всему вашему хрупкому иссушенному телу. Вы когда-нибудь видели, как человек сгорает заживо?

— Мой сын...

— Забудьте о нем. Подумайте о себе. Я была... на месте аварии, когда горела машина. Мужчина и его жена оказались в ловушке, их зажало покореженным металлом и оплавившимися ремнями безопасности. Смерть была не быстрой. И крики. Вокруг все бегали. Вот только весь этот кипиш волнует кислород и дает огню больше пищи.

Миссис Гейнз тихо всхлипывает, когда Харриет вытаскивает трубки из носа пожилой женщины. Из свободного конца слышится шипение: фсссс, некогда животворящее, ныне смертоносное. Харриет подносит зажигалку ближе, откидывает крышку, поглаживает пальцем.

— Итак. Ваш сын. Где он?

— Я не могу...

— Говорите. Ваш сын. Или вы сгорите. И этот дом тоже.

Старуха рыдает, кричит:

— Он невиновен!

— Невиновность — это миф. — Харриет высекает огонь, но держит зажигалку в стороне, медленно приближая; так мать игриво подносит ложку с едой расшалившемуся малышу. — Скажите, где ваш сын или умрете в стенах, что распирает от ваших дурацких кошек.

— Северная Каролина, — доносится из-за спины Харриет голос Фрэнки. Женщина хмурится и оборачивается, закрывает зажигалку и укрощает пламя.

Напряжение покидает миссис Гейнз и она просто заваливается вперед; она плачет и стонет.

— Откуда ты знаешь? — спрашивает Харриет.

В одной руке у Фрэнки банка с имбирным элем, из которой он делает большой глоток, словно желая убедиться, что его губ не коснется никакая зараза. В другой же он держит почтовую открытку.

— Тупой придурок отправил ей открытку из Северной Каролины, а эта идиотка повесила её на холодильник, как какой-то рисуночек. Штемпель недельной давности. — Фрэнки хмурится и снова читает содержимое открытки. — Как она и говорила, он присылал ей деньги.

Харриет берет открытку. Просматривает. На лицевой стороне приветствие из Северной Каролины! С названием штата нарисованы горы, океан и холмы. На обратной стороне Эшли пишет: «Мама. Я в городе Провиденс. Недалеко от Эшвилля. Познакомился кое с кем, кто присоединится к команде и повысит мои продажи. Скоро все изменится к лучшему. Не болей. Скоро пришло деньги. Люблю тебя. Эш».

— Мда, — разочарованно говорит Харриет. — Больше вопросов нет.

Она понимает, что должна быть довольна. У них есть ответ на вопрос и получили они его без всяких усилий. И нет тел, чтобы подчищать за собой. А огонь — это неуправляемая, хаотичная стихия.

И тем не менее, так хочется порой сжечь старуху.

— Эшли, — бормочет пожилая женщина.

Харриет пытается найти способ вывести своё настроение из штопора. Она думает о том, чтобы воткнуть его в старуху, рассказав, чем её сын зарабатывает на жизнь. Но пожилая женщина уже и так догадывается и, кроме того, Харриет устала.

Вместо того она говорит:

— Убей её, Фрэнки. Я жду в машине.

* * *

Снаружи Харриет крепко сжимает открытку в ладони.

Позади неё раздаётся два выстрела. Оружие Фрэнки.

Она напоминает себе, что это и есть дар Фрэнки. У каждого инструмента своё предназначение. А Фрэнки подчищает следы. Может, он и жалуется. Может, он брезгливый. Однако сейчас, он делает то, что велено и Харриет ему за это благодарна. Она знает, что сама бы не смогла, и не потому, что ей не хватило бы мужества, как раз наоборот. Ей вполне достаёт смелости. Она бы справилась. И ей бы понравилось.

Фрэнки выходит из дома с видом, словно ничего не случилось.

— Спасибо, — говорит она.

Он приподнимает бровь. Обычно Харриет его не благодарит.

— Мы должны ввести Ингерсолла в курс дела. — Она бросает ему телефон. — Звони.

— Но ты ему нравишься больше.

— Звони ему.

— Дерьмо.

Он берет в руки мобильник.

Глава четырнадцатая

Вокзал

Мириам оказывается в самом эпицентре.

Стоит ночь. Она уже не уверена, который сейчас час. Мириам вдыхает выхлопные газы, когда один за другим проезжают автобусы, выплевывая людей, словно у них булимия. Через дорогу на синей скамейке сидит Эшли, нетерпеливо водит указательным пальцем, будто говорит: двигайся, двигайся, двигайся.

Мириам снова подумывает о побеге. Может, просто запрыгнуть в автобус и уехать; не то чтобы она такого не проделывала прежде. Но ноги девушки по-прежнему приклеены к земле. И она не понимает почему.

(Он тебе нравится. Ты всё это любишь. Ты это заслужила)

Автобусный вокзал Шарлотты напоминает гигантский ангар для самолетов — открытое небо, большой арочный навес, мансардные окна, пропускающие внутрь слабое лунное свечение. От этого Мириам чувствует себя совсем крошечной.

Выставив руки, она продирается через толпу.

Тот же план, что и час назад, и два часа и три часа — её руки пасутся среди других рук или дотрагиваются до плеч, когда кто-то проходит мимо. Мириам делает шаг и...

Три года спустя. Женщина хватается за края больничной кровати, она исходит потом; тужится, тужится, пытается вытолкнуть шар с кулачок. Появляется головка ребенка, увенчанная скудными черными мокрыми волосенками. Видно лицо, но оно закрыто чем-то похожим на салат из красной амброзии. Однако потом показатели начинают сходиться с ума, а доктор, чем-то похожий на Зулу из фильма «Звездный путь», говорит: «Она истекает кровью». Льется кровь, женщина кричит, ребенок выходит полностью, скользя по красному ручью.

Мириам смаргивает картинку. Она успокаивается, ведь раньше тоже такое проворачивала. Она поражена тому количеству больниц, что успела увидеть изнутри. Мириам позволяет своему оголенному плечу соприкоснуться с плечом мужчины, который тянется, чтобы обнять жену...

Мужчина один, прошло тридцать три года, он в больнице. Совершенно лысый. Его, словно крысы стены, поедает рак. Мужчина сидит в кресле в углу, тянется к тумбочке и берет пузырек с таблетками. Достает одну, потом вторую, медлит. Он смотрит на эти две таблетки, потом просто опрокидывает пузырек и высыпает на ладонь около десятка. Закидывает их все в рот. Он сидит некоторое время, ничего не чувствуя и просто разглядывая плиточный пол, потолок. На его лице печать одиночества; мужчина начинает плакать. В тело закрадывается онемение. Голова мужчины опрокидывается вперед. Челюсть опускается. Сочится слюна. А потом...

«Хорошо, пусть так», — думает Мириам. Парень постарел, заболел и покончил собой. Она не будет сожалеть. Он достаточно пожил и хорошо. Большинство доживает. Вот что осознала Мириам. Многие доживают до шестидесяти и страдают от какой-нибудь болезни «пожилых людей»: рак, инсульт, инфаркт, рак, инсульт, инфаркт — и так далее и тому подобное. Немного сахарного диабета. Немного воспаления легких.

Большинство людей, по крайней мере, здесь, в Америке, не умирают молодыми. Трагедия неизбежна, но обычно в этой стране она происходит не из того, как человек умирает, а из того, как он живет. Разрушенные браки, испорченные дети, надругательство над собой, надругательство над женой, надругательство над собакой, одиночество, депрессия, ненависть, скука и прочее. «Поздравляю, — думает Мириам, — большинство из вас, придурков и мудаков, проживет свою дерьмовую жизнь, наслаждаясь лишь своими золотыми годами».

Безусловно, это лишь затрудняет ей работу.

Эшли хочет, чтобы она нашла метку. Метку того, кто скоро умрет, а они смогут забрать у него все, чем он владеет. Что более важно, Эшли хочет найти место, где бы можно было остановиться. Как оказалось, тот дом ему не принадлежал; он украл ключи у парня в аэропорту, тот улетал за границу. Воспользовался домом, сделал своей резиденцией, спрятал все фотографии.

Эшли считает, если они найдут кого-то, кто скоро умрет и у кого есть деньги и дом, там они и смогут поселиться, пока находятся в городе. Он просмотрел календарь Мириам. В нем не нашлось ничего, что смогло бы удовлетворить его. Эшли жаждет не только еды.

И он сказал, что нужно пойти в такое место, где много народа.

Мириам предложила дискотеку. Там много людей, большинство из них молодые и ведут себя рискованно. Кокаинщики, незащищенный секс, пьяные водители и много кто еще. Эшли ответил отказом. Автобусный вокзал. «Давай пройдемся по автовокзалу».

За исключением того, объяснила Мириам, что это не лучшее место, потому что, по

крайней мере, половина людей не стоит, а идет. А это значит, если только она не найдет того, кто захочет её укусить, они с Эшли окажутся вне игры. Конечно, если они не сядут на автобус до Де-Мойн. Но никто не захочет ехать в Де-Мойн.

Но Эшли не согласился. Он считает, что всё знает. Думает, что он чертовски умен. Мириам проворачивает это на протяжении многих лет, неужели он собирается ей указывать? Приструнить её, помочь играть в «её игру»?

Хорошо. Автовокзал. Мириам уступила. Всё равно.

И вот они здесь.

На той стороне Эшли выглядит нетерпеливым. Постукивает ногой. Голова откинута назад. Рот открыт. Сидит мух считает, как будто для него это пытка. Что за засранец. Пытка. Для него.

Вот умора.

Сейчас Мириам устала и сердится. Она сходит с тротуара, чтобы перейти дорогу перед автобусом, и тут...

Он едет на своём велосипеде. Это шоссейный велосипед, у которого покрышки такие тонкие, словно их выдавили из пипетки. На парне облегающий костюм из лайкры, как будто его спонсирует Goodyear или Kellogg's, или еще какая-то херня. Колесо напарывается на камень, его заносит, он переворачивается. Слышится визг тормозов, в него врежется бампер, дробя бедра, и тело (как будто у марионетки обрывают нити) скользит по капоту. На шлеме трескается визор. Потом все становится размытым, темнеет, в мозгу начинается кровотечение и...

...она оборачивается и находит взглядом мужчину. Он машет другому, прощается. Они могут быть просто друзьями или любовникам, да и неважно это. Подобного Мириам не ожидала. Она просто шла сама по себе, заблудившаяся в собственных мыслях, и его рука, должно быть, случайно коснулась её. Это не помогает. Да, он умрет. Но не завтра. Через год... ну, вернее, через один год, два месяца и тринадцать дней. Но все же. Похоже, у него есть деньги. Он достаточно близок к тому, чтобы Мириам записала его в свой календарь (если ты окажешься рядом, потом...).

Страхнув с себя видения, она перебегает перед отходящим автобусом (гадая в этот момент, не собьет ли он её? пришло её время?) и идет к Эшли, который одаривает её пронзительным взглядом.

— Есть что-нибудь? — интересуется он.

— Это как рыбачить без наживки.

— Это значит нет.

— Да. Нет.

Он пожимает плечами.

— Ну, возвращайся туда. Делай свои... экстрасенсорные штучки.

— Так вот в чем состоит твоя идея о партнерстве? Ты сидишь на заднице ровно, пока я делаю всю работу?

— Мой дар не может вступить в игру, пока ты не поймаешь рыбку, милая.

— Твой дар? Ты серьезно? Не смей меня. До сих пор, единственный твой дар — это улыбка победителя. В остальном ты лишь переводишь драгоценный воздух и пространство.

— Улыбка — это просто показуха. Но при этом, исключительное оружие в моем арсенале обаяния.

— Арсенал обаяния, — повторяет Мириам. — Я проголодалась.

— Мне всё равно.

— Но не должно быть.

Эшли зевает.

— Послушай, нам негде ночевать. Нам нужно место, где остановиться. Когда у нас появится укрытие, тогда мы подумаем о еде. Кроме того, ты же не хочешь, чтобы я, эм, не знаю, бросил тебя на произвол судьбы, позвонил в полицию, позвонил твоей матери или что-то типа того?

— Понятно. Все козыри у тебя на руках. Прекрасно. Но вот тебе небольшой урок биологии — девочкам нужно есть. Я человек. Мы, люди, жадные до еды, не говоря уже про выпивку и сигареты. У меня есть деньги. Давай заглянем в Ваффл-хаус? А потом уже мотель. Это на мне.

Он размышляет. Потом кивает.

— Хорошо. Ладно. Давай так.

Интерлюдия

Интервью

— Мальчик с красным шариком, — говорит Мириам и её лицо становится непроницаемым.

— Да, — подтверждает Пол. И ждет.

Она ненавидит эту историю. Ненавидит думать об этом. А пересказывать её — самая ненавистная для Мириам часть.

— Это случилось примерно через два года.

— После того как вы...

— После того как я заслужила эту уникальную способность.

Пол вскидывает бровь.

— Интересное слово. Заслужила?

— Ага. Не бери в голову, — отвечает Мириам и отмахивается от него. — Я проголодалась, разъезжая по пригороду этих яппи в округе Колумбия, поэтому решила заехать к Венди за их... этим молочным-продуктом-без-всякого-молока. Навозная жижа.

— Морозная свежесть.

— Да по фигу. Я расплатилась. Получила в чашке свой химический-подслащенный-продукт-производственной-пены-смазки и пошла, как порядочный гражданин, выбросить мусор. А там был он.

— Он?

— Остин. Маленький светловолосый человечек с веснушками. И у него был красный шарик с изображением синего праздничного торта с желтыми свечками. Ему было девять лет. Я знаю, потому что он сам мне сказал. Подошел ко мне и говорит: «Привет, меня зовут Остин; сегодня мой день рождения, мне исполнилось девять лет».

Мириам переживает за свой ноготь. Она знает, если продолжит в том же духе, сгрызет его до кутикулы, поэтому, чтобы это предотвратить, она достает очередную сигарету и закуривает.

— Я ответила, ну и прекрасно. Парень, это просто отлично. Я вообще-то не сентиментальна, но Остин мне понравился. У него был тот дерзкий, глуповатый взгляд на мир, что бывает у детей, когда все вокруг твои друзья и лучшее, что может с тобой случиться — твой день рождения. В том возрасте, днюха — это... большая корзина возможностей — пиньята разрывается конфетами и игрушками, всё это падает на пол. Ты становишься старше

и начинаешь смотреть на день рождения, как на очередную пройденную веху, что затягивает тебя дальше и дальше, глубже и глубже. Внезапно день рождения становится не потенциалом, а неизбежным событием.

— А потом вы его коснулись, — говорит Пол.

— Их твоих уст это звучит так, будто я затащила его в фургон. Для протокола, он меня коснулся. Парень схватил меня за руку и принялся её трясти, словно мы были деловыми партнерами или что-то типа того. Вероятно, этому его научил отец. Как надо пожимать руку, будто ты уже взрослый. Он пожал, тогда я и увидела.

Мириам описывает:

Остин выбежит на проезжую часть. Маленькие кроссовки будут топотать по земле.

Он потянется. Посмотрит наверх. Пока он бежит, его маленькие пальчики потянутся вверх, попытаются поймать.

Он погонится за воздушным шариком.

Белый внедорожник появится из ниоткуда.

Он собьет его с ног и отправит тело мальчика кувыркаться по дороге, словно сломанную куклу.

И это случится через двадцать две минуты после того, как Мириам с ним познакомится.

Пол притих. Он хочет что-то сказать, но не говорит.

— Вот именно, — говорит Мириам. — Мертвый малыш. До того момента, я много раз видела, как умрет куча людей. Да, я видела, что с этим столкнуться и другие дети, и они всё равно умрут... лучшего слова не найти. Но через сорок, пятьдесят лет. У них вся жизнь впереди. Печально, но мы все вынуждены выкуривать свою трубку. Но этот парень. Умереть в девять. В свой день рождения.

Мириам глубоко затягивается.

— И это должно было случиться у меня на глазах. Я была там. И я поняла, вот он, мой шанс. Я могу это предотвратить. Я могу действовать... как это называется? Проактивно. До того момента, я вела себя пассивно. Чувак должен был умереть через два года в автомобильной аварии, где он был пьяным. Я ему говорила: «Эй, тупой придурок, не пей и не води пьяным, по крайней мере в июне», и он мог делать с этой информацией что захочет. Но здесь? И сейчас? Парнишка должен был выбежать на дорогу? Насколько сложно не пустить его на дорогу? Я подумала, что надо увлечь его чем-нибудь. Я просто... или взять и опрокинуть его на землю. А может, засунуть его мусорный бак. Что-нибудь. Хоть что-то.

Понимаешь, во мне поселилась эта чертова надежда. Как мыльный пузырь. Я внезапно поняла... вот оно. Вот моя цель. Всё то ужасное, что со мной случилось, этот сраный «талант», может быть, всё это было ради одного момента. Если мне удастся остановить маленького идиота и не позволить ему удариться о бампер, значит всё случившееся того стоило.

Мириам закрывает глаза. Она всё ещё чувствует, как внутри растёт гнев.

— А потом я встретила ту манду.

Пол краснеет.

— Что? — интересуется Мириам. — Не нравится слово?

— Это... плохое слово.

— Плохое слово в тяжелые времена, Пол. Не веди себя, как девчонка. В Англии они постоянно так говорят. Это лишь часть языка.

— Мы не в Англии.

— Неужели? — Мириам щелкает пальцами. — Тогда, полагаю, надо перестать ездить по левой стороне дороге. Это объясняет то, что мне все сигналият. Да и смертельные аварии тоже объясняет.

Губы Пола складываются в мрачную линию.

— Так значит вы встретили какую-то... женщину.

— Стерва и сука, мать-шлюха. Одета как сумасшедшая проститутка. Со своей дизайнерской сумкой, ботексной улыбочкой и волосами, стянутыми так сильно, что она не сможет моргнуть, не порвав веки, её крутым телефоном, приложенным к уху или к заднице. Я подошла к ней и сказала: «Леди, мне нужна ваша помощь. Ваш сынишка. Он скоро умрет, если вы не поможете мне его спасти».

— И как она отреагировала? — спрашивает Пол.

— Я не пойду с «не очень хорошим» за 200 баксов, Алекс.

— Мне кажется, это на самом деле было что-то типа: «Все это не очень хорошо». Это из игры Jeopardy.

Мириам делает последнюю затяжку, появляется вишневый огонек.

— А ты знаешь, как сделать рассказ энергичнее, да, Пол?

— Простите.

— Эта манда посмотрела на меня так, будто я только поссала на её набор для интимных игрищ и DVD, так что я подошла ближе и повторила свои слова ещё раз. Тетка пробормотала что-то на счет того, что я сумасшедшая, поэтому я схватила её за руку — я вцепилась в рубашку, до кожи не дотронулась, — а ей это не понравилось.

Двадцать минут спустя я ору на копа, она орет на меня, а коп пытается понять в чем смысл...

— Подождите. Коп? — переспрашивает Пол.

— Да, Пол, коп. Я сказала, все случится через двадцать минут. Она позвонила в полицию и сказала, что какая-то сумасшедшая угрожает её сыну.

— И вы не убежали?

Мириам стряхивает пепел в сторону Пола; тот отмахивается.

— Нет, помнишь, я пыталась спасти парнишке жизнь? Решила, что полицейский скорее поможет, чем навредит. Вдруг он утащит нас в центр, а это в принципе решит проблему, хоть и несколько иначе. Я не собиралась просто... простоя взять и уйти, позволить этому случиться.

Рука Мириам сжимается в кулак, девушка бьет костяшками по столу.

— Однако не стоило. Нужно было убежать. Потому что, пока мы все стояли и орали друг на друга возле этого сраного Венди, Остин увидел на земле пенни. Даже сейчас, когда я слышала его голос, я не придавала этому значения, понимаешь? Я была так увлечена тем, чтобы достучаться до его тупой мамы, что полностью упустила из вида происходящее.

Остин говорит: «Видишь пенни, подними!» и нагибается, чтобы подобрать этот... этот пенни. А потом воздушный шарик выскользывает у него из рук. Сейчас я и не знаю, как долго он ходил с этим шаром, но гелия уже было недостаточно, чтобы улететь. Вместо того шарик просто парил в воздухе, пока ветер не подхватил его и не понес прочь.

Пол пытается сглотнуть ком в горле.

— Шарик набирает скорость. Остин бежит за ним. Я вижу его. Пытаюсь кричать, но мать орет на меня и не смотрит на сына. А коп пялится на мать, потому что она выглядит так, словно вот-вот выцарапает мне глаза. Я кричу и делаю шаг, чтобы бежать, но коп меня

отталкивает.

Эта картинка всё ещё там. В моей голове. Шарик уплывает. Внедорожник. Его тело. Его ботиночки. Все как-то не по-настоящему. Как будто ты всё это увидел в интернете. Словно это шутка какая-то.

Тишина.

Мириам смаргивает выступившие слезы. Она не позволит себе расплакаться.

— Всё пошло наперекосяк, — наконец говорит Пол.

Мириам скрипит зубами.

— Нет, наперекосяк всё пошло потом. После того, как всё закончится, как ты прогонишь прочь из головы картинки случившегося, твой мозг продолжит с тобой играть, ты начинаешь проводить параллели. Ты понимаешь, что вся наша жизнь записана в книге, у каждого она одна, и когда книга заканчивается, мы умираем. Хуже того, у некоторых из нас книги короче, чем у других. Книга Остина была простой брошюрой. Она заканчивается и всё кончено. Выбрось её прочь. Пока-пока, Грейси [14].

— Это ужасно.

Мириам встает, ногами отодвигая стул, потом берет его и подбрасывает — тот тяжело падает на пол и разлетается на кусочки.

— Пол, ты не понимаешь, да? Я пыталась спасти жизнь этому глупому мальчишке, а пока пыталась, стала той, кто обрёл его на смерть. Я убила его. Если бы у меня не было этого видения, если бы я не стала ничего предпринимать, его долбанная мамашка, возможно, затащила бы его в очередной обувной магазин или увезла домой. И её не стала бы отвлекать сумасшедшая девка, а сын никогда не выбежал бы на шоссе. Это похоже на какую-то змею, кусающую свой собственный хвост. У судьбы есть план и я была частью этого плана, хоть и думала, что смогу её перехитрить и вывернуться из хватки. Пытаясь предотвратить, я лишь позволила этому случиться.

Стул сейчас далеко, поэтому Мириам усаживается прямо на пол. Она молча курит, сгорбившись и тяжело дыша.

— Вот именно поэтому я не пытаюсь спасти людей, — наконец говорит Мириам.

— О.

Мириам растирает окурок о железобетонный пол.

— Итак, — говорит она. — Что ты хочешь знать по-настоящему, так это то, откуда у меня эта особенность?

Глава пятнадцатая

Уроборос

Ваффл-хаус — основной продукт юга Америки, по сути он является засаленным желтым гробом. Он маленький. И квадратный. Половина людей внутри — не более, чем ходячие трупы, набивающие свой рот оладьями, сосисками и, конечно же, вафлями. Их тела раздуваются, а сердца умирают. Мириам считает, что это потрясающе. Она ест здесь, потому что это еще один гвоздь в крышке гроба; девушка почти слышит, как засоряются артерии, они становятся ломкими и хрустящими, как жареная курица.

«Ирония в том, — думает Мириам, — что теперь здесь нельзя курить. Теперь только официантка торгует здесь смертью».

Мириам стоит снаружи. Льет проливной дождь. Мимо проезжают автомобили. Сквозь пелену смога девушка видит Серкит-сити [15] и небольшую корейскую забегаловку на

противоположной стороне автострады рядом с магазином тканей Джо Анны. Вдалеке виднеются желтые огоньки и темный силуэт горизонта Шарлотты, а рядом аккуратным штакетником выстроились небоскребы, которые едва ли напоминают тех монстров, что растут в Нью-Йорке или Филадельфии.

Мириам чувствует себя так, словно балансирует на краю. Ненадежно. Она не хочет думать о будущем — она так редко что-то делает, обычно она позволяет судьбе нести её по течению, как пластиковый стаканчик плывет по ленивой, чокнутой реке. Но это гложет её. Беспокоит своими острыми маленькими зубками.

Мириам слышала, что в научных лабораториях крысы и обезьяны, которым внушали иллюзию выбора, доживают свои жизни вполне здоровыми. Даже если у них только два варианта: рычаг, который бьет током, и рычаг, который бьет током, они всё равно довольны и счастливы. Крысы и обезьяны, которых бьют током произвольно, и у которых нет выбора, начинают волноваться, жевать свою шкурку, прежде чем умирают от рака или сердечного приступа.

У Мириам такое ощущение, что у неё не осталось самообладания. Она гадает, сколько времени пройдет до того момента, как она начнет жевать свои пальцы.

Или же всё дело в Луисе.

Он преследует её. Несмотря на то, что он ещё жив, она видит его призрак. Небольшой шанс встретиться с ним существует, а Мириам видит его повсюду: вот он стоит в толпе, сидит за рулем минивэна, отражается в витрине Ваффл-хаус...

— Мириам?

Она оборачивается.

К ней обращается призрак.

— Привет, — говорит призрак-Луис. За исключением того, что обычно у привидения глаза перемотаны изолентой. А на этих глазах её нет. Они настоящие. Теплые. Они смотрят.

— Ты не привидение, — вслух говорит Мириам.

Луис молчит. Похлопывает по телу руками, словно желает убедиться в своем физическом присутствии.

— Неа. Как и ты, если судить по тому, что я вижу.

— Это спорно. — Она чувствует себя разбитой.

У неё в голове Луис уже мертв. Так проще. Сейчас тяжелее.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает Мириам.

Луис смеется.

— Ем.

— Полагаю, в этом есть смысл. — Девушка чувствует себя неловко. К её щекам подкрадывается краска; такого никогда прежде не случалось. Она пытается придумать остроумный ответ. Но не может. Мириам чувствует себя пристыженной, незащищенной. Обнаженной.

— Хочешь присоединиться?

Она хочет сбежать.

Вместо этого Мириам говорит:

— Только что поела.

— Конечно, — соглашается Луис.

А потом они просто стоят, разделяя молчание и шепот дождя.

— Слушай, — наконец говорит он, — думаю, я, наверное, тогда в грузовике всё

неправильно понял. Думаю, может, я неправильно выразился, как какой-то идиот. И черт побери, я такой и есть. Я просто... я не часто встречаю хороших людей. Я не хотел выглядеть странным или вести себя странно, и я не хотел давить на тебя и настаивать на встрече.

Мириам пытается не засмеяться, но тут же хохочет. Луис выглядит обиженным, Мириам отмахивается от него.

— Я не над тобой смеюсь, чувак, я над собой смеюсь. Над ситуацией. Ирония жива и здорова. Ты очень далеко от того, кого можно назвать странным. Ты в миллионах миль от странности. Уж поверь мне. Я точно знаю. Только не ты. Ты просто парень. Очень хороший парень. Это я сумасшедшая сука, у которой случился припадок.

— Нет, я всё понимаю — длинная ночь, длинный путь, стрессовая ситуация, все понятно. — Луис тянет из кармана скомканный счет и достает ручку. Он прижимает бумагу к витрине и что-то пишет. — Это мой номер. Мобильный; домашнего у меня больше нет. Я не смогу в ближайшее время взять новый груз (экономика страны свалилась с лошади и это больно ударило по таким парням, как я), но это значит, что я буду здесь поблизости.

— Да, ты всё ещё поблизости, — говорит Мириам. Нож в глаз. Чмокающий звук. Мириам? — Хорошо.

— Кто это? — интересуется Эшли, выходя из Ваффл-хаус и держа руки скрещенными, будто защищаясь. — Твой друг?

— Нет, — отвечает она. — Да. Не знаю. Он просто меня подвез.

Луис возвышается над Эшли. Столп, монолит. Эшли — трава в его тени. Но это не останавливает его от того, чтобы выпятить грудь и подбородок. Двое мужчин сверлят друг друга взглядами.

— Это твой прежний парень? — спрашивает Луис.

— Что? Парень-фингал? — Мириам не может удержаться, чтобы не засмеяться. — Нет, Господи. Нет.

— Приятно познакомиться, здоровяк, — говорит Эшли. — Нам пора. Увидимся.

— Окей, — говорит Луис. — Я понял. Пойду, зайду, поем вафель.

Эшли улыбается.

— Очень умный поступок, дружище.

Луис ухмыляется и это похоже на то, будто кто-то всосал воздух. Он здоровый парень, как и сказал Эшли, но внезапно он как-то съеживается. Луис бросает на Мириам грустный взгляд и направляется внутрь заведения. Эшли машет ему рукой.

— Пока-пока, придурок, — смеясь говорит он.

Глава шестнадцатая

Гравитация

Всё ещё ночь. Всё ещё идет дождь.

Эшли прижимает Мириам к кирпичной стене. Он припарковал машину. Сказал, что хочет что-то показать. Они вышли и вот теперь стоят здесь. Вокруг них играет городской шум — мягкий для города, но всё ещё громкий: автомобильные гудки, крики, смех, музыка.

Мириам спиной чувствует кирпичи. Эшли плотно прижался к ней.

— Отвали от меня, — говорит она, отталкивая молодого человека. Но он возвращается обратно, как один из тех клоунов, что если ударить, то обязательно поднимется.

— Ты знакома с ним, — хихикая шепчет он. — Дальнобойщиком.

— Он меня подвозил. Просто парень.

Мириам чувствует дыхание Эшли. Мята. Девушка удивлена, заметив у него на языке леденец. Мириам надеется, что у неё изо рта пахнет не как их пепельницы.

Эшли носом касается носа Мириам; его щека у её щеки. У него гладкая кожа. Никакой щетины. Почти как у женщины. Дыхание обжигает Мириам ухо.

— Просто парень? Я на это не куплюсь. Он тебе нравится.

— Он мне не нравится.

— Нет, это я тебе не нравлюсь. А он нравится.

Он прикусывает её мочку уха. Недостаточно, чтобы пошла кровь. Но довольно ощутимо.

Мириам отталкивает его. Эшли смеется. Его руки держат девушку за бедра.

— Срать я хотела на того парня. Срать мне вообще на всех.

Эшли всматривается Мириам в лицо. Она чувствует, как он смотрит на неё. Его взгляд бродит, словно пара рук. Мириам кайфует. Её сердце трепещет, будто птичка со сломанным крылом.

— Кое-что все-таки происходит, — говорит он. Его большой палец находит кнопку на джинсах девушки. Пальцы лениво бороздят пояс. Глаза Эшли широко открыты. Откровение. — Это и есть твоя метка.

— Пошел ты. Убери руки от моих штанов.

Она произносит это, но не всерьез.

Он задает неуместный вопрос.

— Когда он умрет?

Рука Эшли скользит глубже. Пальцы дразнят Мириам. Она становится влажной, как в солнечный день; промокает, будто в болоте. Мириам это ненавидит.

— Катись в ад.

Его пальцы орудуют внутри неё. Мириам ловит ртом воздух.

— Позволь, я помогу.

— Мне нужна твоя помощь. — Мириам хочет застонать. Она душит этот порыв.

— Он дальнбойщик. А у дальнбойщиков есть деньги. Я помогу тебе достать их.

— Я же говорила, мне не надо... — К большому пальцу присоединяется указательный.

Мириам затыкается. Она чувствует себя слабой. Контролируемой. Как будто она робот, а у Эшли пульт управления.

— Тебе определенно кое-что нужно.

Его пальцы напирают всё сильнее.

Эшли смеется.

* * *

Комната мотеля. Цветочный принт на покрывале. Зеркало в золотой оправе со старомодными светильниками по периметру. Картина с магнолией на стене. Комната чистенькая, но пахнет плохо скрытым дезинфектантом.

Мириам сидит на краю кровати и курит. У неё перед глазами железный чемоданчик, девушка гадает, что же внутри.

Мириам обнажена, она трет пальцами ноги ковер. Другой мотель. Другой партнер. Другая сигарета. Снова и снова, вращающаяся карусель. Она хочет утопиться в алкоголе.

Из спальни выходит Эшли, он чистит зубы одной рукой, держа в другой трусы.

— Насильник, — говорит она.

— Нельзя изнасиловать ту, что сама согласилась, — огрызается Эшли, подмигивая.

— Я знаю. Однако я могла бы сломать тебе челюсть. Я просто хотела, чтобы ты

почувствовал себя мерзко, вот и всё.

С зубной щеткой во рту он радостно бормочет:

— Я не почувствовал.

— Это я тоже знаю.

В ванной Эшли сплевывает пасту, полощет рот, снова сплевывает.

— Нет, значит нет, — бросает она ему в спину.

— Так не всегда, — отвечает он, прежде чем выйти из ванной. Эшли стирает остатки зубной пасты с подбородка тыльной стороной руки. — Давай-ка обсудим детали.

— Детали.

— Смерти дальнобойщика.

— Луис. Его зовут Луис.

— Угу. По фиг. Его первое имя Отметка. Второе — Жертва. У него есть деньги, это мне известно. У дальнобойщиков всегда есть деньги. Они получают много, но тратить им их некуда... если только они не женаты. Он женат?

— Сказал, что жена от него ушла.

Мириам чувствует, что её тошнит. Ощущает себя вероломной тварью. Грязным предателем.

— Значит деньги у него есть. И в банке он их, вероятно, не хранит, потому что сегодня ты в Толедо, завтра в Портленде, послезавтра в Заднице, Нью-Мехико. Деньги нужны, ведь надо оплачивать разные сборы. К тому же половина всех этих дальнобойщиков сидят на амфетаминах, которые покупают на стоянках. Дилеры и барыги не принимают кредитных карт. Уж поверь мне.

— Он не наркоман.

Эшли пожимает плечами.

— Ага, ты его лучше знаешь. Поэтому возвращаемся к первоначальному вопросу: Как всё случится? Автоавария? Это стрёмно, потому что он, скорее всего, хранит наличку в машине. Если всё это сгорит, нам от этого никакого толка.

— Он умрет на маяке. Через... — Мириам подсчитывает в уме. — Две недели. Четырнадцать дней.

— Как?

— Не скажу.

— Как это по-взрослому.

— Это личное. Это его смерть.

— Но ты же знаешь.

Мириам втягивает сигаретный дым.

— Хотела бы не знать.

— Ну и ладно. Маяк. Из него открывается живописный вид. Хорошо для дальнобойщика. Мы в Северной Каролине, на побережье, где, как я полагаю, хренова гора маяков. — Эшли принимается ходить по номеру. — Хорошо, план такой. Ты подберешься к нему поближе. Позвони ему завтра. Пойдешь с ним куда-нибудь. У нас две недели, нам надо узнать, где он последний раз выкурит трубку.

— Это и есть твой гениальный план? За этим я тебе нужна?

Эшли пожимает плечами.

— Ты же ничего лучше не предложила.

— Тогда скажи мне, почему нам просто не украсть у него деньги, пока он ещё жив?

— Потому что живые люди не очень любят, когда у них что-то воруют. Мертвые не станут звонить 911.

Мириам осторожно смотрит на Эшли.

— И тебя ничего не беспокоит? Ты не ревнуешь даже?

— Не возражаю немного позеленеть от зависти, если смогу позеленить себе руки пачкой сотенных купюр, — отвечает он. — А теперь пора на боковую. Я выдохся.

Глава семнадцатая

Кровь и шарики

Мириам просыпается, словно от толчка. Мимо её взгляда пролетает тень.

Девушка садится. Её глаза пытаются привыкнуть к темноте. Эшли лежит рядом не двигаясь.

Глаза Мириам снова ловят тень — та сгущается в углу, потом пробирается в ванную. Раздается шепот, что-то хрустит.

Девушка тянет руку к краю кровати, ищет сумочку и ищет внутри нож-бабочку, тот, что она купила в штате Делавэр за шесть баксов. Мириам неслышно открывает лезвие.

Ступни девушки касаются ковра. Мягкие крадущиеся шаги.

Свободная рука скользит по стене, пока не наткнется на дверной проем ванной комнаты. Пальцы находят выключатель.

Щелк. Яркий, резкий свет.

Сердце замирает.

В верхнем углу ванной плавает красный воздушный шарик. Он покачивается, дрейфует. На шарике нарисован торт, а над ним мультяшными свечками написано: «С Днем рождения, Мириам».

— Сегодня не мой день рождения, — говорит она, обращаясь к шарiku.

Воздушный шарик двигается, снова тихое шуршание, и он выплывает в центр комнаты. Мириам смотрит на свое отражение в зеркале. Под обоими глазами фингалы. Носом идет кровь.

— Это сон, — говорит она.

Шарик медленно поворачивается — на обратной стороне другая надпись.

На месте торта — череп с костями. Из открытого рта сквозь корявые зубы, словно пузырьки, струится надпись: «Счастливого Дня СМЕРТИ, Мириам».

— Мило, — отвечает Мириам и вскидывает нож.

Шарик лопается.

Брызги крови повсюду. Черной крови. Со сгустками. Мириам стирает её с лица, отплевывается. Струйки бегут по зеркалу, ржавые капли. Кусочки бледной ткани плывут в этих потоках, как личинки в древесном соке. Она видела подобное прежде, видела такую кровь (на полу, на полу в ванной комнате).

Мириам не знает зачем, но она проводит ладонью по зеркалу, вытирая его, чтобы увидеть своё отражение.

То что она видит, удивляет.

Это всё ещё она, её отражение. Но она в юном возрасте. Каптановые волосы зачесаны назад и собраны розовой резинкой. Никакого макияжа. Огромные глаза, чистые, полные невинности.

Потом движение за её спиной, в отражении, сгустившаяся глыба.

— Ещё девять страниц, — произносит голос. Голос Луиса.

Мириам крутится колесом, но не успевает. У него в руках красная лопата.

Луис смеясь бьет девушку по голове. У неё темнеет в глазах. Когда она проваливается в колодец беспамятства, слышит крики ребенка, но и они пропадают.

* * *

Мириам приходит в себя в больнице от вони антисептика. Он заползает ей в нос. Гнездится там.

Руки Мириам вцепились в простыни. Она пытается слезть с кровати, опустить ноги, но простыни запутались, а кровать окружена металлическим рельсом, который она не может преодолеть. Словно он образует невидимый периметр. Мириам трудно дышать. Легким не хватает воздуха. Девушка чувствует себя в ловушке, словно она лежи в коробке, в гробу. Втягивает воздух, горло сжимается.

Внезапно появляются руки — крепкие, тяжелые — они хватают Мириам за лодыжки, и как бы она не отбивалась, заковывают её в стальные хомуты. Ладони жирные и влажные. Из-за края кровати появляется лицо, поместившись у неё между ног.

Это Луис. Он стягивает окровавленными пальцами зеленую хирургическую маску.

— Там было очень много крови, — говорит он.

Мириам отбивается. Но простыни оборачиваются вокруг её рук.

— Это сон.

— Может быть. — Луис протягивает руку и почесывает край изоленды на правом глазу. — Прости. Чешется.

— Сними с моих ног эти кандалы.

— Если это всего лишь сон, — говорит он, — почему бы тогда не проснуться.

Она старается. На самом деле старается. Мириам кричит, пытаясь себя разбудить.

Ничего. Мир не меняется. Луис склоняет голову на бок.

— Все еще думаешь, что это сон?

— Иди на хрен.

— Какой грязный ротик. Ты будешь плохой матерью.

— Твою мать.

— Ты похожа на девчонку из того фильма, где в неё вселяется дьявол. Ты его знаешь. Блевотина какая-то. Вся та ярость, что порочит благословение Господа нашего Спасителя.

Мириам снова тянется к ногам. По лбу стекает пот. Она хрипит от бессилия, ярости, страха. Почему она не может проснуться? «Вставай, глупая девчонка, просыпайся».

— Мы собираемся тебя зашивать, — говорит Луис. Он искоса смотрит на пространство между ног Мириам и облизывается. — Сошьем крепко, хорошо и надежно.

— Ты не Луис. Ты фантом в моей голове. Ты у меня в мозгу, играешь со мной.

— Доктор Луис, чтоб ты знала. Относись с уважением. — Он достает иглу. Она огромная, похожа на крючок. На детский пальчик. Луис от усердия высовывает язык и, даже будучи слепым, продевает через ушко грязную нить. — Ты ведь даже не знаешь какая у меня фамилия.

— У тебя нет фамилии, — фыркает Мириам, пытаясь высвободить руки. — Ты вымысел. Обрывок. Мне нет до тебя дела. Нет дела ни до призраков, ни до гоблинов.

— Ты чувствуешь себя виноватой. Это нормально. Я тоже себя чувствую виноватым. Мы сможем поговорить об этом, но прежде, чем мы сможем это сделать, я зашью твоё шаловливое место. Кстати, это вполне себе медицинский жаргон. Но я знаю, ты

предпочитаешь конкретику, поэтому позволю себе перефразировать: мне нужно сшить твою манду, чтобы оттуда больше никогда не вылез еще один ребенок, потому что последнее, что нужно этому миру, чтобы какая-то шлюшка выпустила в него свою личинку.

Мириам в ужасе — она напугана словами, вылетающими из его (её?) рта. Она хочет что-то сказать, но её голос слаб, похож на писк, хриплый визг. Мириам пытается сказать «нет», пытается дотянуться и остановить его...

Но его голова опускается вниз, и толстая игла пронзает её половые губы. Мириам чувствует, как идет кровь, пытается закричать, но у неё не получается...

* * *

Длинная автострада — ни к чему не сужающаяся в одном направлении, ни к чему не сужающаяся в другом. Серая, выжженная, тусклая, с трещинами. Пустынная в обе стороны: красная земля, бледная поросль. Наверху синее небо, но вдалеке висит грозная туча, похожая на наковальню.

Мириам стоит на обочине шоссе. Она пытается перевести дыхание, словно только что вышла из ледяной воды зимнего озера.

Она нормально ощущает свои бедра и промежность. Никакой боли. Никакой крови.

— Иисусе, — охает она.

— Не совсем, — раздается голос позади неё.

Луис, снова, со своими мертвыми глазами.

Он улыбается.

— Не приближайся ко мне, — предупреждает Мириам. — Если подойдешь ближе, я сломаю тебе шею, клянусь всеми святыми.

Луис усмехается, качая головой.

— Да ладно, Мириам. Ты же уже решила, что это сон. Ты же знаешь, что я в тебе. Так зачем ты говоришь, что сломаешь мне шею? Это контрпродуктивно. На самом деле даже суицидально. Ты должна обратиться за профессиональной помощью.

Луис начинает ходить и тогда Мириам видит двух ворон на дороге. Темные клювы клюют сбитого броненосца, вытягивая красные жилы. Мертвое животное похоже на потрескавшееся пасхальное яйцо. Птицы нападают друг на друга.

— Может, я не ты, — говорит Луис, медленно переплывая с одной пыльной обочины на другую. — Может, я Бог. Может, я Дьявол. Может, я живое воплощение судьбы, рока, того, что ты проклинаешь каждое утро как просыпаешься, и каждый вечер перед тем, как кладешь голову на подушку. Кто может сказать наверняка? Всё что я знаю, пришло время встретиться с монстром.

Мириам присоединяется к Луису, и они ходят уже вдвоем. Они напоминают двух хищных кошек, следящих друг за другом по разные стороны решетки одной клетки.

— Вытащи меня из этого сна, — говорит она.

Он игнорирует её просьбу.

— Может быть, я настоящий Луис. Может быть, я в его спящем мозгу, зовущем тебя ментально, ведь ты такая чувствительная. Бедная маленькая девочка экстрасенс. Может, я и знаю, что грядет, и умоляю тебя предотвратить это. Пожалуйста, Мириам. Плак-плак.

— Я не могу заставить это остановиться.

— Может быть. Может быть, нет. Но у тебя до сих пор есть выбор. Я скоро умру, но вместо того, чтобы это предотвратить (или, по крайней мере, попытаться сделать мою жизнь лучше, хотя бы на эти две недели), ты собираешься охотиться за мной и красть у мертвого,

лишенного глаз тела.

— Девушке нужно что-то есть, — с издевкой говорит Мириам.

Луис останавливается.

— Это так ты себя оправдываешь?

— Ты не знаешь, что я делаю и зачем я это делаю, — говорит она, хотя и думает, что всё как раз наоборот. — Я буду с Луисом и, поверь мне, ты не он, и может быть, я сделаю его жизнь несколько лучше в эти две недели.

— Минет пришелся бы в самый раз, — соглашается Луис. — Попробуй как-нибудь.

— Да иди ты. Я могу сделать его счастливым на это время. Но не проси меня спасти его...

— Спаси меня.

— ...потому что этому не суждено случиться. Не может просто. Оно мне не позволит.

— Оно?

— Судьба. Ты. Бог. Не важно.

Луис пожимает плечами. Потом смотрит куда-то Мириам за плечо.

— Эй, — говорит он. — Что это там?

Мириам попадаетея и оборачивается.

Это воздушный шарик. Он дрейфует вдоль дороги, его подхватывает разгоряченный воздух; с шарика на асфальт шипя, будто на сковородку, капает кровь.

Мириам поворачивается, чтобы сказать что-нибудь Луису или не-Луису, или тому, кем бы он ни был, но...

Его нет.

Вместо него белый внедорожник, который бьет Мириам прямо в грудь, и она чувствует, как что-то ломается внутри.

Карканье воронья. Плач ребенка.

* * *

Когда Эшли просыпается, то находит Мириам в углу, истекающую потом. Она сидит, упершись спиной в обе стены и что-то строча в блокноте.

— Что ты делаешь? — хрипит он.

— Пишу.

— Я вижу это, Хемингуэй. Что пишешь-то?

Девушка поднимает взгляд. У неё в глазах вспыхивает безумие, на губах играет сумасшедшая улыбка.

— Накатала две страницы, вот что. Осталось только семь. — И она возвращается к своей писанине.

Глава восемнадцатая

Месть Жирного Чувака, в некоторой степени

Трейлерный парк напоминает Харриет кладбище. Один передвижной дом и два сцепленных трейлера. Серые и белые коробки. Все выстроились друг за другом. «Похожи на надгробия», — думает Мириам. Или ряд гробниц, каждая из которых отмечена мертвыми или умирающими цветами.

Фрэнки пинает камень. Тот рикошетит от ржавой лейки и попадает в грязного садового гнома в грибоподобной шляпе.

— Это место просто отвратительно.

Харриет поднимается и стучит в дверь последнего домика.

Человеческая гора, татуированное тело, открывает дверь.

Жирный Чувак. Конкретнее: голый Жирный Чувак. Два пальца в шине.

Его тело полностью заполняет дверной проем. Огнедышащий дракон переплетается с другим, опоясывает кратер живота мужчины. Второй дракон спускается вниз прямоком к...

Фрэнки бледнеет.

— Ох, да ладно, — бормочет он, прикрывая глаза.

— Что? — раздраженно интересуется Жирный Чувак.

Фрэнки морщит нос.

— Слышь, у тебя член тоже в татуировке?

— А ты разглядываешь мой член?

— Так он у меня прямо перед носом! — кричит Фрэнки, тыча пальцем. — Он как огурец. Морской огурец. Мне кажется, это он пялится на меня, если честно.

Толстяк рычит:

— Я тебе в рот плюну, если ты не заткнешься.

— Ах ты сукин сын...

— Нам надо задать вам несколько вопросов, — перебивает Харриет, отодвигая Фрэнки.

— Я не отвечаю на вопросы лесбиянок и даго [16], - говорит Жирный Чувак, довольный собой.

— Иди на хрен, жирдяй! — говорит Фрэнки, делая шаг вперед.

Жирный Чувак тянется левой рукой, той, где здоровые пальцы, чтобы схватить Фрэнки за нижнюю челюсть и оторвать её от головы. Но его рука не добирается до цели.

Харриет медленно вздыхает и выбрасывает руку вперед, хватая Жирного Чувака за яйца своими маленькими пальчиками. Она сдавливая их так, словно пытается открутить голову воробью. Человек-гора визжит таким голосом, будто пнули щенка, и протягивает мясистую руку к голове Харриет. Она отклоняется и ладонь врезается в тухлявый косяк его собственного трейлера. Средний и безымянный пальцы отгибаются назад неестественным образом, слышится треск; так палка хрустит под ботинком. Жирный Чувак воет.

Харриет чертовски довольна. Ещё два сломанных пальца. Симметрия её радует.

Она отпускает яички Жирного Чувака и отталкивает мужчину назад.

Теперь можно увидеть остальную часть трейлера — над горой грязной посуды летают мухи; ткань на диване настолько загрубела, что на ней можно тереть сыр; дверь в ванную, представляющая из себя гармошку, прицеплена к стене ржавым крюком. Настоящий дворец.

У противоположной стены стоит огромная кровать, как предполагает Харриет, обязанная своими размерами большой туше Жирного Чувака. На ней сидит худая девушка лет восемнадцати, может быть, моложе, и наблюдает за всем происходящим одурманенными кокаином глазами. Она держит у подбородка одеяло, будто притворяясь скромницей, однако, из-за простыни видна одна грудь с торчащим соском. Но девушка как будто этого не замечает.

— Держи ему голову, — командует Харриет.

Фрэнки хватая лысую, тыквообразную голову байкера и прижимает к ковру, где покоятся пятна от еды и другой биологической активности.

— Теперь подними голову.

Когда голова поднята, Харриет подносит фото Жирному Чуваку под нос. Его влажные глазки пытаются на ней сосредоточиться.

— Этого парня зовут Эшли Гейнс, — объясняет Харриет. На фото Эшли смеётся, он на вечеринке со стаканом пива в руке. Все стоят в сияющих лучах Рождественских огней. — Бармен сказал, что вы знакомы.

— Да-да, — скрипит Жирный Чувак. — Я его знаю. Вам надо было сразу показать мне фотку. Я бы все про этого засранца рассказал. Это он ведь сломал мне... — он не может заставить себя закончить фразу. Жирный Чувак поднимает руку с ковра и машет ею, как чертов пингвин.

— Наверное, трудно зато теперь удовлетворять себя, — говорит Фрэнки, улыбаясь от уха до уха.

— При нем был металлический чемоданчик? — спрашивает Мириам.

— Нет. Никакого чемодана. Только какая-то блондинка.

— Блондинка?

— Блондинка, как блондинка, волосы цвета песка на пляже, крашеная. За рулем Мустанга. Модель начала девяностых. Белый. Заднее стекло разбито.

Харриет кивает Фрэнки и тот отпускает Жирного Чувака. Мужчина валится на пол, как валун, падающий позади Индианы Джонса.

— Пока на этом все, — говорит Харриет. — Спасибо за уделенное время.

— Идите на хрен, — хнычет он.

Прищелкнув языком, Харриет бьет носком ботинка Жирного Чувака по губам, дробя зубы. Он перекачивается на живот, кашляет, с нижней губы капает кровь. Один зуб выплывает по красной реке и падает на ковер.

— Идем, — обращается Харриет к Фрэнки, который посмеиваясь идет за ней.

Глава девятнадцатая

Свидание со смертью

«Да пошел он», — думает Мириам.

Он в любом случае уже мёртв. Его билет прокомпостирован. Часы тикают. Судьба обмакнула палец в черную золу и размазала по его лбу. Никто не пометил его дверь кровью ягненка. У Господа уже есть его номерок. Очень плохо. Sayonara, большой парень.

У чувака много денег. В том конверте достаточно зелени, чтобы накормить Мириам, одеть и обеспечить жильем на несколько недель.

«Не твоя вина. Не ты же выследишь его и убьешь. Ты не хищник. Ты падальщик. Стервятник, не лев. Ты всего лишь обнаружишь труп. Можешь забрать себе его кости».

«Ага. Пошел он к черту».

А потом она видит его.

Мириам стоит на парковке у мотеля, курит, и тут появляется он — шипят тормоза, Луис выбирается из кабины. Девушка видит, что он привел себя в порядок. Это не высокая мода, конечно: синяя клетчатая рубашка, прямые джинсы с потрепанной внизу каймой, огромные черный ковбойские ботинки (потертые).

И вот она, стоит в обычной белой футболке, а волосы выкрашены в цвет воронова крыла. Джинсы, рваные на левом колене с парой косых разрывов на правой ноге. Ботинок нет, просто пара некогда белых конверсов, которые теперь похожи на грозовые облака.

Мириам чувствует себя не в своей тарелке. Во рту становится сухо. И ей это не нравится.

— К черту всё это дерьмо, — бормочет она себе под нос, когда Луис подходит

ближе. — Выбрось из головы. Будь жестокой. Не веди себя как лох. Ты не трусиха. Мы все умрем.

Он подходит и Мириам опять чувствует себя маленькой — ей опять напомнили об огромных размерах, широченных плечах, молотоподобных руках, ботинках Германа Мюнстера. Однако лицо у Мириам ласковое. Луис опускает глаза. Он уязвим. Она думает, что его легко будет обвести вокруг пальца, но девушка не уверена.

— Привет, — здоровается Луис. Он нервничает. Это идет на пользу Мириам. Жестоко, конечно, но она всегда чувствует себя увереннее за счет слабости других. — Как тебе это место, всё хорошо?

— Ну да, — отвечает она. Мириам приехала сюда на Мустанге Эшли. Чтобы взять машину, пришлось его уговаривать, как она когда-то просила папочку дать ей покататься по городу на его Бенце.

— Рад тебя видеть.

— Ты выглядишь... чистым.

Эти слова выбивают его из равновесия. Мириам чувствует себя неловко.

— Принял душ, — говорит он.

— Люблю это в мужчинах.

— Не думал, что ты позвонишь.

Мириам выбрасывает сигарету. Та падает в лужу и шипит.

— Да неужели?

— Я думал, что ты с тем...

— С другим парнем? О, нет. Это мой брат Эшли.

Луис смотрит с облегчением. Словно его парус только что поймал ветер.

— Твой брат?

— Ага. Я потому и здесь. Навещаю его. Подумываю найти работу, квартиру. — Ложь течет себе и течет. Как только она поворачивает кран, поток уже на остановить; у крана ломаются переключатели. — Конечно, он безработный, но мама с папой всегда говорили, что из него не будет толка. А у меня внутри самый настоящий соревновательный дух. Я решила, что могу приехать сюда, найти ему работу; показать, кто главный, чтобы этот бездельник уже пристроил свою задницу.

— Надеюсь, все получится. Шарлотта — хороший город.

— Хороший, — повторяет Мириам. — Да, он точно хороший. — Хороший. Она прокручивает слово в голове, оно звучит издевательски, плаксиво. Город красив своей чистотой, ровными линиями и отполированным металлом. Лучше бы Мириам оказалась в Нью-Йорке, Филадельфии или Ричмонде: грязь, сажа, странные углы, химические запахи, вонь отходов смешивается со странными ароматами еды.

— Готова? — интересуется Луис.

Желудок проваливается в пустоту. Она не готова. Действительно не готова.

— Конечно, — говорит Мириам и делает шаг к нему, чтобы взять за руку.

— Колесница ждет.

* * *

Фильм оказался отстойным. Ужин посредственным.

У Мириам такое ощущение, что она сбилась с пути. Они сидели рядом во время киносеанса, потом напротив в итальянском кафе, но они как будто находились за тысячи миль друг от друга. Он смещается — вопрос, взгляд, тянется через стол — она отклоняется

— отступает, уводит взгляд в сторону, убирает руки на колени. Два магнита повернулись не той стороной — отталкиваются, а не притягиваются.

«Это не работает», — думает она снова и снова.

Сейчас они опять сидят в грузовике, едут часто останавливаясь в потоке по бульвару Независимости. Но Мириам не чувствует себя независимой. Она в ловушке. В кандалах.

— Моя жена мертва, — внезапно говорит Луис, когда они останавливаются на красный свет.

Мириам моргает. Это так неожиданно — якорь, брошенный за борт, резкий всплеск.

Он продолжает говорить:

— Я соврал тебе тогда. Сказал, что она ушла. Это правда только... немного странная. Она мертва. Вот так она от меня ушла.

Мириам опускает глаза на коврик, ожидая увидеть там свою челюсть и язык, трепещущий, словно умирающая рыба.

— Я не знаю, что сказать, — всё что говорит Мириам.

Луис делает глубокий вдох и, похоже, не собирается выдыхать.

— Я убил её, — говорит он.

Мириам не так-то легко удивить. Она многое повидала и со временем эти вещи стали похожи на старый свитер; они стирают любые предположения об этом мире. Мириам видела пожилую темнокожую леди, которая ходила в туалет прямо на шоссе. Однажды она увидела, как женщина забила мужчину до смерти его собственным протезом, потому что ей показалось, будто он ей изменяет. Она видела кровь и блевотину, автомобильные аварии и рентгеновские снимки, на которых видны разные вещи, которые люди засовывали себе в задницу (например, лампочку, кассету или скрученный рулон комиксов) и, по крайней мере, два случая, когда парни пытались совокупляться с лошадьми и их затоптали на смерть. Сейчас человек-животное вряд ли загадка; его развращенность, его безумие, его печаль — все эти штуки хорошо закаталогизированы в её разуме, а ведь Мириам еще нет и тридцати.

Но Луис. Этого она не ожидала.

Он? Убийца?

— Я был пьян, — объясняет он. — Мы провели хороший вечер. Было тепло. Поужинали в патио нашего любимого ресторана... маленькое кафе, выходящее окнами на реку. Мы разговаривали о том, где были, что делали. Говорили на счет детей. О том, что пришло время... или для детей как раз не время, но, может быть, пора перестать пытаться. Есть ли в этом вообще какой-то смысл. Мы смеялись, у обоих было по маргарите и...

Он замолкает. Обрывается поток; закрываются шлюзы. Глаза Луиса — орудийные стволы, направленные на горизонт, или в никуда.

У Мириам в голове образ Луиса, который своими огромными ручищами душил жену и давит так сильно, как вы выдавливаете прыщ — может, текила заставляет его это делать: червь прополз по горлу и впился в мозг.

— Мы сели в машину, у меня в голове всё кружилось из-за выпитого, но я не думал об этом, потому что считал, что мы неудержимы, а дорога необычайно широкая. Я потерял над машиной контроль спустя пять минут, как мы выехали домой. Не было ни дождя, ни чего-то еще, и ездил я по этой дороге сотни раз, но там был один такой поворот... я вошел в него на слишком высокой скорости, реакция у меня была замедленной, а дорога шла вдоль реки...

Он наконец выдыхает.

— Машина ушла под воду, — говорит Луис. — Окна, двери не открываются. Я не

помню, как выбрался. Очнулся на берегу и наблюдал за тем, как вода оборачивается вокруг четырех колес, торчащих из реки. Моя жена, Шелли, она осталась внутри. Она всё ещё была в машине. Они нашли её пристегнутой. Легкие были наполнены грязной речной водой.

Мириам не уверена, что сможет заговорить.

Луис пробегает пальцами по волосам.

— После этого я продал всё, что у нас было, включая дом. Уволился с работы на фабрике, сдал на права водителя грузовика и отправился бороздить дороги. Домой с тех пор не возвращался. И вот я здесь.

— А ты специалист в том, какие приятности надо рассказывать девушке, — говорит Мириам. Это обидные слова, но она ничего не может с собой поделать. Они просто извергаются из неё.

Луис пожимает плечами.

— Я подумал, что вечер и так не очень удался, так что же я теряю.

Она смеется, потом смеется и он. Неожиданные звуки.

— А ты, оказывается, испорченный товар, — говорит Мириам.

Луис кивает.

— Полагаю, что так. А ещё я полагаю, что это не особенно привлекательно.

Мириам чувствует, как кровь приливает к щекам. Он и понятия не имеет, насколько он неправ.

* * *

Мириам лежит на Луисе в комнате мотеля, белое на рисе, хром на бампере, голодный велоцираптор на привязанной козе. Мириам не может отделаться от запаха сломанной души. У неё в носу стоит вонь смерти, и она понимает, что в глубокой заднице, но как говорила её мать, что есть, то есть.

Луис похож на чертов небоскреб — девушке надо карабкаться на него, как на Кинг-Конга. Положив руку ему на плечо, она приближается голодными губами к его уху, проводит другой рукой по груди, обвивает ногами. «Это, должно быть, выглядит комично, — думает Мириам, — да и насрать». Они не порно снимают. Не для публичного потребления.

Он стонет. Он не уверен. Ему не комфортно.

— Я не знаю...

Нет-нет, ему не позволяют закончить предложение. Губы Мириам на губах Луиса, её язык — это змея в траве, червяк внутри яблока. Свободной рукой, не той, которой она, словно за гору, цепляется за его плечо, девушка пытается расстегнуть пуговицы на рубашке, но они упрямятся, поэтому она просто их отрывает. Пуговички бьются о стену, стучат, словно дождь.

Луис протестует, но слова проглатываются её ртом.

Так и есть. Она голодна. Похотлива. Ввергнута в пустословие.

Позади него Мириам замечает тень.

Она на Луисе, но позади них еще один Луис.

Он стоит там. Отрывает черную изоленту от левого глаза и из глазницы начинают вываливаться опарыши.

— Шш-ш-ш, — произносит призрачный Луис.

Мириам, сама того не желая, прикусывает настоящему Луису язык.

— Ой, — вскрикивает он.

Она морщится.

— Прости.

Мириам хочет накричать на призрака. «Ты лишь плод воображения, кыш, вали спать с тараканами. Здесь торжество жизни. А не наоборот. Ещё ничего не кончено. Всё совершенно нормально».

Призрачный Луис срывает изоленду со второго глаза. Рядом с непрерывающимся потоком личинок струится черная кровь. Он улыбается.

— Ты позволишь мне умереть и стыришь мои деньги, — говорит Луис и Мириам соскакивает на пол, делая шаг назад. Её сердце колотится в грудной клетке, словно железный кулак. Она не понимает, кто из Луисов это сказал.

— Что? — спрашивает Луис, настоящий Луис.

— Опарыш, хищник, паразит, гиена, — хрипло напевает призрачный Луис.

Мириам кричит в отчаянии.

Настоящий Луис выглядит смущенным. Он оглядывается и на мгновение Мириам кажется, что он увидит своё призрачное отражение. Но сейчас призрачного Луиса уже нет и девушка уверена, что и своего разума она тоже лишилась.

— Что такое? — интересуется он. — Я что-то не так сделал?

Она хочет ответить: «Да, ты явился призраком или демоном из моего собственного подсознания, и пытал меня, пока я пыталась что-то предпринять».

— Нет, — вместо этого говорит Мириам, отмахиваясь от него. — Нет, дело во мне. Я не могу. Не могу. Не сейчас. Там снаружи есть машина-закусочная? Или автомат с напитками? Хоть какой-нибудь... автомат?

Луис пытается откашляться.

— Ага, Эм, да. За дверью сразу налево. Там небольшая ниша недалеко от стоянки.

— Клёво, — говорит она и открывает дверь.

— Ты в порядке?

Мириам качает головой.

— Не очень. Я понимаю, что это клише, но дело во мне, а не в тебе. Предлагаю тебе рассматривать это с точки зрения, что я сумасшедшая стерва.

— Ты вернешься?

— Я не знаю, — честно отвечает она.

Интерлюдия

Интервью

— Всё начинается с моей матери, — говорит Мириам. — Отцы развращают своих сыновей, так? Именно поэтому так много историй от лица мужчин, потому что они правят миром, им принадлежит первое слово. Если бы женщины травили байки, то большинство из них было про проблемы женщин. Поверь мне. Папочки — это идеал для девочек, если только не становятся насильниками. Однако мы про мамочек. Это целая котомка ярости.

— Так значит вы во всем вините свою мать? Это её вина? — переспрашивает Пол.

Мириам качает головой.

— Не напрямую. Но и не слишком косвенно. Позволь объяснить тебе ситуацию в моей семье. Отец умер, когда я была маленькой, и почти его не помню. У него был рак кишечника, который из всех других видов рака самый отстойный. Порой самые приятные вещи проходят через кишечник, а эту особенность, считай, у тебя украли. Даже представить не могу какво это.

— Девушки обычно не любят говорить о том, как они ходят в туалет, разве нет?

— Меня сложно отнести к обычным девушкам, — таков её ответ.

— И вам это нравится, да?

— Нравится. И не надо подвергать меня психоанализу. Ради Христа, тебе всего девятнадцать,

— А вам всего двадцать два.

Мириам пыхтит.

— А это значит, что я тебя старше, молодой человек. Могу я продолжить свой рассказ? Твои читатели сдохнут от нетерпения.

— Простите.

— Итак, папа умирает, юная девушка остается один на один с очень религиозной, почти менониткой, матерью, Эвелин Блэк. Мать — репрессивная сила... знаешь, как говорят: Мужчина прижмет тебя к ногтю. Моя мать — тот самый мужчина. Её указующий перст заставлял юную девушку читать Библию и одеваться как сорокалетняя тетка. Так что можно было ожидать, что от неё будет пахнуть пыльными коврами и древними книгами.

Но это вряд ли вся правда о ней. Она хотела, чтобы о ней так думали, такой представляли. Так ей говорила в свою очередь её мать, что всё это правильно и подобающе. Целомудрие и милосердие, чопорность и пристойность, рот и вагина — всё это стянуто так туго, что вот-вот лопнет, выбив кому-нибудь глаз. Ах, но у девочки все эти маленькие секреты есть. Для тебя, как и для любого другого, это вряд ли прозвучало бы ошеломляюще, но для матери стало бы сраным апокалипсисом. Девочка любит воровать комиксы. Она любит стоять рядом с другими детьми, слушая их — ах, какой ужас, — рэп и дьявольский тяжелый металл. Она испытывает трепет, наблюдая за ребятами в школьной курилке. А потом она приходит домой и не смотрит телевизор, потому что у них нет чертова телевизора. Она тайно читает свои комиксы и слушает очередную лекцию матери о морали, вечер за вечером, снова и снова, конец.

— Конец?

— Не совсем. Очевидно, это самое начало. Молодой подросток, работающий библиотекарем — назовем её Мэри, — начинает страдать расстройствами. Не на виду у всех, а когда возвращается вечерами в свою комнату и плачет перед сном. Её одолевают те мысли, когда она вырывает волосы с корнем, выбивает зубы молотком или ещё какие другие ужасики. Она ничего подобного не делает, что в некотором смысле даже хуже: расстройство затягивает её, сжимает до того, что она готова взорваться.

Дело в том, что эта мать не похожа на плохую мать. Она не проявляет физического насилия — не бьет девушку проволочной вешалкой, не лупит по сиськам плойкой для завивки волос. Но и приятной её не назовешь. Она ежедневно унижает девочку. Грешница, грязнуля, шлюха, да что угодно. Девочка представляет собой одно сплошное разочарование. Большое черное пятно. Плохая девочка, даже если на самом деле она хорошая. Может, мать чувствует обещание греха. Может, мать чувствует душок погребенного в ней зла.

— И, — спрашивает Пол, — что вы сделали? Вы ведь что-то сделали. Вы больше бы не выдержали и что-то сделали.

— У меня был секс.

Пол удивленно моргает.

— И что?

— Точно. И что? Ты из того мира, где двенадцатилетние девочки эсэмэсят, прости, сексэсят друг другу о том, как сделали парню твинет.

— Твинет?

— Да ладно, ты серьезно? Одна делает ему минет, тогда как он ублажает вторую.

Поэтому твинет.

Пол бледнеет.

— Ой.

— Ага. Дело в том, что ты из тех мест, где детки делают это постоянно, и это никого не удивляет. Я же приехала оттуда, где мать говорит, что твои женские части — рот Дьявола, а ты не должна кормить Дьявола. Накормишь раз, он захочет еще и еще, и еще.

— Вы накормили дьявола.

— Лишь однажды. Его звали Бен Ходж. Мы сделали дело. И потом он покончил собой.

Глава двадцатая

Клуб врунишек

Мириам так безумно хочет Фанты, что почти ощущает её химический вкус на своём языке. Но перед ней автомат Mello Yello, некоего рода обдираловка от Маунтин-Дью. Но девушке всё равно. Она хочет того, что хочет, и не желает думать о том, о чем не хочет. Это неважно по сравнению с тем, что у неё нет денег на автомат. Упс.

Она думает: «Я хочу апельсиновую содовую. И я хочу плеснуть в неё водки. И пока мы здесь я хочу перестать наблюдать за тем, как люди отходят в мир иной. Ах, и пони. Я хочу себе сраного пони».

Её мысли настолько громкие, что Мириам не слышит шума подъехавшего автомобиля.

Мириам опирается рукой на аппарат. И вот она видит — долларовая банкнота.

— Бонус, — мычит она и тянется за деньгами.

Это уловка. Наглая ложь. Поддельный доллар, на котором, если его расправить, нарисован христианский комикс Джека Чика. Какая-то история игры в «Подземелья и Драконы».

Мириам мнёт её, отходит, чтобы выбросить, поворачивается и оказывается лицом к лицу с нескладным, костлявым итальянцем в аккуратном чёрном костюме.

— Господи, — говорит Мириам.

Итальянец кивает, хотя не похож ни на Господа, ни на Спасителя (некоторое сходство всё же имеется, благодаря носу, который настолько низко посажен и выглядит таким тяжелым, что похож на багор). Мириам видит, как к ним направляется невысокая женщина, круглолицая, с чёрными глазами, похожими на раскаленные угли, и челкой, которую подстригали, словно по линейке.

— Добрый вечер, — говорит женщина.

— Скалли, — обращается Мириам к женщине. Кивает мужчине: — Малдер.

— Мы из ФБР, — говорит высокий ублюдок.

— Я догадалась. Это была шутка. — Она откашливается. — Не берите в голову.

— Я агент Харриет Адамс, — объясняет женщина. — Это агент Франклин Галло. Мы хотели бы задать вам несколько вопросов.

— Конечно. Спрашивайте. Если ищете христианских проповедников, то у меня вот что есть, — Мириам раскрывает ладонь и показывает им фальшивую банкноту. Сердце девушки скачет в груди, словно испуганная газель — она слышит, как кровь стучит в ушах; она чувствует, как, будто барабан, в шее колотится пульс. Что же такое? Её настигло прошлое? Мириам гадает, сколько сигарет она сможет протащить в тюрюгу? А все эти нестриженные

тётки в оранжевых робах. Дерьмо! Твою мать!

Каковы её шансы здесь? Вырубить высоченного ударом в промежность? Провести поддельной банкнотой по шее коренастой сучки, надеясь, что край бумаги её порежет?

Мириам замечает, что женщина смотрит влево; потом слышатся шаги на тротуаре. Тяжелые шаги.

Шаги Луиса.

— Всё в порядке? — интересуется он, приблизившись.

Оба агента измеряют его взглядами.

— Мы кое-кого ищем, — говорит женщина, доставая фотографию.

У Мириам сжимается горло. Она рада, что они не смотрят на неё, ведь на фото изображен Эшли. Какая-то вечеринка. Красные рождественские огни. Смех. Самодовольный изгиб бровей. Губы, изогнувшиеся в вечно идиотском оскале. Это он.

Луис тоже её видит. Мириам ждет, что он заговорит. Если они найдут Эшли, он всё свалит на неё. А это значит, что найдут и её. С этим ей не справиться.

— Вы знаете этого молодого человека? — интересуется итальянец.

Женщина добавляет:

— Его зовут Эшли Гейнс.

— Это мужик, а не телка, — уклончиво говорит Мириам.

— Это мужчина, да, — хмурясь, соглашается женщина.

— Но его зовут Эшли.

Они смотрят на нее так, словно хотят прикончить.

Мириам вытягивает руки вперед.

— Ох. Я просто подумала... а, не важно.

— Так вы его видели? Или нет?

— Эм-м-м. Неа. Я повидала много мужиков. Но этого не встречала.

Женщина поднимает фотографию вверх так, что она становится видна Луису.

— А вы, сэр? Вы видели этого человека?

Луис выглядит раздраженным. Он сжимается.

— Прошу прощения, кто вы такие?

Мириам наклоняется и говорит с южным акцентом, очень похожим на его:

— Мальш, они сказали, что из ФБР.

— Могу я увидеть ваши значки?

Итальянец закатывает глаза. Женщина ничего не отвечает, но показывает свое удостоверение. Мужчина раздраженно следует её примеру.

— Нет, — говорит Луис. — Я его не встречал. Простите.

Итальянец делает шаг вперед и выпячивает подбородок.

— Посмотрите на фотографию ещё раз и подумайте лучше...

— Фрэнки, — говорит женщина, кладя свою маленькую ручку ему на грудь, — не надо тревожить этих людей. Они ничего не знают. Спасибо, что уделили время, ребята.

Эти двое разворачиваются и направляются к черной Cutlass Ciera, припаркованной чуть дальше от управления отеля. Они кажутся странной парой, как думает Мириам. Похожи на двух дворняжек: маленький бульдог семенит рядом с костлявым догом.

— Они ищут твоего брата, — говорит Луис. И его голос отнюдь не радостный.

— Моего брата. Ага. Спасибо. Ну, знаешь, за то, что не сдал его.

— Мне не очень приятно обманывать представителей закона, — говорит он, наблюдая

за тем, как черный Олдсмобиль выезжает с парковки. Машина спускается вниз по улице и теряется в темноте.

— Это потому что у тебя куча благородных черт характера: честь, порядочность, благородство и другие положительные качества, которые чужды мне. А это много для меня значит. Правда.

Луис делает глубокий вдох.

— Так и что там произошло?

— Эти двое агенты ФБР...

— Нет. В комнате.

Она знала, ей так хотелось этого избежать.

— Я не знаю. Я просто психанула. Хочу апельсиновой содовой.

— Апельсиновую содовую.

— Я же говорила, что мы, сучки, просто сумасшедшие.

— Существует хоть малейший шанс, что мы об этом поговорим? Или просто потусуемся, телек посмотрим?

«Он пытается наладить отношения, — думает Мириам. — Это мило. Но...»

— Не могу. Мне пора. Я должна поговорить с братом и напинать его за то, что из-за него пришлось соврать федералам.

— Мы можем повторить? — спрашивает он.

На его лице грусть и мольба. Мириам думает, что он очень одинокий человек; он, должно быть, хочет проводить с ней время. Но вот оно опять: вспышка, тень на его лице — пара заклеенных изолентой глаз, текущая кровь, личинки, ржавчина, отпадающая от говенного тесака. Мириам содрогается.

— Я ужасный человек, — заявляет она. — Безобразная негодница. Меня одолевают ужасные мысли. Я делаю отвратительные вещи. Ругаюсь матом, пью, курю. У меня голова, как и рот, забита дерьмом, и оно постоянно из меня льется... — «Как поток опарышей», — думает Мириам. — Тебе это всё не нужно. Ты отличный парень, Луис. Хороший человек. И ты не захочешь быть со мной. Ты окунешься в полное дерьмо. Моё дерьмо. Мои проблемы, мои эмоции, во всё моё. Я как ушат нечистот, что выльют тебе на голову. Найди себе лучше хорошую девушку. Какую-нибудь, что носят сарафан. Такую, которой чужды такие слова, как «твою мать», «петушина», «говнюк» и «ублюдок».

— Но...

— Никаких «но». На этом всё. Ты хороший.

Мириам поднимается на носочки и целует Луиса в подбородок.

— Проживи нормальную жизнь, — говорит она и очень хочет рассказать ему правду. Девушке хочется сказать, что ему осталось не так уж и много; пусть пойдет и снимет проститутку, съест самый вредный и дорогой чизбургер, какой только сможет найти, и, ради Бога, пусть держится подальше от маяков. Но Мириам ничего подобного не говорит. Маленькая часть её надеется, что, если он будет держаться от неё подальше, всё останется тайной. Эдакой уловкой. Так она его спасет. Это ленивая и инертная теория — но поскольку активность никогда пользы ей не приносила, это всё, что у неё есть.

— Постой! — кричит Луис ей вслед, но уже слишком поздно. Мириам уже в Мустанге. Она заводит машину.

Девушка вылетает со стоянки, из-под колес летит гравий.

* * *

— Очередная неудача, — говорит Фрэнки, потирая глаза. Зевает. — Мы никогда не найдем этого мелкого ублюдка. Ингерсолл сожрет наши яйца на завтрак.

— У меня нет яиц, — отвечает Харриет, ведя машину как раз мимо входа в мотель. Она не глушит автомобиль, но фары гасит.

— Ты что делаешь?

— Жду.

— Чего?

— Девчонку.

— Какую девчонку? Которую опрашивали?

— Да. Они соврали.

Фрэнки моргает.

— Что? Кто? Пол Баньян [1] со своей маленькой сучкой?

— Оба. Девка врет лучше мужика. Так хорошо, что почти обвела меня вокруг пальца. Но она слишком сильно старалась. Ложь мужчины, с другой стороны, была абсолютно очевидна.

— Как это у тебя всегда получается?

— Глаза. Ингерсолл меня научил. Когда они лгут, они моргают. Или смотрят вверх и право, то есть задействована творческая часть головного мозга. Зрачки сокращаются. Веки дрожат. Это паническая реакция. И я её чувствую. Большинство животных, за которыми идет охота, реагируют поворотом головы, внезапным смещением взгляда. Ложь — это страх. И те двое были испуганы.

За звуком холостого хода их автомобиля, они слышат скрип гравия.

В момент, со скоростью гоночного болида, вылетает белый Мустанг. Мелькают стоп-сигналы.

— И вот лошадка покидает стойло, — говорит Харриет.

Она, подобно акуле, выводит автомобиль на дорогу, молчаливо и смертоносно.

[1] Paul Bunyan — Пол Баньян (англ. Paul Bunyan) — вымышленный гигантский дровосек, персонаж американского фольклора.

Интерлюдия

Интервью

— Бен Ходж.

Мириам произносит имя, позволяя ему повиснуть, словно грязному белью на веревке.

— Давай разделаемся с этим по-быстрому: Бен был слаб. Такой же слабый, что и я. Таким он был в школе. Не страшила, но и не квотербек. Копна грязных светлых волос. Веснушки на розовых щеках. Тусклые, но приятные глаза. У нас было много общего. Мы оба одиночки, больше по необходимости, чем по желанию быть таковыми на самом деле. Такие домоседы-никто. У обоих нет отцов, зато деспотичные матери — о моей ты уже знаешь, но его... Фу. Дикая, ужасная женщина. Пещерный человек. Она была, ты только подумай, лесорубом. Ну знаешь, они залезают на деревья, обнимая бедрами ствол и расшвыривая бензопилой опилки.

Она делает паузу, потому что вспоминает.

— Продолжайте, — торопит Пол.

— Мы не дружили, нет. Едва ли когда-либо обмолвились парой слов. Но иногда я ловила на себе его взгляд или он видел, что на него пялюсь я. Мы проходили мимо друг друга по коридорам, украдкой бросали взгляды и все такое. И вот однажды ночью это

случилось. Моя мать не была пьяницей. Она считала алкоголь молоком Сатаны. А ещё я знала, что иногда под луной она отпивает глоток из зеленой бутылки, что прячет под кроватью. Я украла её, направилась к дому Бена и принялась делать то, что обычно делают подростки, чтобы выманить кого-то из дома — бросать всякое говно в окно, но я взялась за веточки, потому что с моим везением я чем-нибудь другим просто разбила бы стекло. А его дом был из разряда тех, старых, с искривленными окнами. Хрупкими.

Он вышел. Я показала ему бутылку. И мы отправились в лес. Сидели среди сверчков в темноте, рассказывали всякие разные истории, издевались над другими учениками, а потом... мы это сделали. Шуры-муры, зверь с двумя спинами. Прислонившись к дереву, словно пара неуклюжих, загнанных животных.

— Романтично, — говорит Пол.

— Вот вы детишки со своим сарказмом. Ты шутишь, но на какой-то странный манер, однако, это правда было романтично. Я хочу сказать, если ты о той фантазии, что романтика — это открыточки, десятки роз и все те бриллианты, которые друзья девушек, то сейчас не о том. Но это была... честная связь. Два заблудших идиота в лесу, смеющиеся, блуждающие, пьяные. — Мириам открывает пачку сигарет, но видит, что уже всё выкурила. Она комкает её и выбрасывает через плечо. — Конечно, я моментально всё испортила. Как у меня обычно и получается.

— Ого. Это как так?

— Мы направились обратно к его дому, я чувствовала себя такой парящей, легкомысленной, я улыбалась, будто кошка, только что поймавшая мышь. А его ждала мать. Нас ждала. А рядом с ней стоял один из копов, лысый хер по имени Крис Штумпф. Парень был похож на необрезанный член. Итак. Мать начинает читать Бену нотацию, а мне говорит, что если ещё раз меня увидит, я пожалею, она до меня доберется и бла-бла-бла.

Мириам прищелкивает пальцами.

— Вот тогда до меня дошло. То, что мы сделали в лесу. Эта такая прекрасная вещь превратилась в сущий позор. Меня затопил стыд. Мы как Адам и Ева, и это заставило меня ощутить свою наготу. Моей матери там не было, но мать Бена отлично её заменяла — идеальный дублер. Я почти слышала голос матери, ясно, как небо, он лишал меня моего достоинства, подталкивал к воротам Ада. Я почувствовала себя одновременно использованной и потребителем, бесполезная ленивая шлюха, отдавшая свою девственность засранцу с большой дороги. И это был конец моим с Беном, так и не начавшимся, отношениям — надо пропитать их мятным ликером, поднести огонь и бежать домой.

Пол неловко ерзает на месте.

— И вы никогда с ним больше не разговаривали?

— Разговаривала, но мимоходом. — Мириам лениво тербит бутылку, ей очень хочется курить. Она говора прерваться на минуту и сбегать за сигаретами, но не может. Всё должно идти определенным образом. Порядок и всё такое. — Он пытался со мной заговорить, но мне это не надо было. Я сказала ему, то, что мы сделали, было неправильно, но он никак не мог принять отказа. Этот идиот сказал, что любит меня, ты можешь в это поверить? Вот тогда и открылись шлюзы.

— Что случилось?

— Я позволила себе наговорить ему такого дерьма, какого ты себе и представить не можешь. Я вылила кислоту ему в глаза, помочилась в уши. Назвала его идиотом, дебилом, каким он на самом деле не был; он не был заторможенным, наоборот, умным, просто...

пошел неправильным путем. Я сказала ему, что у него безвольный член, не смог меня трахнуть, и не сможет этого сделать ни с калеккой, ни девкой, лежащей в коме. Я имею в виду, что вела себя, будто одержимая. Даже не уверена в том, что вообще когда-то раньше слышала такие слова, но они запросто слетали с моего языка — мне хотелось прикусить язык и перестать нести эту хрень, но не смогла. Желчь текла. Её было не остановить.

Мириам бросает последний взгляд на стоящую перед ней бутылку. Наполовину уже пустую. Девушка свистит протяжно и низко и тянется за бутылкой, и пьет. Пьет. Пьет. В горле набухает с каждым глотком. В голове у Мириам шумит. Речь и так уже заплетается. Девушка думает, что пора идти ва-банк.

У неё во рту всё горит.

Но потом быстро цепенеет.

Мириам ловит ртом воздух и кидает бутылку через голову Пола. Тот морщится, нагибается и снова морщится, когда стекло разбивается о бетон.

— Той ночью, — продолжает девушка, отрывнув, — Бен идет в ванную, его голова забита всей той херней, что я ему наговорила, садится в душевую кабину и стягивает носок с левой ноги. Потом вставляет ствол сраного дробовика меж зубов — двойной ствол похож на восьмерку, бесконечность, какая ирония, — а большой палец ноги кладет на двойной спусковой крючок. Нажим пальца. Бум. Он был весьма любезен, чтобы сделать это в душе, — матери было легче всё убирать. Был хороший мальчик, пока не пустил себе пулю в голову.

Мириам даже не пытается побороть очередную отрыжку. Она выпускает алкогольные пары. На глазах девушки выступают слезы. Она убеждает себя, что все это из-за виски. Мириам почти удаётся себя в этом убедить.

— Настоящая соль в том, что он оставил записку. Ну, не совсем записку, а, не знаю, открытку что ли. На клочке бумаги черным маркером написал: «Скажите Мириам, я сожалею о том, что сделал».

Она смотрит в пустоту, девушка непривычно молчалива.

Глава двадцать первая

Чемодан

Мириам открывает дверь номера в мотеле (мотель, мотель, мотель один за другим, следующая автострада, другая остановка на её пути от побережья к побережью в никуда) и видит Эшли, совершенного голого. Он на кровати с членом в руке. Девушка не видит, что идет по телевизору, но слышит порнографические стоны, которые женщины в обычной жизни не издают.

Эшли в негодовании пытается схватить брюки, лежащие на озере из покрывала рядом с кроватью. У него это не получается, и он скатывается на пол, падая на одежные плечики.

— Дерьмо! Тебя не учили стучаться?

Штаны он не надевает, просто прячется за кроватью, чтобы скрыть свою наготу.

Мириам влетает в комнату и опускает жалюзи.

— Я заплатила за комнату, — говорит она, оглядываясь. Две светловолосые девушки с сиськами как у коровы лежат в позе шестьдесят девять. Они наскакивают друг на друга, словно кошки. — И, похоже, я заплатила ещё и за лесбийское порно.

— Я думал, ты на свидании.

— Натяни штаны. Пора валить.

— Валить? Чего? Что ты наделала?

Мириам достигает точки кипения. Она чувствует себя загнанным в ловушку кроликом, готовым лягаться и брыкаться.

— Что я наделала? — интересуется она. — Я? Как это по-взрослому. Вопрос в том, что наделал ты? Какого рожна тобой интересуется ФБР?

Его реакция удивляет: Эшли смеётся.

— ФБР? Я тебя умоляю. Неужели у них нет дел поважнее, например, педофилы или террористы? Или педофилы-террористы?

Мириам вырывает из рук Эшли джинсы и бросает их ему в лицо.

— Ничего, твою мать, смешного. И перестань ухмыляться. Это серьезно. Я была в мотеле или в придорожном домике, или как там их называют, там ко мне подошли два агента ФБР. Эшли, у них была твоя фотография.

Ухмылка Эшли тает. Впервые Мириам видит, насколько он ошеломлен.

— Что? Моё фото? Ты серьезно?

— Да! Идиот!

Он прикусывает щеку.

— Как они выглядели?

— Высокий, смуглый мудака был... ну, высоким. Итальянец, наверное. Темный костюм. Второй была невысокая женщина, эдакий Наполеон в водолазке. Адамс и... Галло, мне кажется. Как дешевое вино.

Эшли бледнеет.

— Дерьмо, — говорит он. Его глаза рыщут по комнате. — Дерьмо!

Он хватается с кровати пульт и бросает его в телевизор. Приборчик разлетается на кусочки. Телевизор мерцает — порно вспыхивает и гаснет.

— Может быть, теперь ты осознаешь всю серьезность ситуации?

Эшли, схватив Мириам за запястье, огрызается:

— Нет, это ты не понимаешь всей серьезности ситуации. Эти двое не агенты ФБР. И не копы. Они вообще никто.

— О чем ты, черт побери, говоришь?

— Они демоны, дьяволы, призраки. Они чертовы отморозки. Убийцы.

— Убийцы? Что ты лепечешь. Перестань мямлить.

Эшли не обращает на неё никакого внимания. Он думает; Мириам это видит. Молодой человек начинает ходить туда-сюда.

— Собирай своё дерьмо, — говорит он. Эшли подходит к углу, отбрасывает свою сумку в сторону и достает железный чемоданчик. Хрюкнув, он кладет его на кровать.

— Всё дело в чемодане, — говорит, как ни в чем не бывало Мириам, поскольку знает, что это правда.

— Вероятно. — Эшли хватается сумку девушки и кидает ей. Мириам ловит её, будто мяч. Охает. — Ключи. Отдай мне ключи.

— Нет.

— Отдай мне ключи от Мустанга. Немедленно.

— Нет, пока не расскажешь, что происходит.

— У нас нет на это времени!

Мириам стискивает зубы.

— Рассказывай.

— Клянусь Богом, — руки Эшли сжимаются в кулаки, — ты отдашь мне эти ключи немедленно.

Мириам достает ключи, висящие на брелоке из кроличьей лапки.

— Эти? — интересуется она. Мириам звенит связкой у Эшли перед носом. — Давай. Забери.

Он тянется.

Мириам хлещет Эшли ключами по лицу. Они оставляют у него на лбу глубокий порез. Молодой человек отшатывается, прижимая руку к ране. Убрав ладонь, он видит кровь; на лице появляется удивленный взгляд. Во второй раз он выглядит напуганным.

— Ты меня порезала, — говорит Эшли.

— Ага. Желаешь снова распускать руки? Разожми кулаки, дружище, и начинай говорить. Потому что, если не начнешь рассказывать, я перережу тебе этими самыми ключами сраную твою глотку, а в жопу воткну кроличью лапку. На удачу.

Мириам наблюдает за ним. Эшли думает. Скорее всего вот что: «Я могу забрать их у неё или соврать, я всегда могу соврать». Но потом все шестеренки поворачиваются как надо, встают по своим местам и Эшли принимает решение.

Ловкими пальцами он касается кодового замка на металлическом чемоданчике.

Замок с щелчком открывается.

Эшли отбрасывает крышку и Мириам вздыхает.

Внутри находятся маленькие мешочки, один лежит на другом, каждый из них не больше кошелька для монет или пакетика с чипсами. Но в этих пакетиках нет ни печенья, ни мелочи. В каждом, с кулачок младенца, лежит кристаллический порошок, похожий на разбитый кварц или раздробленный камень.

Мириам знает, что это. Сама не пробовала, но видела.

— Мет, — говорит она. — Метамфетамин.

Эшли тупо кивает.

— Рассказывай.

— Что рассказывай?

— Рассказывай, как этот огромный сраный чемодан попал тебе в руки.

Эшли тяжело втягивает воздух через нос.

— Хорошо. Хочешь потерять время? Хочешь, чтобы нас прикончили? Отлично.

Интерлюдия

История Эшли

— Джимми ДиПиппо был моим дилером марихуаны в школе. Он и так был богатеньким ребенком, но мы делали его ещё богаче. Ездил он на БМВ, у него были дорогие часы и пара золотых колец. Он бы хорошим парнем, этот Джимми, но, богатый или нет, он был тупым как мешок с тормозами, а курение марихуаны мозгов ему не добавляло. Короче, в прошлом году я... проезжал через мой родной город... и до меня дошли слухи, что Джимми всё ещё там, что он по-прежнему дилер и такой же тупой, как пень.

Естественно, я решил наверстать упущенное и немного разжиться у него деньгами.

Я выследил его на вечеринке. У какой-то девки в доме в конце тупика посреди пригорода Скрантона, города, что такой же потрясающий, как и его название. Вечеринка была полна малолетних засранцев — кальян пивной, обычный и детишки с каким-то супер-кальяном, сделанным из противогаса времен Второй мировой войны. Отвратительная музыка техно и парни, надушенные сладким одеколоном. Обычная деревенская вечеринка,

ничего особенного.

Я отыскал его во внутреннем дворике, он накуривал милую красотку и её толстожопого дружка-полузащитника, пытался продать им ещё травки. И тут я говорю ему «привет», а он, похоже, очень удивлен, увидев меня, очень удивлен, даже как-то слишком. Но я об этом не задумываюсь, потому что Джимми всегда был каким-то дерганным. И потливым — парень в школе всегда был похож на мокрую крысу, и сейчас ничем от того мальчишки не отличался. Пот промочил основание бейсболки — такой уродской кепки, в которой он был похож на деревенского героя, и я решил, что если стянуть с него штаны, которые мешком висели у него на заднице, но, к счастью, закрывали плавки, то можно обнаружить, что его яйца тоже все вспрели.

Я подождал пока он завершит свою сделку, но мы не стали возвращаться в дом, а пошли к бассейну. Джимми рассказывает, что продолжает торговать, но работает теперь на себя, а я говорю, что устроился брокером на Уолл-стрит и я понятия не имею, почему он мне верит. Я убедителен, полагаю. Всегда убедителен. К тому же, знаешь, он немного туповат.

Дело в том, что с каждой минутой он всё больше и больше нервничает. Притопывает ногой. Облизывает губы и всё время оглядывается, тогда я не понимал из-за чего. Сначала я решил, потому что он встретился со мной. Но дело было в чем-то другом.

«По фигу», — сказал я сам себе, потому что мне не было никакого дела до Джимми. Он продает наркоту детям и обростает властью, но мы же не о священной корове толкуем. Я решил повернуть одну аферу.

Афера довольно проста, я проворачивал её несколько раз. Я подумал, если я как бы играю на бирже, то могу притвориться, будто у меня есть крутая инсайдерская информация. Например, что фармацевтическая компания планирует выпустить на рынок новый антидепрессант или что скоро из Японии появится новый концепт-кар. Без разницы что. Я мог бы сказать Джимми, что Мэл-март разрабатывает новый амортизационный анальный тампон, и парень бы мне поверил. Я скажу ему типа, если ты захочешь, я сделаю тебе одолжение, как его много раз мне делал ты (он правда делал, подгонял бесплатную травку, много), и я был бы счастлив инвестировать его деньги без какой-либо комиссии для меня самого.

Я его заинтересовал, это могу сказать точно. Но потом он что-то замечает краем глаза и говорит, что у него встреча с какими-то людьми и он свяжется со мной попозже. И потом, вжух, и улетает, как пробка из бутылки. Я за ним. На минуту его потерял — какая-то грудастая телка (грудастая, потому что полная, но это нормально) хочет со мной опрокинуть стопку, а я и не возражаю против хорошей-то выпивки. Мы пьем текилу с лаймом и солью, пока вокруг грохочет техно: бум, бум, бум; в такт подмигивают красные рождественские огоньки, хотя стоит середина лета и... да ладно. Короче, она фотографирует нас на свой мобильный. Все хорошо проводят время и на минуту я вообще забываю, зачем туда пришел.

А потом я вижу, как Джимми спускается по лестнице с металлическим чемоданчиком. Ага. С этим самым металлическим чемоданчиком.

Я отступаю и следую за ним — он прошел через кухню и зашел в гараж на две машины. Я следом нырнул за Range Rover и тут, бум, включился свет.

— Черт, мужик, — слышу, как говорит Джимми. — Мои глаза, как ярко.

Оттуда где я сидел, я видел только ноги. Три пары ног. Высокие кеды Джимми. Пара потертых черных мокасин. И белые кроссовки на маленьких, коротких ножках.

Все молчат, поэтому тишину заполняет Джимми.

— Круто, вы просто меня удивили и всё. Эй, что такое? Я получил ваше сообщение, притащил чемодан. Не понимаю в чем проблема, если только вы не хотите отозвать товар... — он смеется, такое нервное хи-хи-хи. — Так в чем дело? Я готов идти, если вы...

А потом говорит та женщина. У такой неё монотонный голос.

Она говорит:

— Я слышала, ты завел новых друзей, Джеймс.

И это странно, потому что я не слышал, чтобы кто-то называл Джимми Джеймсом. Даже его родители. Я всегда думал, что Джимми — это имя в его свидетельстве о рождении.

Джимми выталкивает из себя что-то вроде:

— Ага, ребята, я... я очень дружелюбный чувак, все знают Джимми. — Но он понимает, что-то здесь не так. Мне его не видно, но мне кажется, он просто истекает потом.

— Даже полиция, — говорит женщина. И это не вопрос. Это обвинение.

— Нет, — говорит Джимми, но как-то не очень убедительно.

— О, да, — говорит парень, у него акцент Бронкса или Бруклина. — Джимми, ты разговаривал с ними. Так удобненько устроился рядом с копом.

— С копом? — переспрашивает Джимми. Он реально не понимает.

И это были его последние слова. Самые стремные последние слова во всем мире. Тот, на ком были белые кроссовки, быстро перемещается Джимми за спину, и я слышу, что он начинает задыхаться, а ноги парня танцуют джигу на цементном полу. А меня, черт побери, одолевает страх. Хочу закричать, убежать, обоссаться и проблеваться, но сижу тихо. Челюсть у меня отвисла, а руки, словно онемели.

Потом капли крови падают на пол. Кап-кап-кап.

Ноги Джимми откидываются, он пинает чемодан. Тот оказывается недалеко от меня. Вот, просто протяни руку...

У меня в голове что-то происходит. Щелкает выключатель. Я вообще не понимаю, зачем это сделал. В сознательном состоянии я бы так не поступил.

У меня с левой стороны стоит швабра. Я хватаюсь за нее и встаю.

Теперь я их вижу: засранец итальяшка и невысокая, коренастая сучка. Именно она обернула вокруг шеи Джимми удавку, концы которой держит ручками-шариками в черных перчатках. И эти ручки еще больше вспухли.

Удавка врезалась ему в шею. Вот откуда кровь.

Они все смотрят на меня. И очень удивлены. Даже Джимми, потому что в тот миг он всё ещё жив, хоть и осталось ему недолго.

Это дает время, которое мне так необходимо.

Даго лезет куда-то в недра пиджака, а я в это время засовываю швабру в лампу. Та гаснет, нас окутывает темнота. Я хватаю чемоданчик и со всех ног бегу обратно на кухню. Захлопываю за собой дверь, просовываю в ручку шнур от микроволновки и это дает мне достаточно времени, чтобы запрыгнуть в Мустанг, кинуть кейс на пассажирское сидение и свалить из города. Только позже я увидел, что внутри... он был не заперт, Джимми никогда не замораживался с кодовыми замками.

И вот мы здесь.

Я не думал, что они меня когда-нибудь найдут. Никогда.

Мы в заднице.

Глава двадцать вторая

Все в полной заднице

— Нет, в заднице ты, — говорит Мириам.

— Надо валить отсюда, — говорит Эшли. Его улыбка исчезла. Мириам возвращается к истории, рассказанной ей про дилера Джимми, который оказался на краю, на грани, — и вот теперь Эшли. Он выглядит крайне напуганным. Фасад треснул.

Мириам крутит ключи в руке.

— Успокойся, пупсик. Они за мной не следили.

— Уверена?

— Уверена.

— Нам по-прежнему надо выбраться отсюда.

— Отлично. Так давай выбираться.

Мириам переминается с ноги на ногу.

— Наркотики. Что ты собирался с ними сделать? Чемодан похоже тяжелый.

Эшли бросает взгляд на окно, на дверь.

— Да, тяжелый. Фунтов пятьдесят или около того. И оно того стоит.

— Сколько стоит?

— Понятия не имею. Десять тысяч за фунт. Может, больше.

— Иисусе. Десять тысяч за фунт, за мет? — Мириам быстро подсчитывает в уме. — Ты смотришь на полмиллиона, лежащие в этом чемодане. Так за коим хером тебе нужна я? Ты сидишь на жирном куске банковского счета. Ты сидишь за столиком с высокими ставками, но при этом рыщешь в поисках мелочи.

— Да какой я наркодилер! — кричит Эшли — его терпение и обворожительная улыбка полностью испарились. — Я даже не догадываюсь, как избавиться от такого количества мета. От любого количества мета? Хочешь честно? Ты правда хочешь знать? Я подумал, что ты сможешь его толкнуть.

— Я? Да ты шутишь?

— Ты выглядишь так... будто умеешь обращаться с метом. Ну, или умела.

— Нет, — кипятится Мириам, — если я похожа на героинщицу, это не значит, что я употребляю героин. У меня все зубы и от меня не воняет, как от обоссанной кошки, так что не стоит думать обо мне как об обдолбанной наркоманке-дилерше.

Эшли разводит руками.

— Хорошо. Прошу прощения, что оскорбил твои нежные чувства. Мы можем теперь ехать?

С разочарованным стоном она бросает ему ключи и вешает на плечо сумку.

— Пошли, — говорит Эшли, подталкивая девушку к двери.

Мириам выходит первой.

Она её не видит — машина матово-черная, а темнота такая густая, что почти проглатывает её целиком. А потом, бам, включаются передние фары, бьют девушку по глазам: Cutlass Sierra стоит там, прямо на подъездной дорожке. Прикрыв глаза рукой, Мириам всё равно не видит ни пассажира, ни водителя, но точно знает, что они там. Ждут.

У себя за спиной она слышит:

— О, нет. Дерьмо. Нет-нет-нет.

Машина еще движется, когда открываются передние двери. Харриет Адамс и Фрэнки Галло выбираются из автомобиля. Никакой суеты. У обоих в руках пистолеты.

Мириам строит в уме маршрут: обратно внутрь, вернуться в комнату мотеля, выбить

окно в ванной, побежать через поле, которое опоясывает заднюю часть мотеля, и, может быть, скрыться дальше в лесу, что расположился справа, — она оборачивается, чтобы реализовать свой план, но...

У неё на пути стоит Эшли, у которого в руках железный чемоданчик. Взгляды молодых людей пересекаются.

Она видит, как что-то щелкает у него в мозгу — часы в комнате мотеля Дель Амико так перескакивали с одной цифры на другую. «Твое время вышло», — звенит в голове девушки голос.

Эшли отталкивает Мириам и хлопает дверью. Лязгает замок.

Девушка остается снаружи одна. С ними. С парочкой взведенных пистолетов.

Мириам кричит, зовет его по имени. Её кровь — бурлящий поток. Девушка колотит в дверь. За спиной у неё вышагивает Харриет, медленно и спокойно, серийный убийца, непреодолимая и неизбежная сила. Харриет машет мужчине, Фрэнки, кричит, чтобы тот шел на другую сторону.

Мириам разворачивается, чтобы попытаться сбежать, но женщина каким-то образом оказывается прямо перед ней.

Мириам думает: «Я с ней справлюсь. Только посмотри на неё. Я смогу перехитрить эту маленькую задницу».

Хрюкнув, она замахивается сумкой, будто оружием, но женщина откидывается назад и баул просто вспарывает воздух. Бум. У Мириам перед глазами появляются разноцветные огоньки, Харриет ударила её пистолетом — мушка прицела вспарывает девушке щеку.

Каблук Мириам подгибается на неровной парковке. Она навзничь падает на асфальт, больно ударившись копчиком.

Прежде чем она успевает осознать произошедшее, ей в щеку упирается ствол пистолета, прямо туда, где уже есть порез. Рабочая часть ствола холодит кожу. Он жалит, когда Харриет прижимает его сильнее. Мириам морщится.

— Сиди тихо, — говорит женщина и Мириам замечает в её глазах сумасшедший отблеск.

— Просто отпусти меня. У меня ничего нет. Это не мое дело.

— Тс-с-с.

— Я просто девчонка, глупая девчонка, связавшаяся с тупым парнем...

Харриет качает головой.

— Не стоит пытаться взывать к моему состраданию, уверяю тебя, у меня его нет. Поднимайся. Медленно. — Свободной рукой Харриет лезет в карман брюк и достает белую пластиковую стяжку. — Мы прогуляемся до машины, ты залезешь внутрь, и мы проедем до...

Хлоп-хлоп: два быстрых выстрела по другую сторону мотеля. Мириам знает, что Эшли жив, потому что Эшли сейчас отнюдь не восьмидесятилетний старик с ампутированной ступней в доме престарелых, а ещё она знает, что и сама жива, так как до сих пор слышит стук сердца, отдающего в барабанные перепонки.

При звуке выстрелов Харриет вздрагивает. Не более того. Её глаза сужаются, а взгляд заостряется: это взгляд ястреба, увидевшего мышь. Но этого времени вполне достаточно.

Рука Мириам ныряет в сумку, находит одно приобретение. Девушка выдергивает руку обратно, откидывает запястье... и втыкает нож-бабочку в бедро Харриет.

Пистолет стреляет, но на пути пули головы Мириам уже нет.

Девушка нащупывает ладонью кусок асфальта. И сильно бьет им по руке Харриет.

Пистолет рывкает ещё раз. Мириам слышит, как пуля попадает в землю рядом с её головой, но ей уже всё равно — оружие отлетает из рук Харриет метров на десять.

Мириам не ждет.

Она бежит.

Её волшебные палочки уносят её вперед, несмотря на головокружение, тошноту и путы. Мириам всё оставляет позади: Харриет, пистолет, нож в ноге женщины и свою сумку. «Дерьмо, — думает она, — моя сумка. Мне нужна моя сумка. Там же дневник; в нём вся моя жизнь. Вернись, вернись и...»

Ещё два выстрела. Харриет успела добраться до пистолета. Мириам чувствует, как мимо головы пролетает ещё две пули, едва не задевая щеку. Ей нельзя останавливаться. Если остановится, умрёт. Девушка добегают до конца L-образного мотеля, вот уже последняя комната, заворачивает за угол и видит, что лес всего лишь в каких-то десяти футах.

Ещё один выстрел. Когда Мириам ныряет за ряд деревьев, пуля, выбивая щепки, попадает в дуб в районе головы девушки.

Мириам вламывается в кустарник.

В лесу множество форм и теней. Лунный свет исчез. Клубок тёмных линий, пышные ресницы острых ветвей — девушка прорывается сквозь заросли и колючки, словно испуганный олень. Мириам несется вперед, почти падая, едва удерживаясь на ногах.

Она бежит... уже не знает, как долго.

Девушка думает: «Я спасена, всё нормально. Остановись, переведи дыхание, укройся в тени».

Но тут ей приходит другая мысль: «Ты никогда не будешь в безопасности. Беги, глупая девчонка, беги».

И тут что-то бьет её по лицу.

Земля уходит у Мириам из-под ног, и девушка погружаются в крошечную темноту.

* * *

Шаги. Хруст веток. Сломанные прутьи.

Глаза Мириам распахиваются.

Всё ещё темно. Она чувствует, что кровь на голове уже запеклась. Девушка видит над собой темноту — черная линия, освещенная лишь светом луны.

«Я врезалась в ветку дерева», — думает Мириам, а голова всё кружится.

А сейчас где?

Там кто-то есть. Мириам слышит их шаги. Слышит их дыхание.

Потом они останавливаются.

В ночных деревьях бормочет ветерок; листья шуршат, касаясь друг друга. Все остальное стоит в тишине.

Внезапное движение. Шаги. Кто-то бежит, ломясь сквозь кусты — в её сторону.

Мириам встает на ноги, хватается за ветку дерева и заставляет себя идти вперед. Она бежит. Её преследователи совсем близко; это не может быть правдой, но Мириам представляет, что чувствует на затылке их дыхание, руки хватают её за пятки, зубы едва не впиваются в плечо.

«Это Харриет, — думает она. — Эта ужасная тетка. Я уже труп».

Но потом звуки пропадают. Их нет. И словно никогда не существовало.

Это очень странно, от чего становится более тревожно.

Мириам останавливается. Ждёт. Оглядывается. Всё вернулось к своим очертаниям и теням — никакого движения, никакого звука, кроме шуршания листвы.

Неужели ей всё привиделось?

Некое подобие сна наяву?

Мириам чувствует запах мыла. Дуновение аромата. Мыло для рук, какое бывает в ванной.

Девушка оборачивается.

Красная лопата прилетает ей прямо в лицо. Падая на землю, Мириам слышит смех Луиса, переходящий в хохот Бена Ходжа, переливающийся в смешки её матери — все они стоят у неё над головой, окружая луну. Возвращается темнота, она поет свою песнь сверчка.

* * *

Из-за угла мотеля появляется Фрэнки, прижимая руку к разбитому в кровь носу. Кровь струится вниз по подбородку и руке.

Он замечает Харриет, сидящую на бампере Олдсмобиля, на брюках расплылось темное кровавое пятно. Нож-бабочку, гладкий и красный, она держит в руке.

— Этот урод врезал мне по лицу, — говорит Фрэнки, хотя его слова больше звучат как: «Этот угод вдесал мне по литу».

— Кейсом, полагаю.

— Этот чемотан че'тофски тяфолый.

— Девка сбежала. Всадила мне в ногу... нож с распродажи.

— Вот де'ьмо.

— Звоню Ингерсоллу. Он захочет приехать сюда. Захочет разобраться со всем сам.

— Вот де'ьмо.

— Поехали, пока копы не нагрязнули.

Интерлюдия

Сон

Мириам понимает, что это всего лишь сон. Но от этого не становится лучше. Или легче.

Луис висит на мертвом дубе, словно Иисус на кресте. И освещает его только лунный свет: прожектор самого Господа. Вытянутые руки играют роль насеста для шеренги воронов и черных дроздов. Один из последних — маленький, с красными, будто капельки крови, краплениями перышек на крыльях — прыгает и цепляется за ключицу. Потом клюет изоленту на левом глазу.

Мириам стоит у ног Луиса, глядя вверх. Потом падает на колени. Она и не думала так делать, того требует сон. Как будто она потеряла над собой контроль. Никакой самостоятельности.

— Я умру за твои грехи, — говорит Луис. Между словами слышится гортанный смешок.

— Ты еще не умер, — протестует она.

Он не обращает внимания на её слова.

— Крест. Это суть. Горизонтальная черта — линия человека. Это временный мир — мир, полный материи, плоти и нечистот. Грязь, кровь, камень и кость. Вертикальная черта — божественная линия. Восходящая. Она перпендикулярна миру человека и является осью запредельной, потусторонней.

— Круто. Я хочу проснуться.

— Через минутку. Я еще не закончил с тобой разговаривать, маленькая леди. Крест еще представляет символ перекрестков. Сочетание выбора. Решения, решения. Пришло время для

тебя, Мириам, сделать выбор. Пора завязывать с чепухой. Раковину приоткрой, сомнения долой.

Луис ухмыляется. Между зубов у него копошатся дождевые черви.

— Теперь я знаю, что ты всего лишь проявление моего собственного Я, — говорит Мириам, едва не смеясь. — Никакое божественное явление, никакой призрак из будущего не станет употреблять фразочки типа: «Раковину приоткрой, сомнения долой».

Даже, будучи распятым, Луис ухитряется пожать плечами.

— Тебе виднее. Тогда, как ты объяснишь мои познания в значении креста? Ты брала уроки религии, которые я пропустил?

— Катись к черту.

— Решения, решения, Мириам.

— У меня нет решений. Я марионетка судьбы.

— Помни. Крест — это суть, перекресток — жертва. Иисус стоит на распутье, и он выбирает не горизонтальную линию, а божественную вертикаль.

— Это увлекательно, но...

Дрозды и вороны срываются со своего насеста. Они визжат и орут. Хлопают крылья; всё что Мириам может видеть — мельтешащие темные тени. Когти впиваются ей в глаза, вырывая их...

Глава двадцать третья

Что судьба хочет

Сейчас такое утро, когда облака на небе словно смазаны вазелином — красочный, жирный слой серого цвета. Но на дождевые не похожи. И солнца тоже нет. Они вообще никакие.

Голова Мириам гудит.

Ветка дерева. Плохие сны. Дерьмовая комбинация.

Рана на лбу пульсирует, но порез на щеке, оставленный пистолетом, не идет с той болью ни в какое сравнение; он вгрызается в плоть, как червь в сердцевину яблока.

И копчик всё ещё болит.

Но хуже всего то, что у Мириам нет сигарет. Они остались в сумке. В сумке, которая только Богу известно где сейчас. Скорее всего она в руках той ужасной тетки-бульдога.

Вздохнув, Мириам прижимается головой к двери.

Она не думала стучать, но так уж получается. Девушка слышит внутри шарканье шагов. Луис открывает дверь, он явно удивлен, обнаружив сразу после рассвета избитую девчонку на пороге своего бунгало.

— Доброе утро, — хрипит Мириам. Даже пара этих слов вызывает боль во всем теле.

— Боже мой, — говорит Луис. Она видит на его лице отпечаток боли, боли, которая, наверное, даже хуже, чем та, что одолевает её. Огромные ладони мягко помогают Мириам подняться. Ноги девушки дрожат, и на секунду она не уверена, справится ли... но Мириам усилием воли останавливает головокружение и делает глубокий вдох.

— Прости. Надо было захватить пончиков.

— Что случилось?

Мириам всерьез думает о том, чтобы рассказать ему правду. Что-то внутри неё хочет выдавить этот прыщ. Выпустить гной. Прр. Мириам хочет обо всем рассказать Луису: о своих странных способностях, о том, как она их получила, как увидела его смерть, что скоро

его догонит, что Эшли ей не брат, что их едва не прикончили из-за чемоданчика, полного мета, — всё до единой правдивой крупички.

Но не рассказывает.

Она убеждает себя, что всё это лишь причинит ему боль. Это будет слишком эгоистично. Он не заслуживает того, чтобы всё это взвалили ему на плечи (не заслуживает быть распятым за чьи-то чужие грехи) и не похоже, что он ей вообще поверит. К тому же, Мириам и так уже много в чем ему наврала.

— Бывший парень, — продолжает лгать она. — Он нашел меня. Не думала, что сможет, но у этого засранца талант. Он узнал где я остановилась и...

Мириам демонстрирует свое окровавленное лицо, как Ванна Уайт — приз.

— Та-дам.

Челюсть Луиса лязгает. Будто захлопнулась ловушка на медведя.

— Вот сукин сын.

— Да все нормально. Я накостыляла ему больше, чем он мне. Всадила ей... прости, ему, совсем мозги набекрень... всадила ему в ногу нож-бабочку.

Похоже, объяснение его устраивает, а за это Мириам его и любит.

— Ну, он это заслужил. А что твой брат?

Мириам отмахивается.

— Никчемное дерьмо. Спелся с моим парнем. С обоими покончено.

— Так для тебя даже лучше. Тебе стоило прийти сюда, чтобы я помог тебе привести себя в порядок.

— Я знаю. Фингал почти прошел. Вся голова в крови. Порезанная щека. Следующая топ-модель по-американски, да?

* * *

Кран с водой включен. Луис проводит влажной махровой салфеткой по лбу Мириам. Девушка под впечатлением от того, насколько нежно у него получается. Он ведь огромный. Эти руки могут с легкостью раздавить череп, словно это помидор, но все его прикосновения мягкие и неспешные — замысловатые, как у художника. Как будто перед ним произведение искусства.

— У тебя круто получается, — говорит Мириам.

— Я стараюсь быть осторожным. Порез на щеке надо бы зашить. Он не длинный, но глубокий.

— Никаких стежков. Просто наклейте пластырь.

— Может остаться шрам.

Мириам морщится.

— Шрамы — это очень сексуально.

— Я рад, что ты вернулась.

— Не стоило уходить в первый раз.

Луис зубами срывает упаковку с какой-то неизвестной мази, выдавливает немного на свой широкий палец и мажет Мириам лоб и щеку. Ей нравится прикосновение. Оно такое обыденное и интимное. Это приводит её в состояние Дзен; она принимает беззаботность в свои объятия.

Но беззаботность не обнимает её в ответ. Всё так непросто.

Он умрет, напоминает ей нудный внутренний голос.

Мириам глубоко вздыхает и отвечает тому голосу, что она в курсе.

И это истина. Она знает. По её мнению, всё это похоже на американские горки. Все прикованы к своему пути; никто не может сойти с него раньше. Холмы и долины, резкие повороты и длинные прямые дороги. Крики. Погоня. Ужас. И всё в конце концов медленно подходит к своему завершению. Жизненный опыт — продукт судьбы. Судьба наложила свои лапы абсолютно на всё.

Но Мириам думает, что, может быть, есть ещё нечто, до чего судьба не дотянулась. Может быть, до того, что ты не решил, каково твое мнение о чем-то, или, что более важно, как ты это что-то ощущаешь. Может быть, судьба еще не управляет тем, насколько легко ты достигаешь умиротворения. Мириам надеется, что так и есть. Потому что она хочет хотя бы немного обрести покоя.

Луис умрет в помещении маяка уже меньше, чем через две недели.

И ей этого не предотвратить. Именно там закончится его путь.

Мириам думает, что, может, и её дорога оборвется там же. Потому что, по правде говоря, она понятия не имеет, что уготовила судьба ей самой. Она к плану непричастна. Мириам может дотрагиваться до других и видеть, как они умрут, но того же не может сказать о себе — её смерть остается загадкой. И похоже, так будет до тех пор, пока она не встретит свой конец. Ей нравится представлять, что это будет насильственная смерть. Но сейчас, при прикосновениях Луиса, она думает иначе. Или, по крайней мере, надеется, что так будет.

— У меня есть к тебе просьба, — говорит Мириам.

— Выполнимая?

— Просто идеальная. Ты же скоро уезжаешь.

— Да, новый груз.

— Возьми меня с собой.

Он удивленно отдергивает руку.

— Ты хочешь поехать со мной?

Мириам кивает.

— Ты мне нравишься. Я хочу уехать подальше от всего этого. К тому же, мне может грозить опасность. Из-за парня. Из-за брата. Кто знает? А с тобой безопасно. Мне это нравится.

Луис улыбается в ответ на её ложь.

— В путь отправляемся утром, — говорит он.

Мириам целует его в подбородок. От этого лицо болит. Но это та боль, которую она готова терпеть.

Глава двадцать четвертая

Здесь умирает Ренди Хокинс

Никто не знает кто такой Ренди Хокинс, потому что он — большое и старое ничто.

Он, безусловно, не является человеком привлекательным: пороссячий нос, кудрявые рыжие волосы, джинсовая куртка, которая была в моде пару десятков лет назад. Ботинки всё ещё на нем, но, если кто-то увидит его ступни, отметит, что они, как и его нос, похожи на пороссячьи копыта. Очень уж они похожи на копыта.

Его работа ничем не примечательна. Сейчас он работает за мясным прилавком в большом супермаркете, но устроился он туда совсем недавно. До этого Ренди работал оператором на заправке, а ещё до того, тоже оператором, но на другой АЗС. Когда-то он считал, что может стать барабанщиком, но был весьма озадачен, когда узнал, что для этого обязательно нужно уметь играть на барабане.

Может, это из-за его мироощущения? Несмотря на привычки, он мягкий человек. Тихий. В своей голове он отнюдь не скучен, но для всех остальных Ренди туп, как пробка.

Если бы он был бубликом, то самым обыкновенным.

Так что же делает Ренди Хокинса таким особенным? Достаточно особенным, чтобы оказаться подвешенным за руки в морозилке для мяса рядом с говядиной.

Две вещи.

Первая — это одна из его «привычек», упомянутых чуть раньше.

Вторая — его знакомства.

Видите ли, Ренди употребляет мет. В основном для того, чтобы можно было сидеть допоздна, смотреть мультики и плохие фильмы. Кто-то может поспорить и сказать, что Ренди просто боится смерти, а сон для него равносителен ей — более того, сон отнимает жизнь, что приближает смерть. Однако Ренди этого даже не осознает. Кроме того, кто не боится смерти?

Проблема в том, что зависимость Ренди — возможно, нечаянная причина тому, чтобы оказаться казненным, — приведет его к смерти несколько раньше положенного. Видите ли, дилер Ренди всё время повышает цены. Стоимость кристаллического мета ползет все выше, выше и выше. Ренди не из тех, кто раскачивает лодку и уж точно не станет тратить силы на то, чтобы искать нового дилера...

...но что, если это новый дилер ищет Ренди?

Появляется новый парень. Говорит, что у него есть товар. Говорит, что готов его продать по бросовым ценам. Этот новый парень какой-то скользкий; он улыбается, словно пришел обделять свои делишки. Но даже тогда Ренди думает, несмотря на то, что парень слишком улыбочив, тот торгует нормальным товаром и это хорошо. Ренди нравится новая цена.

Ренди перестает ходить к своему старому дилеру и начинает покупать у нового.

И вот здесь заканчивается исключительность Ренди.

По крайней мере, что касается его похитителей.

Дверь в морозилку гремит, потом открывается. Это пугает Ренди и в носу у него надувается кровавый пузырь. Парень едва не наделал в штаны.

Два человека, выбившие из него всю дурь — приземистая женщина (Ренди не может

ничего с собой поделаться, но находит её вполне привлекательной) и высокий мужчина — заходят внутрь, но теперь с ними третий.

Он широкоплечий, но худой — слишком худой, похожий на скелет, который облачили в белый костюм, — и что более странно, у него совсем нет волос, никаких. Лысая, блестящая голова. Никаких бровей. Никаких ресниц. Каждая частичка кожи, с нездоровым, но не химическим, загаром, похожим на поджаренную курицу, — гладкая, блестящая, словно смазанная маслом.

— Ренди Хокинс, — говорит мужчина, но у него не здешний акцент, особенно, если в качестве «здесьнего» не считать всю Северную Америку. Может быть, мужчина из Германии. Или Польши. Или из какой-то другой страны Восточной Европы. Мужчина показывает пальцем и спрашивает: — Это он?

Ренди пытается что-то сказать, но не может, потому что ему в рот засунут один из его же окровавленных носков, заклеенных изолентой.

Харриет кивает.

— Я с ним поработала.

Ингерсолл кивает, словно любуется картиной. Он пробегает паучьим пальцем по подбородку Ренди, по корке запекшейся крови, по уху, похожему на цветную капусту, по лбу, где лезвием, а не маркером, проведено несколько горизонтальных линий.

Он приподнимает голову Ренди. Видит, что у того на шее есть кусок пожеванной кожи.

— Как интересно, — говорит худой мужчина. Он проводит пальцами по покрытой струпьями, изодранной плоти. Будто расчесали. — Новая техника?

— Новый инструмент, — объясняет Харриет. — Я прошла по спальне, ванной и во дворе, нашла кое-какие кухонные инструменты. Это от терки для сыра. А чесночным прессом я сломала ему три пальца.

— Инновационно. И со вкусом.

— Спасибо.

Ингерсолл осматривает Фрэнки с головы до пят.

— А твой какой вклад?

— Пончики.

На лице Ингерсолла появляется кислое выражение.

— Конечно. — Его взгляд не являет ничего нового.

— Он готов разговаривать, — говорит Харриет. — Я знаю, ты бы хотел поучаствовать.

— Да. Пора уже вмешаться. Всё слишком уж затянулось.

Ингерсолл вытаскивает из кармана небольшую сумочку и опускается на колени у ног Ренди. Он прижимается лицом к висящей туше говядины, ощущая лбом исходящий от неё холод. Потом Ингерсолл открывает сумочку и опускает её на пол.

Рассыпаются маленькие кости, не больше, чем кусочки мрамора, некоторые не длиннее зуба. Это кости с рук: запястные суставы, похожие на гравий, пястные кости, фаланги, как угощение для собак или кончики зонтов. Все белое, отбеленное, чистое.

Ингерсолл их не трогает. Его палец скользит над ними, словно следует за текстом в детской книге или Библии. Он кивает и бормочет что-то неразборчивое. Для всех остальных это необъяснимо, но для него всё ясно как день, это письмена, начертанные большими белыми буквами.

— Хорошо, — удовлетворенно говорит он. Ингерсолл собирает кости в мешочек и целует его так, как поцеловал бы мать.

Он встает и смотрит Ренди в его красные глаза.

— Ты перестал покупать у нас, — говорит Ингерсолл. Он облизывает губы, качая головой. — Возмутительно. Я предпочитаю думать, что мы предлагаем стоящий товар по доступной цене. Но ты можешь ещё спастись. Просто нашепчи мне на ухо всё, что знаешь о своем новом поставщике. Если меня это удовлетворит, если ты расскажешь, что знаешь, я сохраню тебе жизнь в обмен на руки. Всё ясно?

Ренди кивает, слышится приглушенное хныканье.

Ингерсолл улыбается, большим и указательным пальцем вытаскивает носок и прижимает ухо к губам Ренди.

— Рассказывай, — говорит Ингерсолл и Ренди вываливает ему все.

* * *

Снаружи холодильника для мяса Ингерсолл вытирает руки.

Белое полотенце, переданное ему Харриет, окрашивается красным.

Ингерсолл передает пластиковый пакет. В нем лежат две руки, отрезанные в районе запястья.

— Варите их, — говорит Ингерсолл, — до тех пор, пока мясо не отойдет от кости. Как варят оссобуку. Когда мяса на костях не будет, отбелите их. Обработайте специальным дымом. Потом отдадите мне. Я выберу те, которые подойдут для моего мешочка.

Взяв пакет, Харриет кивает. Фрэнки выглядит так, словно подавился желчью.

— Ты, — говорит Ингерсолл, тыча пальцем в грудь Фрэнки. Этот палец очень тонкий, чуткий. Словно по ноге ползет насекомое. Но у Фрэнки такое ощущение, будто он с легкостью пробьет его грудь и достанет до сердца. — Избавься от тела.

Проглотив тугий узел, чтобы не проблеваться, Фрэнки кивает.

— Теперь мы знаем где живет Эшли Гейнс, — говорит Ингерсолл.

Но теперь он знает, что это лишь вторичный приз. Девчонка. Ему нужна она. Ингерсолл лезет в карман белого пиджака и аккуратно проводит пальцами по переплету дневника Мириам.

У него есть несколько вопросов, которые он очень хочет ей задать.

Интерлюдия

Интервью

Проходит некоторое время, прежде чем Мириам заговаривает снова. Пол тихо ждет, он колеблется, он задумчив, как будто любое его движение может всё разрушить, может перерубить веревку, на которой над головой девушки болтается меч.

— Я забеременела, — наконец, говорит она.

Пол моргает.

— От кто?

— От кого, вообще-то. Ты же студент колледжа, учишь грамматику. От Бена.

— От Бена? — Пол выглядит озадаченным.

— Да. Бен? С которым у меня был секс? Тот, который застрелился? Прости, не я ли тебе рассказала только что эту историю? Я затемняюсь и исчезаю.

— Нет, просто, извините, он же мертв, я подумал, как он может...

Мириам фыркает. К этому моменту она уже на три четверти пьяна.

— Мы же не говорим о сексе с зомби; он не вылезал из могилы, дабы обрюхатить меня мертвячьим ребенком. Секс у нас был один раз, а этого вполне достаточно, чтобы забеременеть. Таков круг жизни, Пол.

— Точно. Понятно. Простите.

— Не извиняйся, всё нормально. Я вернулась той ночью в сопровождении полиции, а моя мать уже знала что к чему. Несколько недель подряд (после того, как застрелился Бен), мы проводили в моей комнате за чтением Библии. Удивлена, как мать не догадалась примотать её к моим рукам скотчем. Она нашла все мои комиксы, которые я хранила под паркетной вместе с некоторыми CD. Все их унесла. И если бы она могла скрепить мою вагину степлером во имя Господа, то обязательно так и поступила.

— И когда вы узнали?

Мириам прищуривается, припоминая.

— По утрам началась тошнота... не более, чем через пару месяцев после того, как мы сделали своё грязное дельце. Что-то около того. Я проснулась утром и меня стошнило ужином, потом я позавтракала, но не удержала и этого. Я знала причину, потому что боялась этого. Моя мать была большой последовательницей того, что у всего есть свои последствия, как, например, из плохих семян вырастают ядовитые фрукты. О, ты ешь очень много? Это обжорство, как следствие — получи рак кишечника. Что такое? Не можешь остановиться и не оттрахать всех домохозяек в округе? Упс, получи сифилис, от которого сгниет твой член. Удачи!

— Какой-то странный взгляд на карму.

— Не говори ей об этом. Она приставила нож к своему собственному горлу. — Мириам проводит пальцем по горлу. — Рраз! Убить еретика.

— И как она отреагировала на беременность?

— Я скрывала сколько могла. Просто сказала, что потолстела, но это было ложью, ведь я едва ли ела за двоих. Мой живот раздувался, тогда как всё остальное оставалось неизменным, и вскоре я стала похожа на тех африканских детей, у которых по животам ползают мухи.

— Значит она узнала?

— Узнала.

— И... что? Она выгнала вас? Она не похожа на самую лучшую мать.

Мириам вздыхает глубоко.

— Нет. Всё... как раз наоборот. Она изменилась, мужик. Не то, чтобы она стала ласковой, любящей матерью, но она изменилась. Стала более заботливой что ли. Перестала обзывать меня и обвинять во всем. Заходила ко мне в комнату, спрашивала, нужно ли мне что-нибудь. Боже, она даже стала готовить мне то, что я люблю. Это было странно. Наверное, она полагала, что змея обратно в банку не загонишь. Она всё время запугивала меня, чтобы я не допустила ошибки, но я всё равно оплошала. К тому же, может быть, она всё-таки хотела внука. Глубоко внутри, я порой задумывалась, а не так же ли появилась я. Может быть, поэтому она была такой. Конечно, ничего наверняка я не знала.

— Но... — отзывается Пол. — У вас же не было ребенка.

— О нет, был. Он всё это время прятался за твоим стулом.

Пол оглядывается.

— Пол, ты очень доверчив, — говорит она. — Нет, детей у меня не было.

— Так что случилось? Как вы потеряли... — Бип-бип-бип. Пикают часы Пола. Она наклоняет запястье и Мириам видит, что это старомодные часы с калькулятором.

— Не думала, что у кого-то ещё есть такие, — говорит она.

— Я думал, это будет выглядеть иронично, — объясняет Пол. — Однако оказалось, что

они весьма полезны. Кому нужен карманный компьютер, когда в часах есть калькулятор? Плюс, они стоили всего пять баксов.

— Экономно и практично, крутые часы с калькулятором. Отлично. Что за будильник? Планируется свидание?

— Ага, — отвечает он задумавшись, но потом качает головой. — Э, не совсем свидание, вернее, совсем не свидание. Мне надо сходить к маме, пообедать, и в тысячный раз объяснить, почему я выбрал колледж ближе к дому отца, несмотря на то, что ближе он всего-то на десять миль.

— Звучит весело, — говорит Мириам.

— Не очень. Продолжим завтра?

— Завтра, — врёт она. — В то же время на том же канале.

Пол выключает диктофон и убирает его в карман. Машет рукой и оставляет Мириам в одиночестве.

Она ждет. Не очень долго. Секунд тридцать, наверное.

Потом выходит за ним следом.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Глава двадцать пятая

Экстрасенс по соседству

Вся фрикаделька исчезает у неё во рту.

— Я до сих пор поражаюсь, — говорит Луис, наблюдая за Мириам с таким выражением лица, словно он смотрит на то, как удав целиком пожирает соседского кота.

— Чему? — интересуется девушка с набитым ртом.

— Как ты ешь. Я вижу это каждый день, но всякий раз это новые впечатления.

— Мм-м, — мямлит она, с усилием проталкивая мясной шарик дальше. — Ничего странного нет в девушке, которая с удовольствием уминает тарелочку спагетти, сэр.

— За исключением того, что сейчас десять утра.

— Не моя вина, что у этой забегаловки одно меню на весь день.

— Как тебе удастся оставаться такой стройной?

Мириам ухмыляется и берет Луиса за руку.

— Хочешь похудеть, спроси меня как.

Он не отстраняется, но чувствует себя неловко. Начиная с той ночи в придорожном домике, он ощущает неуверенность. Висит на краю. Луис хочет эту девушку. Но чего-то боится. Или может быть, гадают Мириам, это она боится? А он всего лишь чувствует её страх?

Но они этого еще не сделали. Дело. Горизонтальная мамба. Кинг-конг карабкается на Эмпайр-Стейт-Билдинг. Мириам не знает причины. Она едва не вынесла ему мозг. Так почему не сделать это сейчас? Это ведь её стезя. Это то, что у неё получается лучше всего.

Но Луис другой. Или может, она другая. Всякий раз как эта мысль приходит ей в голову, девушка прогоняет её прочь. Она боится, что пристальное изучение проблемы каким-то образом всё испортит. Словно в этом есть какой-то смысл.

— У меня метаболизм как у обкуренного кролика, — объясняет Мириам. — Всегда такой был. Могу есть что захочу, а тело не меняется.

— Некоторые женщины убили бы, лишь бы оказаться на твоём месте.

— Некоторые женщины просто тупые ослицы.

— Ох, ну хорошо, — смеется Луис.

Это один из тех самых моментов, что Мириам любит больше всего. Большинство мужчин в её жизни (черт, большинство людей в её жизни вообще) восприняли бы подобные слова, как воинственность и что-нибудь ответили в том же ключе. И дальше пошла бы игра в словесный бадминтон, когда каждый колет другого нелестным комментарием. Но Луис, он просто улыбается. Смеется. Он не подбрасывает дров в костер её злобы. В нем есть умиротворенность Тай-Чи, благодаря которой мастера Дзен направляют агрессивный дух в верное русло. И в результате этот дух не разрастается до размеров зверя, а рассеивается в ничто, в пар.

Мириам подавляет отрыжку, поднеся кулак к губам. Отодвигает тарелку и ухмыляется.

— И куда мы едем дальше, папуля? И где вообще мы находимся? Я не обратила внимание.

Они ехали уже неделю и один день. Рейс начался с Северной Каролины до Мэриленда (везли банки с краской), потом из Мэриленда в Делавер (мебель для вечеринок) и вот теперь из Делавера (снова краска) приехали куда-то в... Огайо? Да, это должен быть Огайо. Приглашенный. Фу. С деревцами. Автомагистралями. Бе.

— Бланчестер, штат Огайо, — говорит Луис, вынимая из кармана карту и раскладывая её на столе. Потом тычет пальцем в населенный пункт. — Примерно сорок-пятьдесят миль от Цинциннати.

— Бла-а-а-анчестер, — тянет Мириам, словно зомби, почуявший свежие мозги. — Прямо из Бланчестера, сумасшедшего городишки, в честь мальчишки-педофилишки [1].

— Ты очень странная.

— Привыкай, здоровяк. Такая уж я есть, опровергаю научный подход. — Она тянется через стол и целует мужчину. Они не сливались в зверя с двумя головами, нет — только поцелуи. Это Мириам раздаривала поцелуи. На неё так непохоже. Обычно, девушка не целуется с мужчинами, которых встречает по пути. Они суют свой язык ей в рот и похоже, их единственная цель — откусить его от самого основания.

— Твоя версия науки весьма приятна на вкус.

— У меня пятерка с двумя плюсами по анатомии и сексуальности.

Отстраняясь от Луиса, Мириам бросает взгляд в окно. Напротив закусочной припаркован пикап. Совершенно безобидный, ничего не показывающий на радаре опасности Мириам... но потом водитель садится в машину и уезжает.

За грузовиком Мириам видит неоновую вывеску.

«Гадание. Читаю по ладони. Раскладываю на Таро».

Луис оплачивает счет и оставляет щедрые чаевые... но Мириам продолжает таращиться в окно. Она давно думала об этом, но мужества никогда не хватало.

— Подожди здесь, — говорит она и встает.

— В дамскую комнату?

Мириам трясет головой.

— Неа. Гадалка тут рядом. Всегда хотела попробовать.

— Я с тобой.

— Нет... побудь здесь. Это... личное.

Мириам видит как Луис изучающе на неё смотрит, словно пытаюсь собрать кусочки воедино. Он периодически возвращался к этой головоломке по имени Мириам, как какой-нибудь другой человек смотрит в книжку Волшебный глаз, ожидая, когда же появится

скрытое там изображение. И как обычно, Луис сдаётся. Ни дельфинов, ни парусников не видно за изображенным хаосом и шумом. Но это пока.

— Вполне справедливо, — говорит он. Луис держит в руке один из своих многочисленных конвертов с наличными (как Эшли и предполагал, такие конверты припрятаны им по всему грузовику; его «сбережения», как он сказал Мириам) и достает из него три двадцатки, вложив их в ладонь девушки. — По крайней мере, позволь за это заплатить.

Мириам не может соврать самой себе. Деньги жгут ей пальцы, они словно вымазаны кровью. Девушка опускает взгляд и вместо Джексона на банкноте видит Луиса с выколотыми глазами, заклеенными изолентой.

Она молчит.

Выдавливает слабую улыбку.

Потом уходит.

* * *

Мириам знает, чего ожидать, но тут она не права. Девушка ждет модных завитушек и псевдо-окультурного антуража: магические кристаллы, фиолетовая бахрома, колокольчики, ладан, что разъедает глаза, толстая кошка на подушке. Вместо этого под неоновой вывеской открывается магазинчик вязанных вещей. Коричневые полки заложены вязанными шерстяными платками, детскими шапочками, мотками пряжи. И никакой кошки. Вместо неё под столом разместился пузатый бигль. Он похож на шарик.

Женщина же, сидящая за столом, скорее похожа на «нотариуса», нежели на «цыганку мошенницу». Черт, она вообще похожа на настоятельницу в церкви. Светло-синий кардиган. Копна рыжих волос. На переносице очки.

— Так, и какого хрена? — первое, что говорит Мириам.

Женщина сурово на неё смотрит.

— Я могу вам чем-нибудь помочь?

— Я... подумала, что иду к гадалке. Извините. — Она разворачивается, чтобы уйти.

— Я и есть гадалка, — говорит женщина. — Меня зовут мисс Ненси.

— Мисс Ненси, гадалка, которая вяжет?

— Да, вяжу и крючком тоже. Леди зарабатывает как умеет.

Мириам пожимает плечами.

— Ага, кричи громче, кто-нибудь да услышит, сестренка. Я сяду?

— Присаживайтесь. Пожалуйста.

Мириам садится. Девушка барабанит пальцами по столешнице.

— И что дальше? Как это произойдет? Сколько эта афера будет мне стоить?

— Плата сорок долларов, но уверяю вас, это не афера. — Голос у женщины серьезен. Она курит или курила когда-то, как думает Мириам, и от этой мысли девушке хочется достать сигарету. С тех пор как она катается с Луисом, её перекуры канули в прошлое.

— Уверяю вас, это и есть гребаная афера.

— Не используйте подобных выражений при мне.

Где-то в глубине её голоса Мириам слышит тон своей матери. Девушка кивает.

— Простите.

— Это не афера и не жульничество. Духовное измерение существует.

— Это мне известно.

— Неужели?

— Я сама экстрасенс. Неужели вы этого не знаете?

Женщина цокает языком.

— Если бы вы были экстрасенсом, вы бы знали, что так это не работает и редко всё бывает очень просто.

— Хорошо сыграно, мисс Ненси. Хорошо сыграно. Отлично, сорок баксов, значит. — Мириам кладет на стол две двадцатки. — И может быть, если вы действительно так хороши, я куплю у вас вязаную шапочку или милую пепельницу.

Мисс Ненси забирает деньги и, что удивительно, прячет их куда-то в недра кардигана под воротник — по сути, в декольте.

— И что выбираете? Таро? По ладони вам посмотреть? Я читаю по чайным листьям.

— Я обычно читаю по дну рюмки. Ничего из вышеперечисленного меня не устраивает, благодарю.

Мисс Ненси выглядит озадаченной.

— Я сама экстрасенс, — говорит Мириам, — помните? Да ладно, Ненс. Вам эти штучки не нужны. Может, конечный результат и не выглядит как афера, но все эти прибабасы таковыми и являются, разве нет? Красивые карты. Тайны, якобы начертанные на прелестной ладошке. Вам нужно просто прикоснуться кожей к коже. Только касание и сработает. Я ведь права?

Мириам не уверена, что на самом деле права... ведь она здесь, потому что никогда не встречала кого-то, кто заявлял бы, что он настоящий экстрасенс. Но так происходит с ней самой, а девушка предполагает, что судьба действует по определенным правилам и на мисс Ненси распространяются те же законы.

Под столом ворчит бигль.

— Правда, — наконец говорит мисс Ненси и от улыбки у неё образуются морщинки. Она раскрывает ладонь. — Кладите свою руку в мою.

— Я хочу, чтобы вы были честны на счет того, что увидите.

— Буду, клянусь. Обещаю вам.

— Без пизд... эм, чур, без вранья.

— Просто положите свою руку на мою.

Мириам протягивает руку и опускает её на ладонь женщины.

У Ненси теплая рука. Рука Мириам кажется холодной.

Они просто сидят несколько минут. В тишине. Внезапно Мириам озаряет — она не видит как умрет эта женщина. Никаких видений. Никакой смерти. Словно эта женщина агент, выключенный из потока судьбы и времени...

Пальцы Ненси, словно мухоловка, сжимаются вокруг ладони Мириам.

— Ой... — лишь произносит девушка.

Хватка становится крепче. Шея женщины напрягается так, что становятся видны сухожилия. Мириам пытается выдернуть руку, но у неё не получается. Глаза Ненси распахиваются. Белки глаз наливаются кровью из-за лопающихся сосудов. Зубы гадалки стиснуты так сильно, что Мириам опасается, они могут раскрошиться.

Девушка ещё раз пытается выдернуть руку, но та словно попала в тиски... рука Ненси становится теплее, горячее, словно её что-то жжет.

Из носа гадалки идет кровь. Она капает Мириам на руку. Кап, кап, кап. Мириам надеется, что эта жидкость позволит выдернуть руку. Однако её не повезло.

Ненси начинает стонать. Её голова раскачивается и крутится в разные стороны.

Под столом своим лаем ей вторит бигль.

— Господи, — говорит Мириам, по-настоящему испугавшись. Это из-за неё? Или у женщины случился приступ? Мириам упирается второй рукой в стол и отталкивается. Столешница упирается женщине в живот, та хватается ртом воздух.

Пальцы гадалки разжимаются. Мириам одергивает руку. Кожа покраснела, девушка замечает, что уже начали образовываться синяки.

Ненси выглядит хреново. По лбу женщины стекает пот. Она облизывает губы и достает небольшой носовой платок, чтобы вытереть кровь. Глаза гадалки стали абсолютно красными.

Мириам тихо спрашивает:

— Мисс Ненси, вы в порядке?

— Что ты такое? — шипит та.

— Что? Что вы имеете в виду?

— Что-то внутри тебя умерло. Глубокое, тёмное, сморщенное, и это нечто рыдает, словно потерянный ребенок в поисках своей матери. Ты рука смерти. Ты её механизм. Я слышу, как вращаются колеса, как тянут шкивы. — Ненси роется в недрах кардигана в поисках двух двадцаток. Она сминает деньги и отталкивает их обратно к Мириам. — Забери. Мне не нужны твои кровавые деньги. За тобой идет смерть, а внутри тебя сидит монстр — его присутствие ощущается, — он внутри твоего сердца и разума. Я не хочу в этом участвовать. Уходи отсюда.

— Подождите, — умоляет Мириам. — Подождите! Нет, помогите мне, помогите понять, расскажите, как это всё остановить, как от этого отказаться и...

— Убирайся отсюда! — кричит мисс Ненси. Бигль вторит ей своим воем.

Мириам вскакивает на ноги и пятится к двери.

— Пожалуйста...

— Уходи.

Плечи девушки упираются в дверь, она вываливается наружу, испытывая головокружение.

* * *

Мириам сидит пятнадцать минут в небольшом переулке рядом с химчисткой, что совсем недалеко от гадалки. Девушка курит. Её всю трясет. В голове полная неразбериха.

Мириам успокаивается и возвращается обратно в закусочную.

— Предсказала она тебе будущее? — спрашивает Луис.

Мириам слабо улыбается.

— Аферистка. Она ничего не рассказала из того, о чем бы я не знала. Может, пора уже сваливать?

Глава двадцать шестая

Глухой переулок

Вонь удивляет Харриет. Это запах свежей, скошенной травы. Но также пахнуть может и разлагающееся тело — труп в водосточной канаве, в котором скоро появятся жуки и личинки. Для Харриет это запах гниения. Вонь полнейшего застоя. Все её мускулы стягиваются в тугую узел.

Ингерсолл, сидящий в Кадиллаке сзади (а его присутствие моментально обновило Cutlass Sierra до машины статусом повыше), видит насколько напрягаются плечи женщины и

говорит:

— Как это все для тебя знакомо, Харриет.

— Да, — отвечает она. Слово лежит там, совершенно лишенное эмоций.

Их окружает пригород. Побеленные бордюры, тучи птиц. Солнечный свет, вокруг растет и цветет клематис. Пастельных цветов сайдинг. Яркие белые водостоки.

Харриет очень хочется всё здесь предать огню и посмотреть, как всё сгорит до самого основания.

— Думаю, поверну здесь, — говорит Фрэнки и следует своим словам. — Нет, дерьмо, черт, подождите. Вот здесь. Сюда. Эти сраные маленькие улицы похожи друг на друга. Дома, газоны. Формочки для печенья, скопировать-вставить. — Харриет чувствовала взгляд Фрэнки до поворота, во время и после него.

— Он не знает, — говорит Ингерсолл.

— Он это кто? — интересуется Фрэнки. — Вы обо мне?

Харриет нерешительно мнетя.

— Нет, не знает.

— Сколько времени прошло с тех пор, как я поставил вас работать в пару? — спрашивает Ингерсолл.

Фрэнки нужно время, чтобы подумать. Харриет оно не требуется.

— Два года и три месяца.

— Чего я не знаю? — спрашивает Фрэнки.

— Ничего, — отвечает Харриет.

— Всего, — говорит Ингерсолл.

— Скажите мне, — просит Фрэнки. — Я хочу знать. Вы всё обо мне знаете. Я для вас как открытая книга. Я ничего от вас не скрываю.

— Ты ему скажешь? — интересуется Ингерсолл, пока Фрэнки доезжает до тупика глухого переулка. Фрэнки смотрит на Харриет.

Она чувствует его взгляд.

Странно, учитывая, что Харриет никогда ничего не чувствует. Нравится ли ей это ощущение; не потому ли, что она тогда может хоть что-то почувствовать? Издеваться над другими для неё так же весело, как мучить себя саму?

Она предпочитает не отвечать на вопрос Ингерсолла. Или свой собственный.

Вместо этого она говорит:

— Приехали, — и выбирается из машины.

* * *

— Он их не убивает? — интересуется Ингерсолл, водя ловкими пальцами по держателю для почты, стоящему в коридоре.

— Нет, — отвечает Харриет. — Он аферист. Обдирает их как липку.

— Здесь никого. Его нет, — кричит Фрэнки из другой комнаты.

Ингерсолл кивает.

— Ничего неожиданного. Он должен оставить какие-то следы. Некий знак того, что был здесь. Но более важно то, что я хочу увидеть следы девчонки. И вы их найдете. А я подожду, пока будете искать.

Он присаживается в уголок для завтрака на кухне и складывает руки перед собой. Сидит там совершенно неподвижно и абсолютно тихо.

Харриет с Фрэнки продолжают складывать вместе кусочки пазла.

Дом — улица Платан, 1450 в Дойлстауне, штат Пенсильвания в пригороде Филадельфии — принадлежит Дэну и Мюриэль Стайн.

Дэн увлекается рыбалкой, фондовым рынком и, несмотря на свою кажущуюся консервативность, группами из 80-ых: Poison, Mötley Crüe, Warrant, Winger.

Мюриэль тоже играет на бирже, но своими личными деньгами. Помимо этого, в доме не хранится почти никакой информации о Мюриэль. Это потому, что они разведены. Уже полгода. У них есть дочь, ей восемнадцать и зовут её Ребекка. Фрэнки находит документы в кабинете.

— Дэн живет здесь до сих пор, — говорит Харриет. — Мюриэль переехала туда, где травка позеленее.

— Это место тебя выводит из себя, — говорит Фрэнки.

— Ничего подобного.

— Ты мне врешь.

— Продолжай искать. Ингресолл ждет полезную информацию.

Modus operandi Гейнса заключается не в том, чтобы вынудить людей съехать, а в том, чтобы они рассказали где живут. Он знакомится с ними на каких-нибудь собраниях, в ресторанах и барах. Они же работают. Их нет дома. Тут приходит Эшли, вламывается в дом и живет там, пока хозяин не возвращается. Вот в чем уловка. С одной стороны, всё просто. С другой — всё очень просто. Эшли слишком хорошего о себе мнения, оказывается.

Харриет не может понять, куда делся Дэн — владелец франшизы местной спортивной одежды, — его нет. Может, уехал к любовнице. Может, в командировке выясняет что-то про новые футбольные мячи и оборудование для пилатеса. По сути Харриет всё равно. Этот дом похож на место преступления, но ищет она отпечатки пальцев не Дэна Стайна.

Харриет решает проверить наверху.

На половине пути по покрытой ковром лестнице, она чувствует запах.

Разложение.

В этот раз настоящее. Не метафорическое.

Она зовет Фрэнки. Они стоят и принюхиваются, словно псы.

Хозяйская ванна, второй этаж.

Занавеска душа задернута. Крышка унитаза опущена. Поверх него лежит маленькая стеклянная трубка, потемневшая от сажи. Вонь здесь стоит жуткая.

— Черт. Он мертвый, — бубнит Фрэнки, закрыв рот и нос рукой. Харриет же всё равно. Запах её не волнует. Не так как аромат скошенной травы. Или ароматическая смесь из сухих лепестков. Или запах жаркого из духовки. — Тупой придурок окочурился, попробовав товар. Вот дерьмо.

За занавеской видна тень. Харриет одергивает ткань в сторону.

Тело лежит в ванне. На голове полиэтиленовый пакет. Изнутри в районе задней части головы видна высохшая кровь.

Фрэнки моргает.

— Кто-то убил Гейнса.

— Это не он, — говорит Харриет. — Это Дэн Стайн.

— Откуда ты...

— Просто знаю. — Харриет задерживает дыхание и стягивает с головы трупа пакет. Затылок полностью разбит. — Гейнс его чем-то ударил. Трубой, битой, ломом. Крови не вижу, но, бьюсь об заклад, ты найдешь её внизу. Или снаружи. Но ударом дело не

ограничилось. Отсюда и пакет. Пока Стайн был в отключке, Гейнс задушил его пакетом. Может, он это провернул в ванной, а может, просто притащил сюда тело.

Харриет выпрямляется.

— Эшли Гейнс стал убийцей.

* * *

— Ну ладно тебе, — говорит Фрэнки, останавливая Харриет на ступеньках. — Я хочу знать.

— Нет.

— Мы здесь делаем всю работу, Ингерсолл внизу... И я не знаю в чем дело. Наверное получаем инструкции от дьявола.

— Ингерсолл не берет никаких заказов, — говорит Харриет.

— Да по фиг. Я лишь говорю, что ты можешь мне рассказать. Тебе не обязательно делать это при нем. Ведь именно этого он и ждет. Он хочет увидеть. Любит подбросить поленьев и наблюдать за развитием событий. Так что рассказывай в чем дело. Здесь. И сейчас. Не стоит доставлять ему такого удовольствия.

Харриет смотрит на мужчину.

— А ты заметила, что Ингерсолл похож на богомола? — интересуется Фрэнки.

Харриет протискивается мимо него и спускается вниз.

* * *

— Эшли Гейнс уехал из резервации, — объясняет Харриет, когда её догоняет хмурый Фрэнки.

— Да? — переспрашивает Ингерсолл, лениво барабаня пальцами по журналу «Поле и ручей». [1]

— Он употребляет, как и предполагал Хокинс. И он больше не жульничает с домами. Просто убивает хозяев и занимает их место.

— Он перешел на темную сторону мошенничества.

— Да.

— А мне это нравится. Прямо он молодец. Есть новости о девчонке?

Харриет колеблется.

— Нет.

— Есть идеи, куда они направились?

— Нет.

— Значит, вы почти не нашли ничего стоящего.

Фрэнки пожимает плечами. Харриет молчит.

Тонкая улыбка появляется на губах Ингерсолла. В виду отсутствия бровей, трудно сказать, действительно ли ему смешно или это сарказм.

Он достает салфетку из держателя и расправляет её.

Потом вытаскивает из кармана ручку.

Ингерсолл кладет тонкую салфетку на журнал, а потом очень аккуратно что-то пишет по диагонали.

Как ребенок, держащий в руках вырезанную в школе снежинку, он берет салфетку за разные концы и поднимает вверх. На ней написано название компании и номер телефона.

Харриет читает: «Грузоперевозки 321», потом идет номер.

— Не понимаю, — говорит Фрэнки.

Ингерсолл встает.

— Я нашел нужный кусочек информации, даже не вставая из-за стола.

— Поэтому ты босс, — говорит Фрэнки. В его голосе Харриет слышит раздражение.

Ингерсолл передает Харриет салфетку.

— Позвони в эту транспортную компанию. Она приведет нас к нему, нашему кейсу и необычной девочке. Время — деньги, друзья мои.

[1] 'Field & Stream' — «Поле и ручей», журнал, в основном предназначенный для мужчин. Публикует статьи об охоте, рыбной ловле, жизни на открытом воздухе

Интерлюдия

Сон

Она пишет.

Ничего необычного, за исключением того, что делать ей это приходится каждые тридцать секунд, словно у неё мочевого пузыря меньше наперстка. Врач сказал, что давление на него во втором триместре ослабнет, но мать назвала это ложью. А её мать всегда права. Это огромная ложь.

Мириам поднимает глаза. На стене кабинки кто-то вырезал надпись, а это странно, потому что в этих краях девочки очень женственные и вряд ли стали бы что-то вырезать на стене. Там могло быть что-то вроде: «Я люблю Майка», но маркером, а не ножом.

Послание гласит: «Счастливого Рождества, Мириам».

Девушка находит это несколько странным. Да, уже почти Рождество, но откуда стене в туалете об этом знать? Мириам замечает под первой надписью вторую и читает: «Она идет за тобой».

Мириам несколько озадачена.

Где-то вдалеке она слышит: топ, топ, топ. Стук ботинок.

Мириам тянется оторвать несколько кусочков бумаги (а она такая же плотная, как шепот ангела, поэтому, чтобы не намочить руки, ей нужно побольше слоев) и замечает, что кто-то находится в соседней кабинке. Кто-то, кого там только что не было.

Одна нога заканчивается потрепанной кроссовкой.

На другой ноге отсутствует то, что ниже лодыжки. На плитку капает кровь.

— Счастливого Рождества, — раздаётся голос Эшли. — Разве ты по мне не скучаешь?

Несмотря на то, что это кажется Мириам странным и непонятным, она трясет головой. Ноги исчезают, как и кровь. Девушка выходит из кабинки, чтобы помыть руки.

Моег.

Мириам смотрит на свои руки, а не на лицо, потому что ей совсем не нравится, как из-за беременности раздуло щеки, подбородок и всё остальное. Она такая же набухшая как те наклейки, что собирала, когда ей было девять. Единороги и радуга.

Снова этот звук: топ, топ, топ.

Мириам домывает руки.

Поднимает взгляд.

Бледное лицо. Каштановые волосы (её родной цвет) собраны в хвост.

Что-то движется у неё за спиной. Темно-синее пятно, потом вспышка красного.

— Ты убила моего сына, — доносится изможденный, страшный шепот.

Позади Мириам стоит миссис Ходж. Запорошенные снегом галоши оставляют на плитке следы. Темно-синяя куртка, старая и грязная, сидит неряшливо на её грузной фигуре. Волосы темные, невымытые, сосульками свисают вокруг красного лица.

У женщины в руках красная лопата для снега.

Мириам хватается за края фарфоровой раковины...

Лопата опускается девушке на спину.

Колени Мириам подгибаются, и она падает подбородком на раковину. Когда она бьется лицом о кафельный пол, прикусывает себе язык. Крови Мириам не чувствует, хотя он и наполняет ей рот.

Девушка вытягивает руки и пытается подняться, но пол только помыли, он скользкий, встать не получается. Ладони разъезжаются.

— Маленькая отвратительная шлюха, — говорит женщина. — Ты не заслуживаешь того, что вложил в тебя Бен.

Бах. Лопата тяжело опускается промеж лопаток, а потом опять на голову. Следом снова на спину. Плоский металл врезается глубже и глубже, Мириам чувствует, как что-то внутри (словно хрупкий снежок между пальцев) переламывается, трещит, ломается. Девушка ощущает между ног нечто теплое и мокрое. Она протягивает руку вниз под непрекращающимся градом ударов и, когда подносит руку к глазам, видит, что та окрашена красным. Мириам, пытаясь подняться, оставляет на полу кровавый отпечаток.

Но это ничего не значит, потому что лопата снова опускается на спину.

Мириам слышит плач ребенка, сильным эхом врывающийся в туалетную комнату. Доносится он откуда-то из коридора. Внезапно крики затихают, словно ребенок захлебывается, давится собственными слюнями. А потом замолкают вовсе и всё окрашивается темнотой.

Мириам слышит над ухом шепот Луиса:

— Шесть дней, а потом я умру.

Глава двадцать седьмая

Конец пути

Он шепота, свистящего прямо над ухом, Мириам резко просыпается.

— Прости, — произносит она.

Луис смотрит на неё, крутя руль, пока выезжает вдоль съезда через будку приема платежей.

«За то, что позволю тебе умереть», — думает Мириам. Голова девушки вспотела, волосы липнуть ко лбу.

— Я просто подумала... что захрапела.

— Ты не храпела.

— Хорошо.

Мириам потирает глаза. Уже ночь. Лобовое стекло ещё мокрое от дождя, хотя в свете желтых придорожных фонарей складывается ощущение, будто на него нассали.

— Где мы? — интересуется Мириам.

— Пенсильвания. Направляемся к стоянке дальнобойщиков к Куперсбурге. У меня там приятель, который отлично разбирается в грузовиках. У него просто талант. Обслуживание моего я доверяю ему с удовольствием. Когда бы не проезжал мимо, всегда к нему заскакиваю.

Мириам причмокивает губами. Сигарета. Кофе. Бухло. Хоть что-нибудь из этого пришлось бы сейчас весьма кстати.

— Пенсильвания. Разве мы не в Огайо были?

— Были. Но потом ты заснула.

— Вот дерьмо. Долгая поездка, да?

Он пожимает плечами.

— Не очень. Всего восемь-девять часов. Таковы правила игры. Езжай как можно быстрее и как можно дальше — мы платим за милю.

— Поэтому дальнбойщики водят так же, как слоны ведут себя в посудной лавке.

— Ага. Они пытаются прокормить свои семьи, потому и догоняются чем-нибудь, а то и того хуже. Иногда работают на разрыв аорты. — Его голос становится тише. — У меня нет дома, нет семьи, поэтому мне несколько легче. Но даже так, я зарабатываю примерно по тридцать пять центов за милю. Вот сегодня мы проехали около плюс-минус пятисот миль, это около двухсот баксов. У меня выходит примерно шестьдесят тысяч в год, и это при том, что у меня нет ипотеки и нет никаких счетов, которые нужно оплачивать.

— Тебя это беспокоит? Такая жизнь? Ведь ты же... кочевник. У тебя нет дома.

— Как и у тебя.

— Знаю. И мне нравится... иногда. Мне нравится, что я лишь кусок дерьма, плывущий по течению, куда бы оно меня не понесло. Но и ненавижу я такую жизнь тоже. Никогда не чувствовала себя связанной с чем-то или с кем-то. Никакого якоря. Никаких корней.

— Я чувствую какую-то связь с тобой, — говорит Луис.

— Я тоже, — отвечает Мириам, а сама удивляется, что, чувствуя с ним близость, она ощущает, насколько они далеки. Парадокс, подобное невозможно, но так оно и есть. Вот она рядом, но между ними притаился чудовищный разрыв: зияющая пропасть между жизнью и смертью.

Луис это тоже чувствует. Мириам знает, потому что он молчит. Он не воспринимает это так, как она. Он не знает, что грядет. Но Мириам знает, что где-то внутри себя он это чувствует. Так же, как пауки могут предчувствовать дождь, а пчелы могут сигнализировать о приближающемся землетрясении.

Фонари местного шоссе стробоскопически освещают кабину.

— Мы ночуем в грузовике сегодня? — нарушает молчание Мириам.

— Нет, — отвечает Луис. — На стоянке есть мотель и закусочная.

— Такова моя жизнь. Мотели. Закусочные. Автомагистрали.

— И моя тоже.

Потом тишина возвращается, а грузовик грохочет себе дальше.

* * *

Столы в закусочной чистые, яйца отменные, а кофе ни видом, ни вкусом не похож на мочу. Мотель по соседству тоже опрятен. Не воняет блевотиной или сигаретами. По раковине не бегают тараканы. А двери комнат в мотеле не ведут напрямую на улицу, они выходят в длинный коридор. Похоже на отель «Четыре сезона». Неужели всё перечисленное и отделяет мотель от отеля? Здесь, может быть, и есть отель? Остановливалась ли Мириам когда-нибудь в отеле?

Девушка должна чувствовать себя счастливой. Это шаг вперед. Луис — это её шаг вперед.

Но она ходит туда-сюда, курит; она несчастна.

— Ты понятия не имеешь, что делаешь, — бормочет Мириам себе под нос.

Это правда. Не понимает.

Она раньше плыла по течению. «Так стань же счастливой. Обрети благодать. Сделай Луиса счастливым. Не беспокойся о завтрашнем дне. И всё будет хорошо, очень хорошо».

— Но нет, тебя же, черт подери, потянуло к гадалке, что, будто гейзер, начала истекать кровью и сказала, что ты разновидность Enola Gay [17]. А между тем, Луис умрет через пять дней, так что ты планируешь делать? Ничего? Пусть случится? Будешь сидеть на заднице ровно, смотреть и покуривать гребаную сигаретку?

Словно злясь на раковую опухоль, она пинает палочку, пинает ещё раз...

Эшли приходится наклониться, когда веточка вишневого дерева пролетает у его плеча.

— Говоришь сама с собой? — интересуется он.

Мириам словно увидела привидение. Оно как будто появилось из ниоткуда. Девушка не может не задаться вопросом, а на самом ли деле Эшли реален. Он какой-то не такой. В голосе появилась дрожь. Парень всё время почесывается. Даже его поза какая-то согбенная — никакой уверенности в себе.

Мириам хлопает по карману джинсов. Ножа там нет. Конечно, нет. Она же оставила его в ноге той тетки, когда этот ублюдок кинул её одну.

— Ах ты сраный кусок дерьма.

— Это такой странный способ приветствовать старого друга? — хихикает Эшли. Звук получается каким-то нездоровым. Призрачным.

— Старый друг. Какой молодец. Подойдешь ко мне, укушу. Пальцы откушу. Нос откушу. — Дабы усилить эффект от слов, она щелкает зубами: клац, клац.

Эшли всё равно подходит ближе. Он вступает в ореол призрачного света. Прежде гладкое лицо заросло щетиной. В глазах поселилась пустота. Волосы взлохмачены, но не так, как это было раньше, сейчас они образуют засаленный клубок.

— Мне нужна твоя помощь, — умоляюще говорит он. — Ты нужна мне.

— Тебе нужна ванна. От тебя несет... — Мириам принимает. — кошачьим лотком. Иисусе, Эшли. Ты воспользовался. Ты воспользовался товаром.

— Я же в бегах.

— Так и вали от меня подальше.

— Они гонятся за мной. Идут по самым следам. Я обычно нормальный. Это только сейчас.

Мириам смеется.

— Только сейчас. Я могу завязать в любое время. Я не знал, что ей всего четырнадцать, офицер.

— Да пошла ты, алкоголичка, сама ведь покуриваешь.

— А вот это легально. — Как будто стремясь это продемонстрировать, Мириам достает сигарету и зажимает её губами. — Поэтому от меня пахнет как в баре, а не несет, как от перевернутого мусорного бака.

— Мы можем куда-нибудь уехать. Хоть куда. Сесть на самолет и улететь.

— Где кейс?

Его глаза мечутся туда-сюда.

— Я о нем позаботился. Но, когда он нам понадобится, я его заберу.

— Ты не сможешь пронести на самолет чемодан, полный кристаллов мета, долбаный придурок.

— Значит поедем на автобусе.

— О, я же просто обожаю автобусы, — отвечает Мириам. — Нет ничего лучше, чем двенадцатичасовая поездка в душном гробу с немывтыми шизоидами. Очень мило. Пойми вот что: я никуда с тобой не поеду. Ты сам по себе. Ты бросил меня там одну с той теткой. Она

могла меня убить. — Наверное, это и стоило сделать.

Девушка вынимает незажженную сигарету изо рта и затыкает её за ухо. Приподнимается на цыпочки и разворачивается, чтобы уйти.

— Подожди, — говорит Эшли и идет следом. Служащий мотеля — лысый парень в зеленой бейсболке — следит за их разговором сонным взглядом. Мириам не собирается устраивать перед ним шоу. Она заходит в коридор, где проходит мимо машины для льда.

Эшли преследует её.

Он кладет руку девушке на плечо. Она подумывает над тем, чтобы укусить его, но не знает, где успела эта рука побывать за неделю.

Вместо этого, она его отталкивает.

Эшли снова к ней тянется. Мириам хватается парня за рубашку и с силой толкает.

— Я ему всё расскажу, — пошатываясь, говорит Эшли.

Мириам замирает. Через плечо она интересуется:

— Расскажешь кому и о чем?

— Твоему дружку, дальнобойщику. Всё ему расскажу.

Ноги несут Мириам вперед, подальше от Эшли. Она направляется к своему номеру. Ключ оказывается в её руке прежде, чем она успевает о нем подумать. Внезапно она понимает, что поступает неправильно. Но девушка не знает, куда ещё ей идти или что делать. Маленькая напуганная девочка внутри неё хочет лишь одного — добраться до Луиса и свернуться в его объятиях, позволить им защитить её от ошибок.

Она открывает дверь и спокойно заходит внутрь.

Она закрывает за собой дверь и запирает её на замок.

Она дрожа садится на кровать.

Луис проснулся, он встревожен. В его взгляде сквозит беспокойство.

— Что такое? Что-то случилось в коридоре?

Мириам смотрит прямо перед собой. Девушка прикусывает губу. Пытается что-то сказать, но не находит слов.

Потом: грохот в дверь.

— Что такое? — спрашивает Луис. — Кто это?

— Не открывай, — отвечает Мириам.

— Не открывать. Но почему? — Он направляется к двери.

Девушка хватается Луиса за руку, когда он проходит мимо.

— Не надо. Просто не обращай внимание. Пожалуйста.

Потом он задает вопрос. Говорящий вопрос. Говорящий о том, что Луис думает о ней, заботится, если точнее, боится за неё.

— Что ты наделала? — спрашивает он.

— Я... — Слова остаются где-то там, будто их никогда и не было.

Луис подходит к двери, открывает.

Эшли вламывается в комнату, словно никакого Луиса перед ним нет. Руки скрещены на груди, молодой человек, раскачиваясь взад-вперед, будто какой-то дурачок, встает перед Мириам.

— Я должен знать, как я умру. Расскажи, как я умру. Они меня не убьют. Скажи, что они меня не убьют. Я знаю, Мириам, они близко. Ты можешь мне помочь; мне нужна твоя помощь...

— Эй, — окрикает его Луис. Но потом понимает, кто это. — Брат твой что ли?

Эшли смеется.

— Я ей не брат.

— Что? Мириам?

— Не смотри на неё. Смотри на меня. Мы здесь, чтобы обокрасть твою задницу. Это афера. Мошенничество.

Мириам молчит.

Луис хмурится.

— Будет лучше, если ты, сынок, мне объяснишь, что происходит.

— Мы знаем, что у тебя есть деньжата. В конвертиках. Отдай их нам. Или...

— Или что?

Эшли достает пистолет... на самом деле складывает в пистолет большой и указательный пальцы.

— Это, козел. А теперь гони деньги. — Он большим пальцем делает движение, похожее на то, будто взводит курок.

Луис сбивает Эшли с ног одним ударом. Бам.

Это похоже на то, как огромный шар разрушает здание. Эшли отбрасывает на кровать. Он пытается встать — такой удар должен был вырубить его по крайней мере на час, но остатки мета, всё ещё ползающие по его организму, рады помочь и оживить его тело, похожее сейчас на марионетку.

Огромными руками Луис поднимает тело Эшли и перекидывает на тумбочку. На пол падает лампа, погружая угол комнаты во тьму. Потом Луис берет Эшли за лодыжки и тащит его мимо кровати к двери; голова парня бьется о ножки стола, об углы комода, о подставку под телевизор и даже о резиновый ограничитель для двери.

Луис вышвыривает Эшли из комнаты, потом закрывает дверь.

Ощущение безумного восторга наполняет сердце Мириам. Он спас её. Сделал это, не задавая никаких вопросов. Увидел угрозу и устранил её. Девушка чувствует его защиту. Чувствует, что в безопасности.

Мириам вскакивает на ноги и руками обхватывает огромный торс Луиса.

Он не отвечает на объятия.

Аккуратно мужчина отодвигает её от себя.

— Это правда? — спрашивает он.

Сердце Мириам сжимается.

— Луис...

— Просто скажи, это правда? Он тебе не брат? Вы планировали меня ограбить?

— Сначала нет, потом... может быть, потом... но не сейчас, не сейчас, я бросила его, поэтому бросила, ты должен мне поверить, я никогда не хотела...

Но Луис отходит от девушки и начинает бросать свои вещи обратно в сумку.

— Ты куда?

— Прочь, — говорит он. — Подальше от тебя.

— Луис, подожди.

— Нет. Мой грузовик еще не в боксе для обслуживания. Я просто уеду. Комната твоя на всю ночь, если захочешь. Мне всё равно. Но я терпеть не могу лжецов.

Мириам хватается Луиса за запястье, но он перехватывает её. Его хватка достаточно мягкая, но девушка понимает, сделай он хоть малейшее движение, рука будет сломана.

— Ты была права. Ты яд. И ты пыталась мне это сказать. Мне стоило прислушаться.

Он делает глубокий вдох, а потом произносит слово, которое, словно ножом, пронзает девушке сердце.

— Прощай.

Забросив сумку на плечо, Луис выходит из комнаты, переступает через бесчувственное тело Эшли и молча идет по коридору, пока полностью не пропадает из вида.

Мириам давно не плакала, но плачет сейчас.

Яростные, нескончаемые рыдания. Глаза у неё горят. Ребра болят. Она плачет так, как плачет ребенок: задыхаясь, хватая ртом воздух.

Сквозь рыдания Мириам слышит, как отъезжает грузовик.

Звук нарастает до рычания, потом исчезает.

* * *

Луис выводит свой грузовик со стоянки на автостраду.

Он не обращает никакого внимания на черный Эскалейд, заезжающий на парковку.

Глава двадцать восьмая

Ужасные события

У Мириам не занимает много времени, чтобы горечь кристаллизовалась в острый штырь гнева. Слезы превращаются в кислоту. Хмурый взгляд в изогнутое лезвие. Дрожащие руки вытягиваются в лезвие пилы, готовое кромсать ненавистную плоть.

Девушка на ногах. Она стоит в дверном проеме. Эшли сидит у стены, словно какой-то кусок дерьма, прибившегося ветром. На его лице размазана мутноватая, пьяная улыбочка. Один глаз полностью заплыл.

— Теперь мы можем ехать?

Мириам пинает его прямо по губам.

Затылок парня врежется в стену. Каблуки девушки выбивают один из передних зубов Эшли, который скачет по ковровой дорожке, словно боб.

На губах выступают красные капли.

— Ой, — говорит Эшли.

Через несколько номеров открывается дверь, из-за которой появляется лицо бледного человека, похожее на слюнявую собачью морду. Мириам уведомляет его, что если он не засунется обратно, она оторвет ему голову и насыт внутрь.

Эшли на карачках быстро заползает в комнату.

— Дальнобойщик. Он уехал, да?

Мириам молчит. Внутри неё тлеет вулкан.

Эшли вытирает губы.

— Тогда это становится проблемой.

— Катись к черту.

— Ты меня любишь, — говорит он, сплевывая кровь.

— Продолжай мечтать.

— Я тебе нужен.

— Раньше да. Не сейчас.

Он ухмыляется. У него красные зубы, как будто он ел малину.

— Ты хочешь меня.

— Мне тебя жаль.

Мириам собирает во рту слюну. Она уже голова плюнуть в эту ухмылку.

А потом...

В конце коридора появляются они. Словно две тени. Два демона.

Фрэнки в темном костюме. На Харриет нет привычной водолазки, она одета в темно-красную блузку, — рождественский вариант, хотя на дворе стоит июль.

И у них пистолеты.

Мириам их видит, Эшли поначалу нет. Но его глаза прослеживают взгляд девушки и тогда он осознает...

— Мы покойники, — хриплым испуганным шепотом говорит Эшли.

Мириам к такому не готова. Обычно у неё есть место, где укрыться. Она знает все входы-выходы. Свои личные укромные местечки. Надежные и неуязвимые. Но проживание с Луисом сделало девушку медлительной и ленивой. Когда Мириам была ребенком, мама в магазинах обычно очень крепко держала её за руку, сжимая так сильно, что девочка опасалась за свои кости. Но потом она научилась не сопротивляться, потому что тогда мама ослабляла хватку и... упс, Мириам выскользнула из захвата и сбегала в кондитерский или хлебный отдел. Вот так. Мириам ослабила хватку.

Сейчас у неё только один вариант: аварийный выход справа от неё в конце коридора. Пока они идут по коридору, Мириам успеет выскользнуть.

Всё становится таким, как в замедленной съемке, как будто цепи сковали руки, ноги, запястья девушки. Они тянут её назад, мешают вырваться.

Она поворачивается...

Эшли пытается подняться, но он слаб, избит...

Мириам бежит, но позади нее двое убийц с пистолетами и без всякого колебания...

Они в двадцати шагах от неё и всё приближаются...

Эшли не может подняться. Он на четвереньках пытается убежать. Молодой человек кричит...

Пятнадцать шагов, может, меньше. Трудно сказать; всё кажется девушке нереальным...

Мириам чувствует, как что-то пролетает мимо уха; она дергает головой влево, когда проволока с двумя металлическими щупами впивается в настенный бра. Девушка понятия не имеет, что это такое, пока...

Эшли кричит, звук заикаясь вылетает сквозь стиснутые зубы; все тело молодого человека застывает, вытягивается, глаза широко распахнуты, похожи на две фары...

«Шокер, — думает она. — Электрошокер, они промазали...»

Плечо Мириам врзается в дверь аварийного выхода. Сигнализация не срабатывает; она никогда не срабатывает, несмотря на все развешенные предупреждения. В местах подобных этому они, похоже, вообще в сеть не подключаются. Мириам вдыхает вечерний воздух; перед собой она видит автомагистраль...

Бух.

Рука в белом рукаве хватается девушку за горло. Земля уходит у Мириам из-под ног. Она спиной со всей силы врзается во входную дверь, захлопнув её.

Мириам поднимает глаза, хватая ртом воздух.

— Ты, — хрипит девушка.

Человек выглядит озадаченным. В уголках рта играет улыбка.

— Мы не знакомы, — говорит он.

Бум. Кто-то — Фрэнки, Харриет или оба — врзаются в дверь аварийного выхода с другой её стороны, но они не ожидают, что с этой к ней прижата Мириам, поэтому с первого

раза открыть у них не получается. Девушка ощущает себя птичкой, пойманной в сеть и бешено хлопающей крыльями. Она понимает, ей надо вырваться, надо освободиться, чтобы они не... ну, она не знает, что им от неё нужно, но, Мириам уверена, что ничего хорошего ей происходящее не сулит.

Мириам слегка отклоняется, как раз в тот момент, когда Фрэнки с другой стороны всем своим весом и движущей силой налегает на дверь. Он вылетает из коридора, как пробка из бутылки.

Фрэнки спотыкается и оказывается между Мириам и высоким безволосым мужчиной.

Девушка со всей силы толкает Фрэнки на Безволосого Ублюдка. Они оба летят вниз, а тоненький внутренний голос Мириам в восторге от того, что сукин сын, скорее всего, испачкает свой сияющий белый костюмчик.

Как олень, убегающий от охотников, она несется в сторону автострады.

* * *

Скоростное шоссе. По две полосы в обе стороны.

Несущийся металл, яркие фары. Скорость потока не менее 70 миль в час.

Мириам не думает. Она просто бежит. В самую гущу потока.

Ноги упираются в центральный разделитель прежде, чем девушка успевает это осознать. Позади нее раздаются автомобильные гудки. Визг тормозов.

Мириам ступает на другую полосу — позади проносится автомобиль, боковое зеркало едва не задевает её, когда она слышит тяжелый удар металла о металл, звон стекла, визг подушек безопасности, скрип гравия и крик. Девушка слышит, как кто-то произносит: «Срань Господня!», — когда видит, что произошло на дороге. А Мириам знает, что всё это из-за неё. Эта авария, возможно, с ужасными последствиями, из-за неё. Но она не оглядывается, потому что оглянуться — потерять время; потерять время — умереть.

«Ты плохой человек», — думает она.

«Ты только что организовала автомобильную аварию».

«Но крошечная часть тебя этому рада, ведь для них это означает промедление, препятствие».

«Ты потребитель. Даже тогда, когда сама того не желаешь».

«Могут пострадать люди. Ты должна остановиться и помочь...»

Но другой голос напоминает ей: «Что есть, то есть; чего судьба хочет, судьба получает; все уже предначертано, так что не останавливайся, вперед, вперед».

Ноги Мириам ступают на обочину противоположной стороны шоссе. Голос рефери в голове кричит: «Спасена!» Сзади гудит автомобильный сигнал. Бесконечно. Девушка представляет, что бездыханное тело упало головой на руль, но она надеется, что это не так, что просто машина сломалась.

Однако судья в её голове неправ. Она ещё не в безопасности. Это лишь иллюзия.

Мириам продолжает бежать.

Впереди показывается помещение со складами. Ряд за рядом стоят оранжевые контейнеры.

Доступ здесь круглосуточный, но на воротах установлена пропускная система. Пройти непросто, учитывая, что весь периметр обтянут колючей проволокой. Однако для Мириам это не помеха. Девушка прыгает. Подобно акуле вцепляется в забор.

Карабкается вверх.

Колючая проволока старая. Её не обслуживали. Тока в ней тоже нет. Железо мнетя под

руками. Но она всё равно жалит, отрывает кусочки джинсов и кожи. Мириам напоминает себе, что очень давно не делала прививок и будет весьма забавно подохнуть не от рук наёмных убийц, а от столбняка. Но она всё равно упрямо перелезает на другую сторону.

От удара о землю по голени и колену распространяется боль; нехорошая боль (возможно, что-то сломано), но девушка не останавливается. Тот факт, что она может бежать несмотря на боль, означает, что ничего не сломано, разве не так? (думает девчонка без медицинского образования).

Контейнеры купаются в свете, но тени кое-где всё равно залегают.

Мириам бежит в самое сердце хранилища. Через семь рядов, минуя пять контейнеров.

Её едва не сшибает с ног вонью от протухшего фастфуда, но девушке всё равно; она опускается на корточки позади мусорного бака, пытаюсь сложиться так, чтобы поместиться между двумя контейнерами.

Она ждет.

* * *

Это был он.

Безволосый ублюдок с филейным ножом. Тот, который вырезал Луису оба глаза и вспорол ему мозг.

Очередное доказательство тому, что вся причина в Мириам. Цепочка событий раскручивается: жестокий и насмешливый диафильм, щелк, щелк, щелк — серия за серией: если бы она не села к нему в грузовик, если бы она не связалась с Эшли, если бы она не вернулась к Луису...

Но она пока всё равно не может собрать все кусочки воедино. Не понимает. Пока не понимает. Луис уехал. Они остались. Он нет. Как они свяжут её с Луисом? Что за незаконченное дело?

В этом нет никакого смысла.

Единственное, что Мириам знает наверняка — судьба никогда не проявит себя раньше положенного. Она всегда ждет до последнего, прежде чем выложить на стол все карты.

Шоу еще не окончено.

* * *

Её заметили.

Единственное оружие Мириам — сломанная палка, которую она подобрала с земли. Девушка решает, что без боя не сдастся. Она воткнет эту палку кому-нибудь в глаз. Как расплату. Некое подобие ответного удара за поступок, что ещё сам по себе не свершился. Месть путешественника во времени, доказательство дара предвидения.

— Вы в порядке? — доносится голос.

Мужчина. Не Фрэнки. Не Безволосый Ублюдок.

Ему за тридцать. Светлая борода. Очки. У лба волосы слиплись от пота, бейсболку держит в руке. Мужчина осматривается, заглядывает за мусорку.

— Мисс.

Мириам поднимается на ноги. Она не знает, как долго просидела здесь. Полчаса? Час? Дольше? Сирены появились и исчезли. Всё тихо, но некоторые автомобили всё же появляются и уезжают (и с каждым из них сердце девушки замирает).

Когда мужчина видит, как выглядит Мириам, его глаза широко распахиваются.

— У вас кровь идет, — говорит он.

Девушка не знает, что на это ответить. Мириам напоминает сэндвич, где она — в

центре, между двух элементов; раскрыть себя — значить умереть. Не о смерти она переживает. Она боится того, что будет до неё.

— Да, — говорит Мириам. Стремно. Но это все, на что она способна.

— Вы попали в аварию?

— Да, — врёт она. Хотя, может быть, это и не ложь вовсе. Она очень похожа на жертву аварии.

— Помощь нужна?

— Вы на машине? — отвечает она вопросом на вопрос.

— Ага. Я перевозил некоторые вещи на склад, пока мы не переехали в новый дом, и... простите. Вам это не интересно. Мой Форестер припаркован за углом.

— Отвезете меня куда-нибудь?

Мужчина колеблется. Он сомневается, и он прав в своих сомнениях. Мириам понимает, что кусочки не складываются. У неё в волосах нет осколков стекла. Порезы на ногах не из-за аварии. Мужчина ещё не задал в своей голове правильного вопроса, но обязательно сложит два и два. Мириам лишь надеется, что к тому времени, когда он это сделает, они будут уже далеко от этого места. «Ты проскочишь... выберешься, как крыса из норы, но чуть подальше, совсем чуть-чуть...»

— Ага, — наконец говорит он. — Безусловно. Вот сюда. Меня зовут Джеф...

Мириам делает шаг.

Мужчина, Джеф, бросает взгляд влево.

Потом его тело дергается и падает, сопровождаемое фонтаном крови и пистолетным выстрелом.

Мириам пинает мусорку и разворачивается, чтобы сбежать в другую сторону, проскользнув за контейнером и выйдя с другой стороны.

Но так не получается.

Вместо этого Мириам оказывается лицом к лицу с Безволосым Ублюдком. Он кивает.

— Как легко мы отвлекаемся на раздражители, — говорит мужчина.

Потом он делает шаг в сторону и стреляет Мириам в живот из электрошокера. Каждая клеточка её тела загорается, как гирлянда на новогодней ёлке. Жар и холод. Стена фейерверков. Такое ощущение, что все кости Мириам сейчас сломаются. Всё становится белым, ярким и страшным.

Интерлюдия

Интервью

Тело Пола лежит на нижних ступенях лестницы. Голова парня повернута под неестественным углом, подбородок смотрит вверх от плеча на девяносто градусов. Глаза открыты, уже остекленели. Рот закрыт, как будто Пол о чем-то задумался. Сумка парня лежит в нескольких шагах от него. Мобильный телефон валяется ещё чуть дальше.

Мириам спускается по ступенькам.

Минуту назад она видела, как он выходит из помещения склада.

Химическая вонь — мутный кислотный дым, поднимающийся из канализационных люков и плывущий вниз сквозь дождь, напоминающий смесь канализационных газов и запаха пестицидов — жжет Мириам нос, глаза. Она чувствует, что её вот-вот вырвет, но она убеждает себя, что это исключительно из-за городской вони.

Когда испарение рассеивается, Пол переходит дорогу.

Он смотрит на часы давно ушедшей эпохи.

Его не сбивает машина. Не поражает сердечный приступ.

Он подходит к обочине. У него звонит телефон.

Перед ним железобетонные ступени. Пол отвечает на звонок и говорит: «Привет, мам», — и вероятно, этого достаточно, чтобы отвлечься, потому что его нога подгибается, и он начинает падать.

С ним бы всё было в порядке, но в подобных ситуациях мозг и тело редко, когда действуют сообща. Туловище бы среагировало, попытавшись смягчить падение. Но мозг протестует. Поединок и полет. Паническая реакция. Вот что происходит с Полом. Он коченеет. Сжимается. Скручивается

Это его не спасло.

Пол пролетает весь лестничный пролет, где внизу сворачивает себе шею. Ломается кость. Позже Мириам прочитает, что это называется «внутренним обезглавливанием». Всё случилось очень быстро.

Мириам не обязательно находится там, чтобы увидеть. Она уже видела. Пришел его час.

Она спускается. Приостанавливается у его тела.

«Ты могла его спасти», — укоряет внутренний голос. Он всегда так говорит. Словно по команде, над головой проплывает тень. Мириам думает, что это шарик, воздушный шарик. Но когда девушка поднимает взгляд, видит лишь проплывающие мимо солнца облака.

— Мне очень жаль, Пол. Я бы не возражала, чтобы ты рассказал миру обо мне. Они бы, конечно, не поверили. Никто не верит. Но этому не суждено было случиться, приятель.

Мириам обыскивает его вещи. Забирает диктофон. Шарит в портмоне, словно стервятник, объедающий кости. Пол из состоятельной семьи, это очевидно, поскольку в кошельке у него пара сотен баксов, подарочные карты и несколько кредитных.

Ловкими пальцами она отстегивает с руки Пола такие прелестные часы с калькулятором и надевает их на своё запястье. Острый ремешок всегда будет напоминать ей, откуда появились эти часы.

Ещё какое-то время Мириам сидит рядом с Полом. Что-то попадает девушке в глаз, и она трёт его. Соринка или пылинка. Или же просто городская вонь.

Глава двадцать девятая

Непрошенный советчик

— Я бизнесмен.

От этих слов Мириам приходит в себя.

Голос принадлежит Безволосому Ублюдку.

Он разговаривает не с ней. С Эшли.

Они в машине. Нет, во внедорожнике. Кремовый кожаный салон. Чванливый; сзади на подголовниках встроены DVD экраны, USB разъемы. На передней консоли светится GPS и камера заднего вида.

Мириам сидит на заднем сидении. Она не знает чем ей заклеили рот, но не удивится, если это окажется черная изолетна, прилепленная крест-накрест.

Руки девушки крепко связаны. Ноги тоже. Мир вокруг покачивается. Всё дело не только в шокере. В памяти всплывает воспоминание — её держат руки, укол, шприц, теплое и мягкое небытие. Мимо автомобиля проносятся сосны. Темная зелень на фоне серого неба. Всё пролетает очень быстро, как-то размазано. Какие бы наркотики не ввели Мириам, они

всё ещё не вывелись из её организма.

Эшли сидит перед Мириам лицом вперед.

Безволосый расположился рядом с ним.

За рулем Харриет. Фрэнки на заднем сидении чистит пистолет. Запах оружейного масла — пьянящий, насыщенный, механический — заполняет салон автомобиля.

— Бизнес, — продолжает Безволосый, — похож на экосистему. Имеет свою иерархию, свою систематику. В нем есть пищевая цепочка, иерархический порядок. Это очень естественно.

Рот Эшли заклеен. Мириам не видит, но, судя по тому, как молодой человек дергается, он тоже связан. И руки, как и у неё, за спиной.

— Мы думаем о природе определенным образом. Думаем, что она сбалансирована. Думаем, что она по-своему справедлива. Но в ней нет справедливости. Нет баланса. Она перевешивает в пользу того, что мы определяем, как зло. Жестокость вознаграждается. Понимаете? Вот Харриет знает.

Харриет вступает в разговор. Она необычайно воодушевлена. И куда подевалась монотонность из голоса? Безупречный картонный выговор робота уступил место кровожадному ветреному тенору, в котором с каждым мгновением растер восторг.

— Мамочки-пингвинихи очень добры к своим деткам. Волки подобны знати. Шимпанзе благородны и мудры. Ложь, кругом одна ложь. Человек хочет, чтобы в природе было заложено благородство, потому что она вынуждает его самого быть благородным. Человек знает, что он стоит в цепочке выше животных, поэтому если животное может проявить благородство, то человек это сделать просто обязан. Но дело в том, что подобного нравственного эталона не существует, — говорит Харриет. В её словах сквозит сплошное презрение. — Животные по сути своей подлые и жестокие. Кошки насилуют друг друга. Муравьи порабащают других насекомых, включая даже свой собственный вид. Шимпанзе устраивают войны между своими стаями — беспричинно убивают, мочатся на трупы своих врагов, крадут их детей и бьют о скалы. Воруют женских особей и принуждают их к размножению. А порой и едят поверженных самцов.

Харриет оборачивается и Мириам замечает в её глазах маниакальный блеск.

— Природа жестока и абсурдна. Таков единственный эталон. Таков прецедент. Мы животные и, будучи частью природы, тоже должны вести себя жестоко и абсурдно.

Мириам кажется, что она замечает легкое подергивание плеча Харриет. От необъяснимого приступа удовлетворения.

Женщина возвращается к дороге.

Безволосый одаривает её аплодисментами. Мириам пытается рычать, насколько позволяет заклеенный рот.

Безволосый ублюдок оборачивается к ней и прикладывает длинный палец к своим губам.

— Шш-ш. Твоя очередь придет. Сейчас я хочу поговорить с твоим дружком. — Он переключает своё внимание на Эшли, который бледен, вспотел и похож на бутылку молока, выставленную на теплый прилавок. Он смотрит на что-то за спиной Мириам, на что-то, что совсем рядом с его сидением. — Вот, мистер Гейнс, как всё будет. Я задам вам два вопроса. Если ответите на оба честно и откровенно, я вас не убью.

Безволосый держит что-то в руках, но Мириам не видит, что именно. Она слышит металлический звон, скрип петель.

Мужчина чуть приподнимает предмет вверх.

Теперь девушка видит.

Двенадцатидюймовая, цельнометаллическая ножовка. Абсолютно новая. Ещё даже ценник не содран.

Безволосый поддевает лезвие ногтем. Дзынь, дзынь, дзынь.

— Как я уже говорил, я бизнесмен, поэтому, чтобы быть успешным, я должен быть жестоким, так что простите меня за это. Мой первый вопрос на счет девчонки. — Безволосый оборачивается и одаривает Мириам взглядом. Она не может его прочесть. Может быть, потому что он сам не может прочесть её — это понятно по его гладкому костлявому лицу. — Это правда, что она умеет? На самом деле?

Эшли мычит.

— Ой, — посмеивается Безволосый. Он срывает со рта Эшли скотч.

— Думаю, да, — выпаливает Эшли, хватая воздух ртом, вокруг которого протянулась красная полоса. — Думаю, это правда. Она верит в это.

Мириам пытается бороться. Она хочет пнуть ему прямо по лицу. Хочет прокусить свой скотч и заорать, чтобы Эшли заткнулся, что это ничего не значит, не стоит поддаваться им. Если бы у неё был хоть малейший шанс, она откусила бы ему язык. Выбросила бы его в окно. Что-нибудь. Хоть что-то.

Безволосый продолжает спрашивать.

— Теперь о моём товаре. Моём чемоданчике. Моих наркотиках. — Он медлит, делает глубокий вдох. — Где они? Что ты сделал с тем, что принадлежит мне?

Эшли заливается соловьем.

И когда он так делает, сердце Мириам холодеет.

— Он в грузовике, — говорит Эшли. — У дальнобойщика, Луиса. Я спрятал кейс в его грузовике.

Рядом с Мириам сидит Луис. Луис-призрак с залепленными глазами. Он улыбается, прикусывает нижнюю губу, словно девчонка, выпрашивающая пони.

Голова Мириам была похожа на коробку с пазлом. Но теперь всё встало по своим местам.

Мириам чувствует что-то теплое на щеках. Девушка понимает, что плачет.

Безволосый выдыхает.

— Это оказалось так легко, — улыбаясь говорит он. — Я всегда переживаю, что будет трудно. И как часто бывает, мои опасения сбываются. Благодарю тебя за сотрудничество.

Эшли переводит дыхание, посмеивается и кивает. Но потом он кое-что замечает. Его глаза мечутся туда-сюда, парень начинает заикаться:

— Нет, да ладно, не надо. Нет!

У Безволосого Ублюдка в руках пила. Мужчина двигается очень быстро.

Он наваливается на Эшли, прижимается спиной к его груди. Локтем мужчина упирается парню в челюсть так, что тот и сказать ничего не может. Безволосый держит локоть, словно он стул, подсунутый под дверную ручку.

Свободной рукой Безволосый укладывает ногу Эшли так, что она упирается в подголовник водительского кресла. Харриет, похоже, этого даже не замечает.

Безволосый оттягивает брючину своей жертвы.

Эшли вырывается, кричит, но Безволосый похож на сраного профессионала — ковбоя на родео.

— Я же рассказал! — визжит Эшли. Слова получаются неряшливыми, пузырятся, а капли крови попадают на шею и затылок Безволосого. — Я же рассказал тебе всё, что ты просил!

— И я тебе сказал, — заявляет сквозь стиснутые зубы тот, — что природа жестока. Шимпанзе, дельфины, волки. Окровавленные клыки и когти! Они понимают всю соль мести. Вот это месть! Ты испортил мне всю операцию...

Безволосый прижимает лезвие пилы к лодыжке Эшли.

— Поэтому я тебя просто покалечу.

И начинает пилить. Кулак вниз, локоть вверх.

Эшли издает такой звук, которого Мириам прежде никогда не слышала. Это крик на высоких частотах, который издают млекопитающие. Погребальная песнь.

Харриет как ни в чем не бывало продолжает вести автомобиль, несмотря на то, что её плечо орошается кровью.

Побледневший Фрэнки отворачивается.

— Это плата, — говорит он между криками.

Пила не останавливается. Вгрызается металлическими зубьями.

Мириам едва понимает, что происходит. Размытые движения. Красные брызги. Призрак Луиса рядом, насвистывающий мотивчик песни: «Я все знал».

«Сделай что-нибудь», — вопит разум.

Тело замерло. Слово его отключили от сети.

Скрежещет пила — перетирает кость. Веки Эшли трепещут.

«Прекрасно, — думает частичка Мириам. — Хер с ним. Это всё из-за него (Это всё из-за тебя, — напоминает ей другой голос, очень похожий на Луиса)». Но она понимает, когда Безволосый закончит с Эшли, он примется за неё. Что он отрежет у неё? Какими частями Мириам готова пожертвовать? Горячие слезы скатываются по щекам девушки, в мозгу что-то щелкает.

Сделай что-нибудь.

Сделай что-нибудь!

И она кое-то делает.

Мириам упирается подбородком в сидение перед собой, используя его в качестве рычага. Ноги оказываются под девушкой и она, дернувшись вверх, проталкивает себя на кресло, где сидят Безволосый и Эшли. Она едва не соскользнула из-за окровавленной кожаной обивки, но ей удалось прижаться спиной к спинке, выставив ноги вперед.

Безволосый смотрит на неё взглядом, не выражающим ничего, кроме любопытства.

— Боец, — говорит он. — Мне такие нравятся.

Мириам направляет ноги ему в голову. Но она почти потеряла контроль над телом, долгое время пролежав в позе личинки или неуклюжего червя.

Девушка попадает Безволосому в грудь.

Пила выскользывает у него из рук, но успевает перед этим сделать последний замах. Ступня Эшли повисает на тоненькой полоске кожи.

Мириам снова пинает Безволосого по впалой груди.

Позади них открывается дверь. Может быть, её специально открыл Эшли, может быть, у него это получилось случайно. Может быть, она вообще не была до конца закрыта. Мириам всё равно.

Она лишь видит, как Эшли вываливается из машины. Его тело становится тенью на

фоне дверного проема, а потом исчезает. Пространство, где он только что находился, теперь представляет собой пролетающие мимо сосны — темные иголки на фоне стального неба.

Безволосый выглядит не более, чем несколько удивленным; он откидывается назад, держать за чертову ручку над головой, вцепившись в пластик своими костлявыми, почти женскими, пальцами.

В другой руке он держит отпиленную ногу Эшли.

Он взирает на неё так, как учитель смотрит на яблоко, предложенное ему учеником.

Мириам понимает, что у неё есть считанные минуты.

Она пытается оттолкнуться ногами. Если ей удастся добраться до противоположной двери и, прижавшись спиной к дверце, нащупать ручку и открыть её, то она свободна. Но кровь... её слишком много. Так бывает в кошмаре, когда ты пытаешься убежать: ноги скользят по мокрому бетону. Кряхтя, Мириам толкается снова и снова, дергая ногами, надеясь, что они найдут опору...

И у девушки получается. Она спиной бьется о дверь Эскалейда. Пальцы ищут вслепую, пытаются нащупать дверную ручку.

— Нет, — говорит Безволосый так, словно управляет реальностью.

— Пшл ты, — мычит Мириам сквозь заклеенный рот.

— Заблокируй двери! — кричит Безволосый... но уже слишком поздно.

Дверь распаивается и Мириам летит следом.

Она понимает, что дальше всё будет стремно. Удар об асфальт? На скорости в шестьдесят миль в час? Тоже самое, если жучок прыгнет на шлифовальный станок. Гравий сточит всю заднюю часть черепа. Это самоубийство.

Но эта идея не смущает Мириам.

Однако её голова с асфальтом так и не встречается.

Пара рук держит Мириам за лодыжки. Безволосый. Голова девушки болтается за дверью, волосы подметают асфальт. Свист ветра наполняет уши. Мириам ощущает аромат сосен и соленой воды, причудливый химический запах Нью-Джерси. Она обоняет запах свободы, но он не для её мира...

...который меняет направление, словно пленку отматывают назад.

Безволосый затаскивает Мириам обратно в машину. Его лицо нависает над девушкой.

Она подумывает над тем, чтобы врезать ему лбом, но он, похоже, понимает, о чем она думает, поэтому прижимает окровавленную руку ко лбу Мириам.

В другой руке появляется шприц.

Девушка пытается вырваться. С кончика иглы сочится прозрачная жидкость. Пойманная ветром от открытой двери, она дрожит и танцует на весу.

— Скоро поговорим, — обещает Безволосый.

И вгоняет иглу Мириам в шею.

— Нгм-м-м! — вопит девушка сквозь скотч.

Мир содрогается и разламывается на части. Его осколки несут её во тьму.

Глава тридцатая

Пустошь

Мир течет медленно. Все размазано краской по канве, ступки сползают по холсту вниз.

Мириам ощущает подмышками чьи-то руки. Ноги волочатся по земле. Серое небо освещается послеполуденным солнцем. Летают москиты. Бледные сосны отбрасывают

длинные тени, у которых имеются пальцы, что, кажется, хотят разодрать Мириам на клочки.

Впереди идет Безволосый. Его белый блейзер заляпан кровью.

Кровью Эшли.

Отрезанная ступня, качаясь туда-сюда, покоится в прозрачном пакете-холодильнике, который несет Безволосый Ублюдок.

Время растягивается. Потом расширяется.

Они нигде. Ещё больше деревьев. Перевернутая ванночка для ног валяется на мшистом холмике, её половина отдана во власть какой-то черной плесени.

На тяжелой цепи покачиваются качели. На крышке сидит огромный черный ворон, наблюдая за ходом качели, словно ему нравится за ней следить.

Мириам шагает по ракушкам. Они хрупкие. Ломаются под ногами.

Девушка пытается что-то сказать. Рот по-прежнему заклеен. Раздается только какое-то мычание. Девушка дышит через нос, получается протяжный свист.

Впереди возникает небольшой домик. Белый сайдинг, снизу окаймленный мхом.

«По крайней мере, это не очередной мотель», — думает она.

И ускользает в беспомыслие.

* * *

Вжух.

Глаза Мириам распахиваются. Мир врывается в сознание свистом ветра: кровь стучит в ушах, подводное течение тянет девушку обратно в сознание.

Мириам понимает, что подвешена в душевой, выложенной выцветшей плиткой цвета морской пены.

Связанные руки закинута на душевое крепление.

Ноги, тоже связанные, едва касаются ванны. Девушке приходится стоять на цыпочках. Её не на что опереться, приходится лишь извиваться как уж на сковородке.

Фрэнки стоит в дверном проеме, очень невысоком для мужчины. Ему приходится наклоняться.

Безволосый расслабленно сидит на крышке унитаза. Потёки засохшей крови (словно размазанная тушь) окрашивают его щеки. На коленях мужчины лежит дневник Мириам. Безволосый аккуратно его закрывает.

Харриет машет сорванным с губ Мириам скотчем у неё перед носом — какова насмешка — и пятится.

— Я прочитал, — говорит Безволосый, постукивая пальцем по обложке дневника.

— Пошел на хер, — бормочет Мириам.

Безволосый качает головой, пока Харриет натягивает черную перчатку.

— Такое надоедливое повторение. Пошло на хер это, пошло на хер то, пошла я на хер, пошел на хер ты. Такая грубая маленькая девочка. Харриет, видишь призрачные остатки синяка у неё на глазу? Давай-ка воскресим мертвого.

Харриет делает шаг к ванне и бьет кулаком в перчатке Мириам прямо в глаз. Голова девушки откидывается назад.

— Вот так, — говорит Безволосый. — Это напомним тебе, что нужно быть вежливой, когда ты находишься в такой уважаемой компании. Кстати, о мертвых. Между тобой и мертвыми существует весьма близкая связь, не так ли?

— Умиравшими, — хрипит Мириам. — Еще не мертвыми.

— Да, но мы же все умираем, разве нет?

— Умираем. Верно подмечено.

— Благодарю. Видишь? Вот про эту вежливость я говорил. — Безволосый берет в руки блокнот. — Я верю, все здесь написанное правда. Не думаю, что это просто фантазии невменяемой девчонки. Какой ты, в принципе, можешь быть. Не возражаешь, если я расскажу тебе про мою бабушку, про мою ома?

— Да сколько угодно. Я никуда не спешу.

Безволосый улыбается. В его глазах появляются сполохи воспоминаний о чем-то очень ему дорогом.

Интерлюдия

Ведьма

Моя бабушка Мильба была ведьмой.

Даже будучи маленькой девочкой, собирающей клюкву на болоте, она могла видеть разные вещи. Её видения не приходили непрошенными, так она изучала окружающий мир. Дотрагивалась до чего-нибудь и эти предметы, предметы природы или что-то с того же болота, показывали ей что грядет.

Если она находила кости змеи, могла взять их руки и покатавать в своих маленьких пальчиках. Тогда болотная вода отступала и там ома видела то, что случится с её отцом на базаре, или то, что сестра загонит занозу под ноготь.

Она могла катать по ладони красную ягоду и читать по её раздавленным внутренностям. А они рассказывали ей про погоду. Положив руку на кору дерева, бабушка узнавала где свили гнездо птицы, а сломав шею кролику, могла увидеть где прячется остальное его семейство.

Позже, когда я был ребенком и мы переехали в эту страну, моя ома сидела на крыльце нашего дома и точила ножи. Она собирала горох или расщёлкивала бобы и подносила ближе к глазам, чтобы они могли говорить с ней. К старости бабуля стала маленькой и сухонькой, с артритными суставами и носом, похожим на рыбный крючок. Соседи думали, что она странная, поскольку постоянно что-то лепетала, и стали называть её ведьмой.

Они называли её ведьмой и это было как оскорбление. Они ведь не знали, что у неё видения. Они не знали всей правды.

Но однажды они придут, чтобы узнать.

Но потом настал тот день, когда надо мной начали издеваться в школе. Я был ребенком худым и болезненным, а то, что я родился без единого волоска на теле, ситуацию лишь усугубляло. Как и то, что мой английский тогда был не очень хорош, и у меня часто возникали проблемы в произношении.

Мальчик, который надо мной измывался, был евреем и звали его Аарон. Он был широк к талии, у него были крепкие мускулы и вьющиеся волосы. Он сказал, что ненавидит меня, потому что я немец, «чертов наци», хотя я немцем не был. Я голландец, говорил ему я, голландец.

Но это ничего не значило. Сначала он делал именно то, что вы ожидаете. Держал меня и бил, пока из носа не начинала идти кровь, а тело не покрывалось синяками.

Но с каждым днем мучения становились всё изощреннее.

Он жег мне руки спичками. Засовывал в уши разные предметы — камушки, палочки, муравьев, — пока я не подхватил инфекцию. Он становился всё более наглым и жестоким. Заставлял меня спускать штаны и проделывал всякие разные вещи — резал бедра ножом и колол ягодицы.

Так что я пришел к бабушке. Хотел знать, когда же всё это закончится. Я попросил её показать, показать конец. Я ведь знал какая она, что она умеет, но всегда этого боялся — её боялся, — боялся спросить. Но тогда я был в полнейшем отчаянии.

Ома сказала, что поможет мне. Она усадила меня и сказала: «Не бойся того что я вижу, потому что это всё естественно. Такова природа. Я вижу вещи и это так же нормально, как кости или листья, или крылья, пророчащие о том, что грядет. У природы свой, странный, баланс, и в том, что я вижу не больше волшебства, чем в том, что ты видишь почтовый ящик или идущего человека, когда смотришь на дорогу. Я просто вижу то, насколько всё сбалансированно».

У омы был мешочек с зубами животных, которые она собирала на протяжении многих лет, она высыпала их передо мной. Бабуля заставила меня сорвать одну из корост, появившихся на месте ожога от спички, а когда выступило немного крови, смазала её своими пальцами и провела по разбросанным зубам.

Ома сказала мне:

— Твои страдания скоро закончатся. Завтра ночью.

Я был в восторге и ответил:

— Так скоро?

Она подтвердила. Ведь она это предвидела. Аарон встретит свой конец.

— Он умрет? — спросил я.

Она кивнула. А я не расстроился. Мне не стало грустно. Я ощутил радость.

Той ночью я ждал. Ждал так, как ребенок ждет Рождественское утро. Я не спал. Был слишком взволнован и немного напуган.

Слышал снаружи какие-то звуки. Царапанье. Металл о камень.

Это была Ома. Она взяла один из кухонных ножей, что точила на крыльце, и пошла к дому Аарона, который стоял на нашей улице примерно через милю. Высохшей тенью она прокралась в его комнату. И пока он спал, ударила его ножом. Сто раз.

Она вернулась ко мне в комнату, рассказала, что сделала и отдала мне нож.

— Порой мы должны выбрать свой путь на дороге, — сказала она.

А потом ушла на улицу ждать.

Они пришли за ней рано утром. Она не делала тайны из своего поступка — её платье всё было покрыто кровью того хулигана. Не знаю, зачем они пришли, может, чтобы убить, но они всё равно опоздали.

Она умерла там, на веранде.

Согбенная маленькая фигурка, похожая на плакучую иву. Мертвая.

Я её оплакал.

По Аарону я не скорбел.

Глава тридцать первая

Безволосый Ублюдок подышает

— Какая замечательная история, — говорит Мириам. — Мне нравится в ней то, что она ни коем образом не доказывает магических способностей твоей бабули. Она утверждает, что всё будет хорошо, а потом просто идет и убивает мальчишку. Это просто супер. Я прекрасно понимаю, почему ты от этого в восторге.

Улыбка Безволосого испаряется. Его тон становится резким, острым.

— Попридержи язык или я его отрежу. Ома — истинный дух. Она спасла мне жизнь,

когда у меня на это уже не осталось сил.

Мириам ничего не отвечает. В том месте, куда Харриет её ударила, пульсирует кольцо боли.

Маленькая, приземистая женщина ходит туда-сюда перед ванной, всё ещё сжимая кулаки.

— Ещё она научила меня, что у Вселенной есть свои правила. Правила, скрытые от людей до тех пор, пока кто-нибудь один не поднимет бревно и не увидит, что под ним.

Безволосый достаёт свой мешочек и трясёт им. Раздается звук, похожий на стук костей.

— Я собираю кости. По ним я читаю.

Мириам пытается прокашляться.

— Круто, ты тоже владеешь вуду.

Какое-то время Безволосый Ублюдок молчит. Потом кивает.

— Да.

Мириам на его месте не была бы так уверена. Она думает, он врет. Может быть, он сам себя в этом убедил, или же просто пытается убедить остальных.

— Однако, — говорит он, — ты обладаешь способностями, гораздо более ценными, чем владеет большинство. Твои способности равны умениям моей бабушки. Это впечатляет меня. И возбуждает.

— Всегда рада развлечь.

— Мне в моей организации нужны хорошие люди.

— И что это за организация такая?

— Купи-продай.

— Наркотики, наркотики, наркотики, наркотики, секс-рабы, наркотики.

Он сверкает глазами.

— Я не могу тебе помочь, — говорит она.

— Можешь. У тебя видения. И ты отнюдь не человек морали.

— Подобные слова жалят, — говорит Мириам. Так и есть. Она говорит, что всё это смешно, но они и правда жалят. Неужели злой человек решил, что нашел себе певчую птичку? — Я плохая девочка, но не плохой человек.

— А есть разница?

Глаза Мириам похожи на два отверстия, которые сочатся ненавистью.

— Я так не думаю, — говорит Безволосый, перебирая длинными пальцами дневник девушки. — Тогда ты работаешь на меня. Добро пожаловать в команду. Организация высоко ценит твои способности.

— Хотела бы обсудить, какова моя выгода.

Безволосый посмеивается.

— Мне не нужны никакие пособия по здоровью, я слишком много пью, а курю ещё больше. По сути, я бы сейчас за сигаретку руку отдала. Так что в обмен на то, что я сберегу ваши деньги и не потребую страховку (а эти компании ещё те вампиры, знаете ли), я предлагаю, чтобы вы просто оставили моего друга Луиса в покое. Просто не трогайте его.

— А как же мой чемоданчик?

— Я могу его достать. Позволь сходить за ним. Принесу, без вопросов.

— Это ты мне предлагаешь? Это переговоры у нас такие?

— Да. Я буду работать на тебя, если ты его отпустишь.

Мириам видит, что мужчина задумался. Предложение проплывает перед его лицом,

словно тень. Он выпячивает подбородок. Проводит рукой по своей сраной безволосой голове. А потом Мириам осознает: он играет с ней. Водит девушку за нос.

— Хм-м-м, — гудит он. — Нет.

— Отлично, тогда я на тебя работать не буду.

— Ты не в том положении, чтобы торговаться. Самый слабый волк в стае не ведет переговоров с альфа-самцом за кусочек покрупнее. Ты не станешь меня уважать, если я удовлетворю твои желания. Мне кажется, ты из тех, как бы это сказать? Строишь из себя милую девочку, а уступи я сейчас, ты и руку откусишь. Я тебе не папочка.

— Да уж, ни хрена. Ты урод, который не может стать отцом даже отцу. Хотя, я думаю, ты очень старался, сраный ты бритоголовый извращенец.

— Кроме того, — говорит Безволосый, не обращая на Мириам никакого внимания, — очевидно, что этот дальнобойщик тебе не безразличен. Так что здесь двойное нет. Я предпочитаю исключать те вещи, которые важны для человека, чтобы он принадлежал только мне.

Он подходит к ванной, оставив дневник на крышке унитаза.

Ставит одну ногу на край ванны. Проводит руками вдоль бёдер Мириам — он не касается их, просто ведет очень близко. Они проплывают вдоль живота девушки, её груди.

— Я единственное, что должно тебя волновать. Моё одобрение. Моя улыбка. Вот они знают.

Харриет и Фрэнки переглядываются. Фрэнки несколько некомфортно, а вот некогда тусклые глаза Харриет мерцают, словно зеркала.

— И вот тебе моё первое задание, — его ловкие пальцы дрейфуют над ключицами и шеей Мириам. Перед девушкой проплывает видение, в котором она освобождает руки (словно она невеста невероятного Халка), отрывает душ от стены и с размаху опускает его на сияющий купол Безволосого. — Сказать, как я умру.

Мириам копит слюну во рту и плюет Безволосому прямо в лицо. В яблочко!

— Нет.

Мужчина вытирает глаза тыльной стороной руки.

— Я знаю, достаточно просто прикоснуться кожей к коже, — говорит он.

И он хватает Мириам за подбородок своими костлявыми пальцами...

Из ночного клуба доносятся звуки ударных; переулочек купается в тених и неоновом свечении вывесок. Безволосый выступает из длинной тени. Он один, без Харриет и Фрэнки.

Костюм нежно-розового цвета, блестящие туфли сверкают, несмотря на то, что стоит ночь.

На лице мужчины пролегли глубокие морщины. Даже кожа на голове со временем натянулась. Прошло лет семь, вернее, почти восемь.

Черные туфли Безволосого направляются к задней двери ночного клуба.

Взгляд Безволосого незаметно скользит по округе: появляется черный сукин сын с такой темной кожей, словно это вулканическое стекло. На мистере Полночь надет черный жилет, расстегнутый спереди так, что видно влажную грудь с африканскими пучками волос, обсыпавшими обсидиановую плоть.

Дверь на верхней площадке лестницы открывается с почти неслышным скрипом. Больше ничего не происходит.

Мистер Полночь двигается совершенно беззвучно. Он уже на ступеньках. Одна огромная нога опускается за другой и вот он уже за спиной Безволосого.

Тот делает вид, что не замечает.

Когда мистер Полночь делает свой шаг, Безволосый Ублюдок к этому готов.

Огромный сукин сын, словно из ниоткуда, достает изогнутый клинок. И опускает его на Безволосого, или должен был пустить. Вместо того лезвие целует воздух, когда мужчина легко поворачивается и прижимается к перилам.

Вспышка металла. Рука Безволосого словно танцует (как рука художника).

Опасное лезвие вырезает на груди мистера Полночь X-образный узор.

Огромный сукин сын не обращает на это никакого внимания. Его локоть врезается в запястье Безволосого. Лезвие вылетает и падает на металлические ступеньки.

Наверху снова распахивается дверь. Музыка становится громче.

Двумя своими длинными пальцами Безволосый берет голову мистера Полночь таким же образом, как берут огромный гамбургер. И ест. Он кусает громадину за нос, щеки, челюсть. Выворачивает голову и так и сяк. Кровь летит на стены и ступени.

Мистер Полночь кричит.

Потом следует два выстрела.

Кто-то появился на верхней площадке лестницы — наркоман в вязанной шапочке, опущенной почти на глаза. Его щеки мет уже отметил щербинами.

В руке дымится пистолет 38 калибра. Две кровавые розы расцветают на спине Безволосого, и он выпускает мистера Полночь. Огромный сукин сын, закрыв истерзанное лицо руками, идет куда не знает сам. Безволосый с легкостью вырывает у него из рук клинок.

Потом поворачивается к наркоману, высоко вскинув лезвие.

На лице мужчины застыла ухмылка, рот стал пунцовым.

Безволосый делает выпад в сторону наркомана.

Лезвие рассекает голову того прямо по середине.

Пистолет выпадает из рук наркомана.

Мозг порхает в голове Безволосого, словно кто-то выплескивает грязную воду.

На лице появляется кровавый зигзаг. Он оглядывается. Опускается на ступеньки, когда рядом приземляется наркоман. Из носа по губам течет кровь, Безволосый слизывает её и делает вид, словно пробует её на вкус, раздумывает, не стать ли каннибалом. А потом заваливается на бок, мертвый.

...он стискивает щеки Мириам так сильно, что зубы невольно впиваются в них с внутренней стороны.

Но Безволосый не отпускает её, внимательно глядя девушке в глаза.

— Ты видела, — шепчет он. — Ты видела, как я умру.

Мириам кивает настолько, насколько позволяет его хватка.

Сияя, Безволосый её отпускает. Он жаждет. Взволнован.

— Рассказывай. Расскажи мне немедленно.

Мириам выдавливает печальную улыбочку.

— Я тебя убью, — врет она. — Я. Пристрелю прямо в голову.

Безволосый изучающе вглядывается в лицо Мириам. В его взгляде слегка проглядывает паника. «Ты можешь заставить меня видеть, — думает она, — но ты не можешь заставить меня рассказать тебе, что я увидела».

— Она врет, — говорит Харриет. — Я вижу.

Безволосый делает шаг назад.

— Ты мне расскажешь, — говорит он, но всё ещё как-то неуверенно. — Ты мне расскажешь, чтобы я смог всё изменить. Я изменю судьбу. Я избегу смерти с твоей помощью, так или иначе.

— Так это не работает, — говорит Мириам, чувствуя металлический привкус там, где прокусила щеку. — Ты не сможешь сломать систему. Дом всегда выигрывает.

— Я другой.

У Безволосого звонит телефон. Он его достает, смотрит на номер и наставляет палец на Фрэнки.

— Ты. Пусть наш новый сотрудник немного отдохнет.

Безволосый отвечает на звонок, тогда как Фрэнки исчезает за дверью и появляется с новым шприцем.

Мириам пытается вырваться, надеясь сломать душ или, может быть, разрушить весь дом.

Фрэнки втыкает иглу ей в шею.

— Да, — говорит в трубку Безволосый.

Мир по краям обрубается. Становится размазанным и затемненным.

— Место определили? — слышит Мириам голос Безволосого, но он словно доносится из-за стекла. Слова текут медленно. Мед, патока, чёрная смола. — Ты знаешь где дальнбойщик?

«Луис», — думает она.

Но тут её целует тьма. Гаснет свет.

Интерлюдия

Сон

Мать Мириам сидит за столом, но дочери не замечает. Вернее, не может заметить. Очень жаль. Мириам не видела её восемь лет, но это не считается, потому что это сон, и девушка об этом знает.

Мать выглядит измученной, ссохшейся и сморщенной, словно курага. Она не так стара, на самом деле. Время — ненастоящее время, время сна, время в сумасшедшей голове Мириам — сделало своё дело.

— Всё почти закончилось, — говорит сзади Луис.

Изоленга на глазах шевелится, поднимается и опадает.

— Ага, — говорит Мириам.

— На что мы смотрим? — Луис бросает взгляд на запястье туда, где обычно застегнуты часы, хотя у него на руке их нет. — Двадцать четыре часа или около того.

Мать открывает Библию, изучает страницы.

— Но если жертва принесена по обету, — говорит мать, — или как добровольное приношение, пусть ее едят в тот день, когда ее принесли, а остаток можно будет есть и на следующий. Однако мясо жертвы, которое останется к третьему дню, нужно сжечь [18].

Мириам безучастно кивает, она погружена в свои мысли.

— Что есть, то есть? Забавно, что ты об этом знаешь, ведь это значит, что знаю я, а я — не знаю. Я не видела часов с тех самых пор как... ехала на машине.

— Может, всё дело в том, что подсознание — это очень мощная штука.

— Полагаю, так и есть.

— А может, просто я что-то такое огромное и подлое. Может, я сама Смерть. Может, Абаддон, Властелин Преисподней, Шива, Разрушитель мира. А может, я просто пучок

ниток, обрезанных безвкусыными ножницами Атропоса — спутанный клубок судеб, лежащий у твоих ног.

— Это просто замечательно. Вот спасибо тебе, что издеваешься надо мной в моем собственном сне.

Мать Мириам начинает говорить снова:

— Все звери, птицы, пресмыкающиеся и морские животные могут быть укрощены и укрощаются человеком, но язык никто из людей укротить не может. Он — необузданное зло, полное смертоносного яда [19].

— Мам, замолчи. — Потом, обращаясь к Луису, Мириам говорит: — Так она всегда давала понять, что у меня нечистый рот.

— Это ты говоришь, что он у тебя нечистый.

— Без разницы.

— Что случится дальше? — интересуется Луис.

— Полагаю, ничего. Последний раз как себя помню, я была подвешена в грязном душе заплесневелого коттеджа где-то в самом центре задницы Нью-Джерси. А посему я не строю никаких планов.

— Значит больше спасти меня ты не намерена?

— Ну, судя по моим возможностям...

— Отдавай и тебе воздастся, — перебивает девушку мать.

— Мам, я разговариваю.

— Ибо какую мерою мерите, такую и вам будут мерить, — продолжает мать [20].

— Как я уже сказала! — рывкает Мириам, надеясь вывести свою воображаемую мать из библейского равновесия. Женщина не двигается с места. Она как камень в почке — никуда не выходит. — Как я уже сказала, у меня нет такой возможности. Я перестала играть в спасителя, перестала думать, будто могу что-то изменить.

— Звучит ужасно фаталистически.

— Фаталистически. Фатально. Фат, судьба. Ты только посмотри, разве язык не играет с нами? Вот я глупая, никогда прежде не замечала связи. Рок и судьба. Это тебе о чем-то говорит, не так ли? Это говорит о том, что вся наша судьба — телега, запряженная ослом, который тянет её вдоль края. Судьба всякого — умереть, так зачем это предотвращать? Мы все падаем в пропасть вместе с ослом и все... игра окончена. Я вижу смерть людей. Я вижу, как играет с ними судьба. Я и раньше ничего с этим не могла поделать. Это тоже самое, что пытаться остановить поезд, подложив на рельсы пенни.

— Это сработает.

— Нет, так что заткнись. Я проклята, а это значит, ты проклят тоже.

— Он выкалывает мне глаза.

У Мириам холодеет сердце.

— Я знаю.

— Перед смертью я называю твоё имя. Разве это не странно?

— Нет, — врёт она.

— Я умру.

— Все умирают.

— Я умру с болью, меня запытают до смерти.

— Что есть, то есть.

— Это ты со мной сделала. Ты должна это предотвратить.

— Что судьба хочет, судьба получает.

Мать поворачивается к Мириам.

Она заглядывает дочери в глаза. Несмотря на то, что женщина сидит, она дотягивается своими удлиняющимися руками до Мириам. Тянется через всю комнату и тащит девушку к себе. Мир смещается, растягивается, размывается в полосках света.

Мать в это время говорит:

— Не поддавайся жалости! Жизнь за жизнь. Глаз за глаз. Зуб за зуб. За руку — рука. За ногу — нога. [21]

— Я не понимаю, — запнувшись на словах, говорит Мириам.

И тут сон резко обрывается.

Глава тридцать вторая

Разве не грандиозная пытка?

Резко обрывается ударом кулака.

Кулаком Харриет. Прямо в солнечное сплетение Мириам. Воздух, словно высасывают из легких. Она хотела бы раздвоиться, если бы могла, но не может, поэтому кашляет так сильно, будто желает изгнать из своей грудной клетки стаю горностаев.

— Очнулась? — интересуется Харриет.

Мириам пытается сморгнуть дымку от наркотиков, которые ей вколол Фрэнки. Она обращает внимание на то что на Харриет надеты черные перчатки. «Значит я не увижу, как она умрет? Неужели она привыкла всё настолько контролировать?»

— В некоторой степени... — хочет произнести Мириам, но у неё лишь получается хрипеть и мычать, она пытается отдышаться.

— Солнечное сплетение — отличное место, куда надо бить, — объясняет Харриет. — По крайней мере, если твоя цель не тренирована. Здесь сосредоточено колоссальное скопление нервных окончаний. Бойцы умеют напрягать и защищать эту область. Они укрепляют мышцы, делая из них некое подобие брони. Но у всех остальных это прекрасная и легкая мишень для удара.

Мириам делает ещё один вдох, чувствуя, что тело пришло в норму.

— Спасибо за урок боёв ММА, Тито Орtiz.

— Я не знаю кто это.

Мириам облизывает сухие потрескавшиеся губы.

— Не удивлена. Всё же благодарю за то, что вырвала меня из забытья. Там становилось слишком жутко; похоже, моя голова уже не то место, где чувствуешь себя в безопасности, как мне кажется. Так и чем я обязана такому удовольствию?

Харриет поворачивает руку торцом и бьет Мириам по шее.

Девушка опять задыхается и ловит ртом воздух. Лицо становится красным. Такое ощущение, что глаза либо сейчас втянутся в мозг, либо вывалятся наружу прямо на пол.

— Сосцевидный отросток, — уточняет Харриет. — Защищает трахею. Ударь по нему и получишь своего рода кляп. Рвотный рефлекс — отличное подспорье в бою. У тела начинается паника, а это дает нападающему определенные преимущества.

Когда Мириам может снова дышать нормально и ей удается подавить порыв выплюнуть пыль и песок из своего живота, она говорит:

— К чему этот... — Мириам откашливается, — прямой репортаж с места событий?

— Просто я хочу, чтобы ты знала, я понимаю, что делаю.

— И всё же, зачем?

— Чтобы выработать у тебя инстинкт страха передо мной. В конце концов, само моё присутствие станет для тебя пыткой. Если человек будет жестоко обращаться с собакой, она будет бояться людей. Собака становится слабой. Существо живет от схватки до схватки, всегда готовое обоссаться и поджать хвост.

Мириам едва не смеётся.

— Поверь мне, я тебя боюсь. Боюсь всего того дерьма, что льется из тебя. Хотя, по правде говоря, я и твоей прически боюсь. Выглядит так, словно кто-то прошелся по голове тесаком. Иисусе, ты могла бы этой челкой перерезать кому угодно горло.

Харриет в ответ просто наносит три удара по подмышкам Мириам.

Тело девушки вопит от боли. Мириам кричит.

— Подмышка. Ещё один центр большого скопления нервных окончаний.

— Что тебе нужно? — кричит Мириам. — О чем ты хочешь спросить? Я скажу тебе! Просто спроси. Пожалуйста, хватит. Остановись.

— Умоляешь. Что-то новенькое для тебя.

Мириам чуть не плачет.

— Мне нравится чувствовать себя разносторонней. Словно я акула, плыви вперед или умри. Просто спроси то, о чем хочешь спросить. Я как открытая книга.

— Мне нечего у тебя спрашивать.

— Ты не пытаешься вытянуть из меня, как умрет Безволосый?

Харриет качает головой.

— Тогда зачем всё это делаешь?

Харриет улыбается. Это страшное зрелище. У неё мелкие, крошечные белые зубки.

— Потому что мне это нравится.

«Дерьмо. Она тебя убьет».

Мириам должна найти выход. Упредить и предотвратить.

До неё доходит:

— Безволосый хочет, чтобы ты мучила меня бесконечно? Выглядит несколько странным, что ты издеваешься над своей новой коллегой, избивая её до кровавых соплей.

— Он ни о чем не знает. Это моя инициатива. Только моя. — Глаза Харриет мерцают. — Иногда девочке нужно просто уделить время себе любимой.

— Сделать маникюр-педикюр?

Харриет закидывает ногу на ободок ванны.

— Ты и я, — говорит она, — мы похожи.

— Это точно, — соглашается Мириам. А сама думает, что это возможно лишь в каком-то параллельном мире.

— Мы обе из тех, кто стремится выжить. Мы обе поступаем так как должны, чтобы для нас настал следующий день. Но что более важно, нам обоим нравится то, что мы делаем. Ты чудовище, и я чудовище, и мы это принимаем. Конечно, я в несколько большей степени, чем ты. Ты всё ещё делаешь вид, что ты в беде, измучена, что ты королева мелкой драмы, чья рука так элегантно прижата к затылку... о, горе мне. Я это проходила.

— Тебя ничего не беспокоит и не мучает? — интересуется Мириам.

— Ничего, что меня бы тревожило. Я давным-давно всё это пережила.

— И как ты справляешься?

— Ингерсолл указал мне способ.

— Безволосый? И как? Бьюсь об заклад, это очень интересная история.

Харриет рассказывает ей.

Интерлюдия

История Харриет

Я изрубила мужа на кусочки и выбросила его в измельчитель для мусора.

Глава тридцать третья

Коротко, но не ясно

Мириам ждет продолжения.

Харриет стоит сжав челюсть и разминая кулаки.

Где-то верещат сверчки. Перекачивается перекасти-поле. Между Мириам и Харриет располагается огромная пучина, широкое пространство, на котором лишь завывает ветер.

Для попытки оттянуть время уже неплохо.

— И всё? — говорит Мириам.

Харриет выглядит сбитой с толку.

— Что ты имеешь в виду?

— Это не история. Это конец истории.

— Мне подходит.

— Мне кажется, — говорит Мириам, — что-то здесь не чисто. Ты не можешь в один день взять и покровить своего мужа, спустив его в... измельчитель? Правда?

— Это вполне выполнимо, — без всяких эмоций говорит Харриет. — Я не про кости. А про всё остальное.

— Своего мужа.

— Моего мужа.

И снова тишина. Дом оседает: скрипит, трескается, — звук похож на тот, когда десертной ложечкой разбивают слой жженого сахара на крем-брюле.

— Я просто... мне кажется, что это не вся история.

Харриет подходит к Мириам и бьет её локтем в лицо. Вернее, в челюсть. У девушки перед глазами проносится белая вспышка, словно вихрь космического пространства всасывается в черную дыру. Она снова ощущает во рту кровь. Язык лениво гоняет в полости рта зуб.

Мириам поворачивает голову и сплевывает алую жидкость на бледные плитки пола. Плюет еще. Сначала она думает о том, чтобы прицельно попасть в Харриет, но не может даже представить, каковы будут последствия. Может быть, чуть позже.

— Хоо-о-орошоо-о, — говорит Мириам, уже чувствуя, как раздувается губа, — значит в один прекрасный день ты, бац, и запихнула мужа в измельчитель.

— Вполне заслуженно, если ты об этом.

— Не об этом. Однако, вопреки всему сказанному тобой ранее, это не конец истории. — Мириам моргает. — Мне кажется, у меня кровь стекает изо рта.

— Так и есть.

— О, просто отлично.

У Харриет вибрирует мобильный телефон. Она открывает его так, чтобы Мириам не был виден экран. На её лице нет абсолютно никаких эмоций, но женщина медлит, словно что-то обдумывая.

Потом наконец Харриет пожимает плечами и рассказывает историю целиком.

Интерлюдия

История Харриет

На сей раз со всеми чувствами

Уолтер никогда ничего для меня не значил.

Я вышла за него, потому что так положено. Так сделала моя мать. Моя бабушка. Так поступали все девчонки по соседству. Они находили парня и жили с ним и в горе, и в радости. В мои времена женщина была опорой. Ходячим стулом. Пылесосом с сиськами.

У моего мужа никогда не было чувства элегантности, ни следа понятия о следствии и последствии.

Когда на побережье приходит шторм, он оставляет за собой лишь мусор. Унесенные доски, бумажные стаканчики, обломки, обрывки. Ничего, кроме мусора и поломанных вещей.

Таким был Уолтер. Он приходил с работы домой (менеджер по продажам на заводе по производству краски; продавал красители и пигменты косметическим производителям) и целью его было уничтожение всего, что я создавала.

Вот что я помню про Уолтера. Следы его пребывания.

Его ботинки были испачканы пигментом, они оставляли следы на ковре.

Он скидывал их под кофейным столиком и бросал прямо там.

Грязные отпечатки пальцев на рубашке, занавесках, подлокотниках кресла.

Галстук висит на дверной ручье или в изголовье кровати.

Стакан с жирными отпечатками на углу прикроватной тумбочки.

Его прикосновение было подобно раку. Он касается какой-нибудь хорошей вещи — порядка, чистоты, идеальности — и разрушает её, ослабляет, делает грязным.

Наша интимная жизнь ничем от этого не отличалась. Он ложился на меня, сопел и кряхтел. Всегда с громкими хлопками, похожими на хор аплодирующих лягушек.

Его руки всегда были липкими от пота. Как и волосы к концу акта. Я чувствовала себя так, словно тону. В течение дня он жрал сэндвичи. Масло, уксус, лук, чеснок. И всё это выходило вместе с потом; как бы он до меня не дотрагивался, везде оставался этот запах. Я всегда чувствовала себя жирной. Залапанной. Растленной.

Уолтер был неуклюжей обезьяной.

Спустя три года Уолтер захотел детей. Он сказал мне об этом прямо за ужином. Вместе мы никогда не ели; он всегда сидел за кофейным столиком, а я была в другой комнате, в укромном уголке для завтрака. Ждала, когда он закончит, чтобы я могла приступить к уборке того говна, что он после себя оставит.

Тем вечером я приготовила ригатони в розовом соусе, водочном соусе. Я прекрасно это помню. Одна из лапшичек выпрыгнула на край тарелки — он всегда ел очень неряшливо — и упала на ковер. Она была похожа на червяка. Расплавленный пармезан уже застывал на ворсе. Розовый соус почти впитался. Я подумала, что придется чистить весь ковер. Снова.

Вот тогда он это и сказал.

Он встал, положил мне руку на поясницу, когда я нагнулась, чтобы подобрать лапшу, и сказал, как само собой разумеющееся:

— Давай заведем детей.

Три слова. Каждое из них — кусок грязи. Каждое из них — грязная лапша на ковре.

Я встала и совершила свой первый акт неповиновения.

Я сказала:

— Я заведу детей тогда, когда ты перестанешь вести себя как маленький чумазый ребенок.

У Уолтера был шанс. Он мог спастись. Мог сказать что-нибудь приятное или просто промолчать.

Но открыл свой рот и сказал:

— Следи за своим поганым языком.

И он сделал... это. Схватил меня за запястье — запястье той руки, которой я держала ту дурацкую лапшичку — и сжал так сильно, что стало больно. Он хотел сделать больно. Я видела это в его глазах.

Я выдернула руку.

— Вот и чудненько, — сказал он.

А потом я ушла на кухню.

Подошла к блендеру. Это был старый прибор с двумя скоростями, прочной основой и тяжелым стеклянным стаканом.

Я взяла его за ручку и понесла обратно в гостиную.

Уолтер сидел, откинувшись в своём кресле. Он посмотрел на меня, когда я вошла.

— И что ты собираешься с этим делать? — поинтересовался он.

А я ударила его этим прибором по голове.

Это не вырубило его, но нанесло серьезную рану. Он свалился с кресла, истекая кровью, и не смог встать, сколько бы раз ни пытался.

Я оттащила его на кухню.

Достала набор кухонных ножей, тесак и мясорубку.

Порезала его на куски. Начала и резала, он некоторое время был ещё жив. Отрубила пальцы на руках. Потом на ногах. Голени, бедра, бицепсы. Двести фунтов плоти. Ведра крови на кухонной плитке.

Кости я сложила в мусорные мешки. А мясо спустила в измельчитель.

Он отлично поработал. Единственное, в конце застряли волосы. Они сломали измельчитель, вообще-то. Из устья слива повалил дымок.

Я не знала, что делать, поэтому позвонила в полицию и стала ждать.

Они меня арестовали. Я не сопротивлялась.

Залога мне не назначили. Вероятно, общество было шокировано таким поворотом событий. Наши соседи были тихими, среднего класса; самое громкое, что когда-либо сотрясало округу — это чья-то ругань или визг автомобильной сигнализации, включенной расшалившимся ребенком.

Жена, расчленившая мужа, вот это была новость.

Это даже попало в национальные новости — лишь небольшой, но значительный эпизод.

Это и привлекло ко мне Ингерсолла.

Они пришли, чтобы отвезти меня в суд, но не похоже, что я находилась под усиленной охраной. Я была домохозяйкой едва за тридцать, к тому же делала всё, что мне говорили.

Они не ожидали, что грузовик врежется в фургон.

Они не ожидали, что меня кто-то освободит и увезет.

Но случилось так, что Ингерсолл узнал обо мне и решил, что есть во мне что-то важное, что-то полезное.

Он оказался прав. На протяжении десяти лет он меня холил. Культивировал во мне мою жестокость так же, как подрезают бонсай. Уверяю тебя, что дело в том, какие части стоит

отрезать, а не оставить.

И сегодня я такая. Я обязана ему всем. Вот почему все то, что я сегодня с тобой проделываю, доставляет мне страдания. Последнее чего я хочу, разочаровать его.

Вот что он вселил в меня.

Я не выношу конкуренции. Слишком много ртов и мало еды. Понимаешь?

Глава тридцать четвертая

Самоубийство само по себе безболезненно

Кровь Мириам — ледяной талый снег. Протекая по венам она на коже оставляет гусиный след.

— Я понимаю, — тихо говорит она.

— В этой организации нет места для нас двоих.

Мириам наклоняет голову и оттирает свой окровавленный подбородок о плечо.

— Этот блокнот, — говорит Харриет, поднимая дневник с крышки унитаза. — Я прочитала всё, что ты здесь накалякала. Мы с тобой родились в похожих местах. Небольшой пригород. Семья со строгими правилами. Стремление сделать что-то и стать кем-то большим, чем позволяли. Только после должного толчка ты можешь полюбить некоторые вещи.

— Я не злая. Не такая как ты.

Харриет снова бьет костяшками по обложке дневника.

— Существует одно отличие, — замечает Харриет. — Даже твердая рука Ингерсолла и мой жизненный опыт не смогут вытащить тебя из того пике, в который ты сама себя загнала.

— Пике.

— Да. Я прекрасно знаю, как читать то, что написано на странице, в том числе и между строк. — Глаза у Харриет сейчас живые. Такие живые, какими не были, когда она причиняла Мириам боль физическую. Эта боль — боль, которая будет причинена, — она ранит гораздо глубже.

— И что я написала?

— Ты задумала самоубийство.

Мириам молчит. Слышно только её дыхание — затрудненное, свистом проходящее сквозь ноздри, втягиваемое через окровавленные губы.

— Ничего подобного я там не писала, — наконец говорит она.

— Не очень убедительно.

— Это правда. Я не писала подобного. Вообще не понимаю, откуда ты это взяла.

— Ты и так даешь это ясно понять, вовсе нет необходимости облекать это в слова. Ты нумеруешь страницы. Как бы намекаешь на обратный отсчет. Что скоро всё закончится. Скоро черта. Если сложить это с тем фактом, что ты ненавидишь себя, ненавидишь всё что делаешь и видишь, весьма несложно прийти к подобному заключению о самоубийстве. Я права?

— Всё это дерьмо собачье.

— Неужели? Полагаю, твоё самоубийство — это последняя попытка показать кто здесь главный. Ты очень много говорила про судьбу. Но ты до сих пор не знаешь, как ты умрешь, верно? — интересуется Харриет. — Самоубийство — вот твоя суперспособность. Это твой способ спасти того мальчика с шариком.

Слезы скатываются по щекам Мириам, согревая синяки и размазывая кровь.

— Все нормально, — говорит Харриет. — Я понимаю.

Мириам думает, что всё сказанное — правда. Таков был план с самого начала. Конец дневника — отличная цель. Всякий раз, когда она предвидела чью-то смерть (и крала, как сорока-воровка), Мириам делала запись в дневнике: еще одна страница прочь, ещё на одну страницу ближе к финалу. Девушка никогда не знала, как это случится. Когда время придет, она сделает это любым доступным ей способом. Мир предлагает своим жителям миллиард способов умереть: нож, пистолет, таблетки, огонь, шаг под машину, прыжок со скалы, заплыв в центр озера, драка с бандой. Мириам может взять горсть камней с обочины и все их просто проглотить. Может украсть у копа пистолет и взять в заложники детский сад. Умереть легко.

У Мириам нет сценария, поэтому девушке кажется, что она способна удивить судьбу, подкравшись к ней на самых цыпочках. По этой причине она никогда не писала об этом в дневнике. Если Мириам не произнесет этих слов вслух, никогда не напишет, судьба ничего не узнает.

«Глупая логика», — думает девушка, но всё же часть её сомневается.

Харриет открывает свой телефон и пару раз нажимает на кнопки.

Потом поднимает его и демонстрирует Мириам.

Размытая фотография. На ней запечатлена задняя часть грузовика.

Мириам понимает чей он ещё до того, как об этом говорит Харриет.

— Они нашли твоего дружка. Сейчас следят за ним. Скоро все закончится.

Глаза. Мозг. Ржавый нож. Маяк.

Мириам смаргивает слезы, но они всё равно льются.

Харриет протягивает дневник.

— Осталось девять страниц.

Потом она начинает вырывать страницу за страницей.

Каждое её действие, словно ножом по сердцу Мириам. Каждый оторванный лист, который Харриет отбрасывает в сторону жестом, подчеркивающим ту музыку, что ласкает её слух, — полосует глубоко.

Оторванные страницы Харриет перебрасывает через плечо.

Она добирается до последней.

— Дорогой дневник, — говорит Харриет, будто читает, — это последняя запись. Мой дружок-дальнобойщик умер мучительной смертью от рук моего нового работодателя. Жизнь очень трудная штука. Судьба есть судьба и бла-бла-бла.

Она вырывает страницу.

Глупо, но Мириам тяжело не смотреть.

Девушка слышит, но не видит, как Харриет бросает в воздух страницу за страницей. Потом раздаётся звук удара обложки о пол.

Мириам открывает глаза. Харриет стоит прямо перед ней, держа в руке пистолет и небольшой нож.

— Что ты делаешь? — интересуется Мириам.

— Пришло время становиться покорной.

Одним быстрым движением Харриет приподнимается на носочках и обрезает стяжки на руках Мириам, прикрепленные к душе. Девушка к подобному не готова. Её ноги, всё ещё связанные, — она стояла на цыпочках и только на цыпочках — не способны удержать равновесия, поэтому падает вперед. Мышцы болят, конечности затекли, кровь в них

застоялась, поэтому Мириам не может предотвратить падения...

Бам.

Мириам бьется головой о край крана и падает на живот в ванную. Взгляд расфокусирован. Перед глазами плавают темные пятна. Девушка чувствует, как её ноги поднимаются вверх, но не по её воле: что-то тянет их, а потом — щелк. Ноги касаются фарфора, стяжка распадается на две части.

— Я... — заикается Мириам. — Я не по-понимаю.

Над ухом она слышит голос Харриет:

— Я же сказала, что мне нужна твоя покорность.

На ключицу Мириам опускается рукоять пистолета. Тело взрывается болью. Харриет переворачивает девушку и начинает её избивать рукояткой оружия — буквально. Женщина держит ствол в своей пухлой руке, снова и снова опуская рукоять, словно пытаясь вбить в доску гвозди. Пистолет бьет по ребрам Мириам, по животу, сбоку по шее, повсюду. Её тело отзывается тысячью агонизирующими точками боли.

Кровь уже вновь циркулирует по рукам и Мириам делает это прежде, чем сама осознает...

Она бьет Харриет прямо по уху.

Маленький Наполеон вываливается из ванны, схватившись руками за голову. Мириам пытается перебраться через край фаянса и падает, ударившись плечом, на плитки пола.

— Возможно, тебе неизвестно, — рычит Харриет, — определение покорности.

Она хватает Мириам за волосы и бьет головой о стенку ванны.

Мир девушки обращается в звон, словно это какой-то сраный колокол. Даже уже и не больно. У неё такое ощущение, что она мешок с песком, который кто-то несет в руках. Часть Мириам думает, что с болью покончено, но тут оказывается, что это чувство совершенно не точное.

Прежде чем Мириам успевает осознать, что происходит, она оказывается на своих нетвердых ногах; девушка удивляется, почему это она видит себя стоящей перед самой собой. Это такое предсмертное испытание? Она некоторое время просто смотрит в свои глаза.

А потом она летит навстречу другой Мириам, словно собирается поцеловать себя в пьяные, размазанные, покрытые кровью губы...

Трах.

Череп Мириам похож на яблоко, которое разрубили напополам походным топориком. До неё доходит: Харриет просто ударила её о зеркало.

Ну конечно же, она видит тысячу себя в маленьких осколках — паучок в центре рваной паутины. Фрагменты зеркала разлетаются в стороны. Кровь заливает Мириам лицо.

Харриет, на удивление ласковая, кладет девушку на пол лицом вверх.

— Вот так, — говорит Харриет. — Маленькая покорная девочка.

Мириам пытается что-то ответить, но на губах лишь пузырится кровь. Влажным губам удается издать только чмокающий звук. Но и тот достигает ушей девушки слишком поздно и как-то искаженно, словно она лежит в бочке с маслом. Каждый раз, когда сердце бьется, складывается ощущение, что кто-то колотит снаружи по бочке кувалдой. Мириам — кусок испорченного мяса. Она чувствует себя лишенной кожи.

Девушка пытается приподняться, но даже руки её не слушаются. Они просто ускользают, распластываются в стороны, будто крылья, пальцы скручиваются, будто лапки

сдохшего жучка.

Голова Мириам поворачивается на бок, щека касается плитки пола — движение самопроизвольное, не по воле девушки.

Пол отдает прохладой, и Мириам хочется просто лежать, закрыв глаза, и никогда не вставать. «Может, я здесь и умру», — думает она, а потом замечает на батарее чистый лист, вырванный из её дневника. Может быть, это и есть предел черты.

Может, это и хорошо.

Внезапно ей на грудь опускается непомерная тяжесть.

Мириам приподнимает голову, слегка повернув в сторону, и видит улыбающуюся Харриет.

На груди девушки лежит пистолет. С каждым биением сердца оружие вздрагивает.

— Считай, что пистолет — это подарок, — говорит Харриет. Такое ощущение, словно она разговаривает с Мириам, находясь по другую сторону стекла аквариума. — Дневник закончился. Твой дальнобойщик на закате умрет. Ты избита. Заставь боль уйти.

«Заставь боль уйти».

Слова отдаются эхом.

Харриет улыбается и выходит из помещения, аккуратно затворив за собой дверь.

Пистолет лежит на груди Мириам подобно якорю.

Её рука, онемевшая, похожая на большую подушку, падает на грудь и чувствует оружие. Мириам пытается положить пальцы на спусковой крючок, но это трудно, очень трудно для подобного простого действия. Вместо этого палец опускается на предохранитель.

«Всё кончено», — думает она.

Луис скоро умрет. Мириам не видит который сейчас час, но с каждым ударом сердца чувствует, что конец близок.

С дневником покончено.

Она была свидетелем множества смертей.

Так почему бы не поприсутствовать на своей собственной?

Это её сила. То, что она может забрать у самой судьбы. Может взять свою жизнь в свои руки, вырвать из хватки рока.

Палец девушки ложится на спусковой крючок.

Из далекого сна, плывущий, словно песня, принесенная легким бризом, до Мириам доносятся слова матери:

— Не поддавайся жалости! Жизнь за жизнь. Глаз за глаз. Зуб за зуб. За руку — рука. За ногу — нога.

Она поднимает пистолет.

* * *

Харриет прислушивается, подставив ухо к двери.

Она слышит, как глупая девчонка шевелится, медленно и вяло. Шелест запястья по полу. Стон. Слабое бряцанье пистолета в слабеющей ладони.

Харриет улыбается.

Этот момент станет венцом её творения.

Она и раньше причиняла людям боль, но такую никогда.

Какая-то часть её чувствует себя плохо. Это ощущение поражает Харриет. Да, она несколько симпатизирует этой девочке, но вина? Она не испытывала чувства вины с тех пор... И когда же последний раз Харриет чувствовала себя виноватой? А случилось ли такое

вообще когда-либо?

Кишки стягивает тугим узлом. Вина. Этому нет места.

Песню внутреннего раскаяния обрывает звук: щелчок пистолетного затвора.

«Хорошая девочка, — думает Харриет. — Оттянуть затвор проще, чем просто воспользоваться спусковым крючком. Девочка на пределе. Наверное, ей едва хватает сил».

Она даже с трудом сможет поднять пистолет. Лишь только легкий поворот руки, пока дуло не упрется в подбородок, а потом...

На этой внутренней мысли раздается выстрел.

Бах.

Улыбка Харриет становится шире.

Когда звучит выстрел, дверь содрогается... женщина думает, что, вероятно, это ноги девчонки. Скоро появится ужасный запах опорожненного кишечника, который вызывает у Харриет приятные ассоциации.

Она отходит от двери и чувствует боль в голове.

Женщина пошатываясь, едва не падая, тянется к дверной ручке.

Она пытается спросить:

— Почему у меня мокрое плечо?

Но слова так и не появляются. Не могут появиться. Рот не способен среагировать на сигналы мозга.

Харриет ощущает запах горелых волос.

В двери зияет небольшая буква «о». Отверстие слегка дымится.

Харриет дотрагивается до уха и смотрит на мокрую, красную руку.

Она что-то пытается сказать... нечто, что должно прозвучать как гнусное ругательство, дикий крик на эту глупую девку в дурацкой ванной, что выстрелила Харриет в бестолковую голову, — но все проводки в её голове совсем запутались.

Единственное, что ей удастся произнести, это бессмысленное:

— Лапша на ковре.

Потом она падает на пол.

Глава тридцать пятая

Выбирая жизнь

Для Мириам выбрать жизнь вовсе не означает увидеть перед собой всю череду несбывшихся возможностей. Перед её мысленным взором не возникает ребенок на качели или собака во дворе, или теплый свет, исходящий от золотистого пруда.

Нет, как это часто бывает с Мириам, её желание жить основано на злобе и ярости — рот наполняется кислотой, которая приводит девушку в чувство, способное саботировать её собственные планы.

Она на самом деле хотела покончить собой.

В этом есть смысл. Харриет была права.

Её жизнь была полным дерьмом. Мириам была сучкой судьбы. Мухой, летящей на дерьмо, плесенью, пожирающей отличный банан.

Она решила, что пришло время умереть.

Лежа на холодном, окровавленном полу, Мириам ощутила на груди тяжесть пистолета. Легонько подталкивая, затрачивая слишком много усилий, она повернула его так, чтобы дуло упиралось ей в подбородок.

Мириам взвела курок. Чтобы уже наверняка не промахнуться, она поплотнее прижала дуло к подбородку.

Но потом она увидела...

Две тени под дверью ванной.

Две тени, равные двум ногам. Ногам Харриет.

Мириам решила, что та подслушивает под дверью.

И это разозлило девушку.

Это было её мгновение. Её смерть. Харриет обставила всё довольно поэтично, но сейчас эта дура топчется по другую сторону двери, шныряет, высматривает.

Мириам поднимает пистолет. У неё такое ощущение, что мышцы готовы оторваться от кисти и уйти в собственное плавание по осколкам зеркала.

Она не стала прицеливаться, не стала представлять, где и как именно стоит Харриет. Всё случилось инстинктивно. Автоматически.

Она выстрелила: бах.

Пару секунд спустя раздалось бормотание («лапша на ковре») и грохот.

* * *

Мириам переступает через труп. Её измученному телу требуется масса усилий, чтобы с этим справиться. Прежде чем выйти из ванной, девушка смотрится в зеркало — лицо похоже на серую наволочку, набитую мягкими шариками. Бледная кожа резко контрастирует с красными кровавыми подтеками.

Мириам похожа на сцену убийства.

Но она жива, думает Мириам, стоя над телом Харриет.

Коренастая женщина лежит, открыв рот, кровь и мозги уже довольно прилично впитались в ковер.

Мириам переводит взгляд на перчатки Харриет.

— Похоже, мы всё-таки узнали, как ты умрешь, — говорит она. Такое ощущение, что у Мириам рот забит камнями или патокой. Девушка пытается засмеяться, но это слишком болезненно. Она кашляет. И опасается, что может выплюнуть свои собственные легкие. Каждый квадратный миллиметр тела отдает болью.

Мириам слегка пинает Харриет, опасаясь, что маленький Наполеон вцепиться зубами ей в ахиллово сухожилие, но женщина не являет чудесного воскрешения.

Итак: Луис.

Мириам не особо верит, что сможет его спасти. Но она знает, что будет там, когда всё случится. Так было в её видении.

Вопрос в том: где?

Нет. Стоп. Первый вопрос: когда?

Мириам нагибается — ой-ой-ой — и находит телефон Харриет в кармане брюк.

16:30

Луис умрет через три часа.

С мобильным телефоном в руке Мириам проходит через гниющую кухню в стиле 70-ых годов, и выходит через полуоткрытую дверь. Снаружи над длинными рядами тощих сосен протянулось серое небо.

Гравийная дорога, огибающая коттедж, исчезает среди деревьев.

Рядом на кривом заборе уселась толстая ворона, она пялится на девушку.

— Понятия не имею где я, — обращается Мириам к птице. — Спасибо за помощь.

«Хорошо, думай, — размышляет она. — Сосновая пустошь Нью-Джерси. Вроде бы так, да? Какой-то миллион акров низкорослого кустарника и супеси. А Луис умирает на маяке. В Нью-Джерси их не так уж и много... ох-х-х-х, где-то примерно пара десятков. Думаю, смогу обшарить их все за оставшиеся три часа, как только доберусь до цивилизации. Которая вот там, стоит только за угол завернуть, а под «завернуть за угол» я подразумеваю «до хрена километров»».

Невыполнимое задание.

«Это не может быть невыполнимо! — думает она. — Я же здесь. Но должна каким-то образом показаться там. Что судьба хочет, судьба получает, а судьба хочет, чтобы моя задница оказалась на маяке. Думай!»

Но Мириам не может думать. Её мозг попал в западню, бьется о стену, подобно пчеле у оконного стекла. Может, дело в боли, притупившей способность мыслить. Может, это шок и раны, прыгающие в тандеме и пытающиеся побороть весь мыслительный процесс.

Мириам ищет знак. Если судьба желает, чтобы Мириам отсюда выбралась, она должна дать ей зацепку.

В руке Мириам оживает телефон.

Он звонит и вибрирует. Последнее пугает её настолько, что она готова зашвырнуть телефон подальше в лес, словно это живая граната.

К счастью, Мириам удается подавить этот порыв. Она смотрит на экран.

Фрэнки.

Сердце скачет галопом.

Мириам отвечает на звонок.

— Чего? — интересуется она, пытаясь сымитировать тон Харриет. Похоже, опухшие губы и разбухшее горло весьма этому способствуют.

— Как девчонка? — спрашивает он. Сигнал слабый, но Мириам его слышит.

— Никаких неприятностей, — отвечает она. И немного приукрашивает: — Этот коктейль вырубил её.

Фрэнки молчит.

«Черт! Идиотка. Не стоит приукрашать. Харриет бы не стала».

— Ты в порядке? — подозрительно спрашивает он.

— Я в порядке.

— Ты другая.

— Сказала же: я в порядке.

Еще одна пауза.

— Ты говоришь так, как будто собираешься что-то сделать с девчонкой. Например, сделать больно.

— Не вынуждай меня...

— Ладно! Ладно. Господи, не стоит так нагнетать.

Мириам вздрагивает и решает, что это её единственный шанс.

— Ты где? — интересуется Мириам.

— Мы взяли дальнобойщика. Я и забыл какой он здоровый. Понадобилось две дозы, чтобы его вырубить. Ингерсолл засунул его в Эскалейд, а я возвращаюсь забрать грузовик и сжечь его.

— Куда вы его повезете?

— Ингерсолл притащил свою жукообразную задницу куда-то на высоту. Говорит, что

грядет буря, поэтому он хочет использовать всю её мощь и, эмм-м... как он там сказал... прочесть небеса. Мы на маяке, который будут перестраивать. Наверное, соорудят новый... огромный новый маяк. Или что они там, к чертям собачьим, меняют на этих маяках.

— Где находится маяк?

— А что?

«Твою мать! Понятия не имею что!»

Мириам закрывает глаза и делает попытку:

— Я перед тобой не отчитываюсь.

— Извини, — отвечает Фрэнки. — Эм. Барнегат, мне кажется. Остров Лонг-Бич. Где бы это не было, тут воняет дохлой рыбой и медицинскими отходами.

— Мне пора. Девка очнулась.

— Поцелуй её за меня, — говорит Фрэнки.

— Не стоит быть таким милым.

Мириам обрывает звонок.

Она держит телефон в руке. Боль всё ещё присутствует в теле девушки — бьет, словно в барабан, — но больше её не беспокоит. Мириам чувствует себя живой. Она существует.

Глубоко вздохнув, она выходит на подъездную дорожку.

Сделав шагов десять, Мириам оборачивается.

Она возвращается в дом буквально на тридцать секунд.

Когда Мириам появляется на улице снова, у неё в одной руке пистолет, в другой — дневник, а мобильный телефон лежит в кармане.

Она уходит.

Глава тридцать шестая

Первый час

Мириам чувствует себя так, словно идет уже несколько часов. Она проверяет телефон и всякий раз видит, что прошло лишь пять минут, а то и меньше.

Дорога из щебня (хотя дорога — это слишком смелое название для того, что является сплошными ямами и колдобинами) тянется лентой через склоненные к ней сосны и слабые кусты ежевики; лентой, которую, кажется, раскатали в саму бесконечность. Такое ощущение, что ходьба Мириам ни на йоту её не продвинула вперед. Адреналин пропал; с каждым шагом мышцы деревенеют, а тоненькой внутренней голосок задается вопросом: «Я и правда умерла? Может, уже началось трупное окоченение».

Вдоль дороги очень разрослись деревья, образуя навес из скелетоподобных рук. Воробьи и скворцы перелетают с ветки на ветку. Где-то вдалеке продолжает греметь гром.

— Вот она какая эта девушка, — говорит Луис, вышагивая рядом. — Я знал, что в тебе это есть. Эдакий дух сопротивления. Ты знаешь, когда погибнет Луис. Поэтому движешься вперед. Мне нравишься новая ты. Я всегда говорю, что надо бить фонтаном, а не сливаться в сточную канаву. Надо быть листом, который плывет в бурном потоке, а не плотиной, что ему противостоит. Я прав?

У Мириам почти нет больше сил терпеть. Она лишь бросает мимолетный взгляд на свою галлюцинацию и хрипло мычит.

— И больше никакого меткого комментария? — интересуется Луис. Желтая изоленда слетает с его глаза и облетает голову, прежде чем упасть куда-то под деревья.

— Мне нужно покурить.

- Ты не очень разговорчива. Я разочарован.
- И выпить хочу.
- Всё ещё не впечатлён. Это какая-то новая ты.
- Чтоб ты дерьмом подавился.
- Ну, вот опять, — говорит Луис. — Снова мимо.

Глава тридцать седьмая

Второй час

Она слышит шоссе прежде, чем видит его.

Знакомый шум машин. Рев пролетающих мотоциклов.

Мириам в одиночку бредет по пустой бесконечной дороге (будущий призрак Луиса её уже оставил, хотя она время от времени видит его среди деревьев).

Дорога в две полосы. Серый щебень. Разделительный барьер сломан.

Мириам прячет пистолет за пояс.

Она была здесь раньше. Несчетное количество раз. Стояла на шоссе, вытянув перед собой большой палец в надежде поймать попутку, словно она рыбка-прилипала, охотящаяся за акулой (акулой в поисках еды; стервятник, рыбка-прилипала, ворона... такова Мириам — мусорщик, падальщик).

Она снова ищет за счет видения чьей смерти ей прокатиться.

Но сегодня автостоп не сработает. Слишком медленное развитие событий. Большинство людей прекрасно понимает с чем может столкнуться, если подберет попутчика: зависимые, сумасшедшие, серийный насильник, — огромный вопросительный знак, ответ на который лучше не знать.

У Мириам совершенно нет времени.

Она видит приближающийся автомобиль. Субару, уже пару лет как отживший свое.

Мириам оказывается перед несущимся изделием японского автопрома. Медленно, слишком медленно проплывают по лобовому стеклу серые блики и Мириам замечает за рулем женщину, разговаривающую по мобильному телефону, которая, по всей вероятности, больше уделяет внимания разговору, нежели не дороге.

Мириам по-прежнему не двигается с места.

Машина продолжает ехать. Не останавливается.

Потом, в последний момент, слышится визг тормозов. Зад автомобиля заносит, словно виляющие бедра старого пса, но уже поздно, слишком поздно.

Машина врзается в Мириам.

К счастью, когда это происходит, скорость всего каких-то пару миль в час.

Становится больно (прямо сейчас болит каждый миллиметр кожи Мириам; даже, кажется, болят волосы), но это резкая боль, не такая как раньше.

И всё-таки это дает Мириам новый толчок адреналина в крови, второе дыхание.

Женщина в автомобиле ошарашена. Ей несколько за пятьдесят. Она блондинка; короткая стрижка предполагает, что она или лесбиянка, или из тех женщин, которые не тратят время по утрам на прическу.

Телефон выпадет у неё из руки, но ладонь остается возле уха. Это было бы смешно, если бы у Мириам остались силы смеяться.

Женщина, похоже, восстановила ориентацию в пространстве и потянулась к рулю. Мириам видит в её глазах взгляд затравленного кролика.

Вздыхнув девушка достает пистолет и направляет его на лобовое стекло.

Руки женщины взлетают вверх.

— Хорошая лесбияночка, — бормочет Мириам, обходит машину и опускает свои измученные кости на пассажирское сидение.

Женщина от удивления открывает рот. Мириам нетвердой рукой держит пистолет.

— Маяк Барнегат [22], - говорит Мириам.

Губы женщины шевелятся, но слов не слышно.

— Прости. Это был вопрос. Маяк Барнегат?

— Чт-чт-что на счет него? — говорит женщина таким пронзительным голосом, будто пытается перекричать кофемолку. Наверное, курит. Мириам гадает, неужели и у неё лет через двадцать будет такой же голос.

— Где он?

— Ло-Лонг-Бич. На северной оконечности.

— Как мне туда добраться и сколько времени это займет?

— Вам нужно ехать туда, — женщина показывает в сторону, противоположную той, откуда приехала сама, — пока не доедете до автострады Гарден-стейт. Потом повернете на юг... нет! Север, на север, простите, до 72 автострады. Оттуда нужно будет перевернуть на восток к дамбе. До маяка ведет только одна дорога, так что дальше поезжайте на север. Ехать примерно минут сорок пять, может быть, час.

— Последний вопрос. Куришь?

Женщина поспешно, неуверенно кивает.

— Отдай мне свои сигареты.

Женщина передает ей из подстаканника пачку Вирджинии слимс.

— Бе. Ты это куришь? — спрашивает Мириам, а потом отмахивается. — Да и без разницы.

Она забирает пачку и её пальцы касаются...

Женщина через двадцать три года от сего дня спускается с крыльца. Она похожа на мешок с костями; женщина колышется в мерцающем свете дрейфующих по ветру снежинок. Она подходит к почтовому ящику, достает почту, а потом поскальзывается на льду. Нога подгибается, голова бьется о почтовый ящик и женщина падает. И лежит. Проходят часы. Наступает вечер. На её лице скапливается снег, но она ещё не мертва. Женщина достает тонкую сигарету из своей розовой толстовки и прикуривает, прежде чем отдаться во власть гипотермии.

...руки женщины, когда пачка переходит из рук в руки.

Мириам моргает. Страхивает видение, трясет зажигалкой и вставляет одну тоненькую сигарету в рот.

— А теперь, — мямлит Мириам, — убирайся из машины к чертовой матери, пока я не врезала тебе пистолетом и не переломала все косточки в ухе. Однако курить не бросай. И ты молодец.

Женщина распахивает дверь и пулей выскакивает из машины, словно кошка, получившая пинка под зад.

Мириам прикуривает, проскальзывает на водительское кресло и бросает Субару вперед.

Легкие девушки наполняются сладостным никотином. Ступня жмет на педаль газа.

Движение. Такое сладостное движение.

Глава тридцать восьмая

Третий час, он же последний

Никакого движения.

Говеная мертвая рыба.

Сначала Мириам пролетела с ветерком. А потом, когда добралась до дамбы, застряла в пробке.

И вот машина стоит за машиной. Каяки, прицепы с лодками, бледные яппи и дети, смотрящие на задних сидениях Спанч Боба на DVD. Даже в конце дня люди отчаянно желают вкусить запах побережья, песка и прибоа (прибоа, воняющего гниющими моллюсками, и песка, усеянного использованными иглами и презервативами). Солнце почти село, мутными мазками окрасив темные облака.

Мириам ложится на гудок.

Последняя сигарета докурена. Девушка комкает пачку и выбрасывает в окно. Та отскакивает от капота серебристого мини-вэна, стоящего рядом.

Мать на переднем сидении — жирный бегемот, успевший загореть так, словно сорок дней и сорок ночей бродил по пустыне, — стреляет в Мириам угрюмым взглядом.

Девушка раздумывает, не выстрелить ли в ответ. Пулями.

Локоть Мириам снова опускается на гудок. Она начинает чувствовать клаустрофобию. Слишком долго девушка сидит в пробке.

Ей нужен знак.

— Мне нужен знак, — начиная паниковать, говорит Мириам.

— Вот один, — отзывается Луис с заднего кресла. Он сдирает изоленду. Появляется не обычная пустая глазница, а нечто, скорее похожее на сморщенный виноград. Для пущеого эффекта Луис подмигивает.

А потом исчезает.

Мириам отчаянно оглядывается в поисках того, о чем он говорит.

Угрюмая загорелая дамочка? Нет.

Стая собак и орущие дети? Нет, вряд ли.

Над головой пролетает небольшой самолет. Но поскольку у Мириам на поясе нет никакого подходящего бэтменского зацепа, план улететь катится в задницу.

А потом она видит.

Байкер... нет, велосипедист.

Он худой, весь в обтягивающем, одетый в красно-синий спандекс, будто он супермен среди толпы велосипедистов.

Когда он пролетает по тротуару, Мириам распахивает пассажирскую дверь.

Переднее колесо встречается с препятствием.

Велосипедист перелетает через открытую дверцу. Мириам слышит, но не видит, как он бьется головой о мостовую. По крайней мере, хорошо, что у него на голове шлем.

Мириам выходит из машины и оказывается в седле прежде, чем сама успевает это осознать. Переднее колесо немного погнуто, но на функциональность велосипеда особо не влияет.

Мириам проверяет сотовый телефон.

У неё осталось менее часа.

— Мой велик! — кричит велосипедист.

Мириам неуверенно рулит вперед.

Глава тридцать девятая

Фрэнки

Маяк Барнегат — старый Барни — висится впереди.

Извилистая песочная дорожка окружена шаткой оградой, обвитой черными кустами с желтыми цветочками.

Над головой кричат и жалуются чайки. Далекие облака похожи на сбившихся в стаи черных дроздов.

Волны набегают, откатываются, спешат куда-то.

Мириам подлезает под полицейской лентой, натянутой для того, чтобы оградить доступ внутрь. Девушка проходит мимо таблички с надписью: «Реконструкция» и ещё одним щитом, где объясняется, что в скором времени этот маяк станет домом для нового фонаря и поликарбонатных окон.

У Мириам такое ощущение, словно она катается на американских горках. В животе словно извивается угорь. Нутро то расширяется, то сжимается. Всплывает и тонет.

Ноги увязают в песке. Мириам делает глубокий вдох и скидывает туфли. Её опережает чувство неизбежности, оно бежит вперед, словно гончая. Девушка чувствует себя маленькой девочкой, которую ждет мать, держащая в руках кожаный ремень.

Она идет.

Такое ощущение, что это не она приближается к маяку, а он становится всё ближе.

«Ты ничего не можешь изменить. — Это её голос в голове, не Луиса. — Просто помни. Ты здесь не для того, чтобы что-то менять. Ты просто свидетель. Так ты поступаешь. Такова твоя сущность. Ты стая ворон на поле боя. Выбор убиенных».

Мириам добирается до конца живой изгороди. Дорожка из песка бежит к маяку, который стоит на белом основании, а сам выстроен из красного кирпича.

Фрэнки мелькает снаружи. Он похож на высокий стакан, наполненный моторным маслом, стоящий на ярком берегу; на темный силуэт, просвеченный рентгеном; на длинную тень, стремящуюся в небо. Он ходит туда-сюда. Потирает нос. Почесывает ухо.

Безволосого человека, которого Харриет называла Ингерсоллом, нигде не видно.

Время почти пришло. Мириам не надо смотреть на циферблат телефона, чтобы это понять.

Но она всё равно достает телефон. Держа пистолет в одной руке, мобильник в другой, заткнув дневник за ремень штанов, она нажимает кнопки.

Идет дальше.

У Фрэнки звонит телефон. Так и должно быть. Это звонит Мириам.

Он отвечает, и девушка слышит его как стерео — голос в телефоне и голос впереди.

— Харриет?

Мириам швыряет телефон ему в голову, словно какой-то долбаный бумеранг. Тот попадает Фрэнки в переносицу, и мужчина отшатывается.

Девушка подумывает над тем, чтобы пристрелить его, но... нет. Ингерсолл услышит выстрел. Не стоит стрелять.

Вместо этого она быстро идет вперед и бьет Фрэнки стволом пистолета прямо в солнечное сплетение.

— В солнечном сплетении находится большое количество нервных окончаний, — шипит Мириам.

Фрэнки шарит в поисках своего пистолета, но Мириам выбивает его из руки мужчины.

Он хрипит, лицо покраснело, девушка бьет его по горлу пистолетом.

— Сосцевидный отросток играет роль кляпа.

В подтверждение выданной информации, Фрэнки сгибается пополам, начинает давиться. Его рвет чем-то похожим на не до конца переваренный сэндвич.

Мириам думает над тем, как его убить. Фрэнки же, согнувшись в позе борца Сумо, бляя под себя, пытается отползти назад.

«Хер с ним, — думает девушка. — Задушу его».

Мириам заходит Фрэнки за спину, подсовывает локоть ему под горло и изо всех сил напрягает спину. Она тянет так сильно, что можно задушить пони...

Прошло сорок два года. Фрэнки сидит в темном зале театра вместе со своим внуком. Мальчишка напряженно наблюдает за происходящим, его лицо освещено действием на сцене. Фрэнки видит, как парень сияет. Мужчина откидывает голову назад, закрывает глаза и позволяет сердечному приступу, который пытался побороть последние шесть часов, овладеть собой. Рот Фрэнки приоткрывается, мужчина ловит последний вдох, а мальчишка ничего не замечает; продолжает смотреть представление.

...и она отпускает. Фрэнки ловит ртом воздух, поскальзывается на своей собственной желчи.

Он пытается встать, но Мириам прижимает ствол к его затылку.

— Когда-нибудь ты станешь дедушкой, — говорит она.

— Хорошо, — хрипит он, смаргивая слезы.

— Тебе ведь не нравится такая жизнь, правда?

— Нет. Господи, нет. Ненавижу её.

— У тебя ключи от машины?

Он кивает.

— Бери их. Уезжай. Убирайся прочь. Ты не хочешь быть здесь.

Еще один кивок.

— Увижу ещё раз, — говорит Мириам, — сделаю так, что дедом ты никогда не станешь.

Она проходит мимо него, направляясь к маяку, когда удар за ударом где-то поблизости гремит гром.

Глава сороковая

Старый Барни

Вся комната маяка обрамлена стеклом... или, скорее всего, в каких-то окнах стекло, а в некоторых уже поликарбонат.

Но фонарь пока ещё не поменяли.

Луис привязан к деревянному стулу рядом с ним. Фонарь по форме похож на луковичку или на огромный глаз насекомого. Луис удерживается тремя коричневыми проводами, опутывающими его руки и ноги. Голова мужчины зафиксирована у основания фонаря, такое ощущение, целым рулоном изоленты.

Ингерсолл играет со ржавым ножом. В ноздри бьет запах рыбьих потрохов.

Он украл его у рыбака, уснувшего на соседней пристани. Сломал ему шею и бросил в волны прибой... но прежде успел выхватить нож.

Ингерсолл высыпает из мешочка кости. Они со стуком раскатываются на полу у его ног, и мужчина перебирает их с таким тщанием, с каким можно отделять бобы от камней. Он

проводит пальцами над костями туда и обратно. Словно читает их.

Но конечно же, это не так. Он не может их прочитать. Просто не владеет даром своей бабушки в той мере, в какой бы хотел. Он притворяется и иногда делает это так умело, что убеждает даже сам себя.

Сейчас он изо всех сил пытается узреть будущее.

Одно из окон над его головой разбито. Сквозь него гуляет ветер.

— Грядет буря, — говорит он.

Его цель — Луис. Он сидит ещё с затуманенным взглядом, избитый, не отошедший от наркотиков. Ингерсолл склоняет голову, словно проявляет некую настороженность.

Мужчина вздыхает. Кости ничего ему не сказали. В очередной раз, как и всегда, он должен сам обрести истину и направить своё будущее в нужное русло.

— Зачем мне тебя убивать? — вслух интересуется он. — Ты для меня не важен. Но ты видел моё лицо. А мой новый сотрудник, Мириам, без ума от тебя, а этого я допустить не могу. Ты всегда будешь заслонять её видение. Она принадлежит только мне, мой друг. Она не твоя.

Он вертит нож в своих тонких пальцах.

— Кроме того, мне нравится делать тебе больно, и я в восторге от того, что Мириам все это уже видела в своём видении, не так ли?

Ингерсолл восхищенно смотрит на нож. Тот пахнет ржавчиной.

— Уйдите от меня, — лепечет Луис. — Кто вы? Кто вы, люди? У меня нет того, что вам надо!

— Это уже не имеет значения, — пожимая плечами, говорит Ингерсолл.

Он двигается очень быстро — сжатая пружина. Он втыкает Луису нож в левый глаз. Не до мозга, а чтобы выбить: решение, которое безволосый принял сейчас. Луис кричит. Напавший вынимает нож. Раздается чавкающий звук.

Тонкие губы мужчины складываются в невеселую улыбку.

* * *

В маяке Барнегата 217 ступеней.

Каждый шаг — агония. Каждый шаг — перерождение, выходящий из почек камень, укус черной вдовы.

Ступени представляют из себя рифленую сталь, окрашенную в желтый цвет. Они закручиваются вверх по спирали вокруг черного кирпича.

Похоже на восхождение внутри горла какого-то огромного существа.

То, что скоро увидит Мириам, проигрывается в её голове снова и снова, словно какой-то ролик на YouTube. Сломанное окно. Ветер гуляет сквозь щели. Ржавый нож. Звук, с которым будет проткнут глаз. Её имя, произнесенное Луисом с печалью и удивлением.

Снова и снова. Бесконечный круг ступеней и видений.

Снаружи снова гремит гром. Он несколько приглушен кирпичной кладкой. Мириам гадает: «Неужели я опоздала? Этот тот самый раскат грома, который я слышала в своем видении?» Когда она становится свидетельницей смерти наяву, она частенько пытается подобрать ключи — визуальные, аудиальные, какие угодно. Автомобильный клаксон. Реклама на телевидении. Чей-то разговор.

Когда она наконец поднимается и оказывается в помещении маяка, чтобы стать свидетельницей воплощенного ужаса, диорамы смерти, увиденного Мириам не ожидает.

Она захвачена врасплох и ей едва удается перевести дыхание, хотя она понимает, что

вся её жизнь вела именно к этому моменту.

* * *

Ингерсолл не слышит, как входит Мириам, но когда она появляется, он одаривает её чуть большим, чем просто мимолетный взгляд или подобие улыбки.

К тому моменту, когда девушка входит в помещение, кончик ножа уже возле левого глаза Луиса. Он ещё пока в него не погружен. Пока. Это лишь дуновение смерти. Смертельный удар будет следующим.

«Это хорошо, что она здесь, — думает Ингерсолл. — Она увидит всё сама. У неё будет доказательство». Он понимает, что её присутствие здесь было необходимо с самого начала, чтобы она смогла стать свидетельницей его славы, его жестокости.

Луис видит её одним целым глазом. Прекрасно.

— Мириам? — спрашивает он, но Ингерсолл уже нацелил на второй глаз и мозг дальнобойщика свой нож.

* * *

Всё происходит очень быстро. После этого складывается ощущение, что время течет размеренно, как в замедленной съемке.

Всё идет, похоже, как-то не так.

Пистолет у неё в руке кажется теплым.

Пахнет чем-то горьким, едким. Дым щиплет глаза.

Ингерсолл крепко держит нож. Его рука начинает дрожать.

Он оборачивается и тянется, чтобы коснуться дырки в виске. От раны бежит вниз тонкий ручеек крови, похожий на ржавую воду из сломанного крана.

Луис моргает одним целым глазом.

«Он не мертвый», — думает Мириам.

В её видении всё было не так. Всё должно было случиться совершенно не так.

Сердце Мириам замирает. Она ощущает слабость. Тошноту. Дурман.

Пистолет в руке. Рука вытянута.

Она роняет оружие, и оно со стуком падает на пол.

— Я... — начинает было говорить Мириам, но у неё не хватает слов.

Ингерсолл покачивается.

А потом бросается вперед с ножом в руке, словно тигр.

Ингерсолл оказывается рядом, сжав горло Мириам пальцами, словно челюстями, и девушку по инерции сносит с места. Она падает на металлические ступени и чувствует, что мужчина сверху, потом уже она лежит на нём, и мир переворачивается. Черный кирпич и белые линии сливаются в одну спираль, а лицо девушки встречается с желтым металлом...

Мышцы Мириам воют от боли, кости трещат. Она раскидывает конечности в стороны, чтобы замедлить падение.

Мириам останавливается примерно через тридцать футов вниз.

Рядом с ней стена окрашена свежей кровью.

Под ней Ингерсолл, его глаза смотрят вверх.

Голова мужчины повернута под каким-то неестественным углом, подбородок смотрит куда-то за плечо, позвонки спрессованы так, словно шея смялась как перезрелый фрукт. Мертвый взгляд Ингерсолла, кажется, впивается в Мириам. Картина, взор на которой никогда не потухнет.

Мириам едва не начинает смеяться.

Но смех — даже смех — причиняет боль. Очень плохо.

Она опускает взгляд и видит у себя в груди ржавый нож. Рукоять торчит из левой стороны.

Мириам пытается сделать вдох. Такое ощущение, что легкие горят огнем.

— Дерьмо, — говорит она.

Её уносит темнота и девушка продолжает падать по винтовой лестнице маяка.

Интерлюдия

Сон

— Теперь ты понимаешь? — интересуется Луис, прогуливаясь рядом.

Они вместе шагают по песчаному пляжу, каждая песчинка которого, ловя солнечный свет, мерцает. Песок под ногами Мириам теплый. Прилив лижет берег. В воздухе пахнет солью, но запах не морской и от него не несет рыбой.

— Я понимаю, что сдохла, но, слава Господу, это место не очень похоже на Ад.

— Ты не сдохла, — отвечает Луис, почесывая один заклеенный изолентой глаз. — Хотя, должен заметить, что ты умираешь.

— Прелестно. Значит это некое подобие промежуточного состояния. Просто покажи мне где идти на свет, и я туда помчусь.

— Ты упускаешь суть.

— Упускаю?

— Да. Только подумай. Что произошло?

Она и правда должна подумать, потому что оглядываться не стоит. Мириам предпочитает просто быть здесь, на этом пляже. Под этим ярким солнцем.

Ей не требуется много времени, чтобы вспомнить.

— Я победила в игре, — говорит Мириам.

— Победила, — соглашается Луис.

— В этот раз всё прошло не совсем так, как предполагалось. Мне удалось изменить ход.

— Удалось. И так эффектно. Отличная работа.

— Спасибо. — Мириам улыбается. По-настоящему. Не полуулыбкой, не горькой ухмылкой, не жалким оскалом, а настоящей улыбкой, которую невозможно стереть с лица. — Я не знаю, что я сделала по-другому. Но точно очень старалась. Может быть, это потому, что я люблю тебя. Или его. Я полагаю, ты не он.

Улыбка Луиса исчезает.

— Я не он, а ты так ничего и не поняла. Ты же знаешь, почему это случилось. Ты знаешь, как тебе удалось разорвать круг.

— Не знаю! Правда не знаю.

— Желаете подсказку?

— Желаю.

Мириам моргает и вместо Луиса появляется мать Мириам. Сморщенное личико, маленькое ссохшееся тело.

— Не поддавайся жалости! Жизнь за жизнь. Глаз за глаз. Зуб за зуб. За руку — рука. За ногу — нога.

Потом — бах — опять появляется Луис со своими заклеенными глазами.

— Я всё ещё не...

Нет, подождите. Понимает, она понимает.

— Я кого-то убила.

Луис щелкает пальцами.

— Динь, динь, динь. Отдайте-ка этой девочке медвежонка.

Мириам останавливается. Мимо солнца проплывают облака. Где-то над водой бушует ураган, с мелководья доносится шум дождя.

— Я обычно просто... посланник. Стервятник, пирующий на костях. Но не в этот раз. Я... мне удалось всё изменить. Я убила Ингерсолла.

— Ты уравнивала весы. Они всегда стремятся к равновесию. Ты захотела что-то изменить, многое изменить. Изменение настолько сильное, что ты будто переписала смерть и пнула судьбу по роже, так что будь готова за это заплатить.

— Кровью, — говорит Мириам. У неё во рту стало сухо, всё внутри похолодело. Под стальными облаками молния облизывает океан. — Кровью, желчью и опорожнением кишечника.

— Кто ты такой? — Её голос очень тих.

— Вернее, что я такое?

Мириам не отвечает на вопрос.

Луис опять превращается в мать. Потом становится Беном Ходжем с затылком, похожим на цветущую орхидею. Потом появляется Эшли, прыгающий на одной ноге.

Затем возвращается Луис.

— Может быть, я есть судьба, — говорит он. — Может быть, просто, может быть, я противоположность судьбе, как у Господа в противовесе есть Дьявол. А может, я — это просто ты, просто голос в твоей голове.

Он широко улыбается. Вместо каждого зуба у него маленький череп.

— Но одно я знаю точно, нам с тобой еще много чего надо сделать.

— Нам? — переспрашивает Мириам и её сердце замирает...

Глава сорок первая

Враг судьбы

Хватая ртом воздух, Мириам приходит в себя. Она словно запуталась в водорослях. Девушка пытается оторвать от себя душистые её растения — они обвивают её горло, стягивают руки и грудь, — но внезапно что-то начинает пищать: то быстрее, то медленнее; где-то вообще гудит не переставая. Мир появляется в поле зрения Мириам, заполняя в ноздри девушки вонью антисептика.

Луис нависает над ней, крепко удерживая.

— Эй, — говорит он. — Эй, брыкающаяся лошадка, успокойся. С тобой всё хорошо. Всё хорошо.

На правом глазу у него белая повязка, удерживаемая желтой лентой.

— Иди на хрен, — шипит Мириам. — Катись к чертям. Ответь мне на вопрос. Ты кто такой? Что значит нам? Пошел вон из моей головы. Я хочу сдохнуть или очнуться. Я хочу сдохнуть или очнуться!

— Ты уже очнулась, — отвечает Луис и гладит девушку по волосам. — Шш-ш.

Она моргает.

От Луиса пахнет мылом.

И один глаз у него целый.

У Мириам в груди болит так, словно её туда кто-то пырнул ножом. Хотя, насколько она помнит, так и случилось.

— Я не сплю? — тихо спрашивает Мириам.

— Неа.

— Это не сон?

— Не думаю, хотя и могу сказать, что очень на него похоже.

Мириам не знает, что сказать. Говорит лишь:

— Прости.

— Прости?

— За всю эту ситуацию... такую сложную. Это моя вина.

Луис садится на кресло, стоящее рядом с кроватью.

— Сложная, да. Но не уверен, что ты виновата.

— Ты не понимаешь и вряд ли поверишь, если я расскажу...

— Я прочел твой дневник, — перебивает Луис.

Мириам лишь смотрит на него в ответ.

— Что?

Он вытаскивает его из-за пояса и кладет Мириам на колени.

— Прости. Я знаю, так делать нехорошо, но мне нужны были ответы. Надеюсь, ты меня поймешь. Я думал, ты хочешь меня ограбить — наверное, когда-то так и было, — но потом... я на маяке, а какой-то лысый чувак желает выколоть мне глаза. И вот появляешься ты, полумертвая, и лысый хер подышает, и... мне нужно было понять, что происходит. Ты отсутствовала в этом мире, я не мог у тебя спросить. Всё что у меня было, — этот дневник, который выпал у тебя из кармана.

Мириам делает глубокий вдох, всё внутри адски болит.

— Значит, ты в курсе. Знаешь, что я такое. Что я вижу.

— Знаю.

— Веришь?

— Думаю, да. В противном случае, придется признать, что ты разыгрываешь самую длинную, самую странную аферу в истории.

— Что такое, неужели я вижу некое подобие улыбки?

— Может быть. Даже после всего случившегося, может быть.

Мириам колеблется, но она никогда не была сильна в сглаживании острых углов.

— Удалось спасти глаз?

Луис прикусывает ноготь большого пальца.

— Неа.

— Мне очень жаль.

Он отмахивается.

— Всякое в жизни случается. Иногда происходит что-то хорошее, иногда что-то плохое. Если ты ничего не можешь поделать, особенно с последним, надо просто смириться.

— А что делать, если ты можешь что-то изменить?

— Тогда ты прилагаешь в этом все свои усилия.

Перед глазами Мириам пролетает простреленное тело Ингерсолла, в ранах которого пузырится кровь.

— Полагаю, ты так и поступаешь.

— А то, — говорит Луис, откидываясь чуть назад. — По крайней мере, у меня теперь есть крутая повязка на глаз.

— Это точно. Если тебе не позволят больше водить грузовик, можешь стать пиратом.

— Жизнь пирата очень по мне.

Мириам смеется.

— Не хочешь здесь задержаться? — спрашивает она. — Я знаю, тебе надо куда-то ехать, но, я полагаю, меня тут еще подержат какое-то время.

— Продержат. По крайней мере, еще неделю. У тебя сломано несколько костей, а из ребер все-таки торчал нож.

— Просто, думаю, мне нужен сейчас кто-то рядом.

Луис кивает.

— Мне тоже.

— Значит ты никуда не уйдешь?

— Только туда, куда пойдешь ты. Ты спасла мне жизнь... ну типа того. Так что, я полагаю, тебе должен.

Мириам улыбается.

— Можешь мне сделать еще одно одолжение?

— Говори.

Ей больно, но она всё равно, как фрисби, бросает дневник Луису. Тот едва не упускает его, но успешно ловит.

— Всё ещё пытаешься осознать глубинность бытия, — говорит он.

— Ой, прости.

— Какое одолжение?

— Выброси вот это, — говорит Мириам.

— Не против, если брошу его в океан?

Мириам хмурится.

— Я не стала бы поступать так с бедными рыбками. К тому же, мне всегда были ненавистны подобные сцены в фильмах. Бросишь в океан, он там навсегда и останется. Или его прибьет к берегу, где кто-нибудь его найдет. Надо избавиться от него. Ото всех страниц. На них написана история, о которой я не желаю никому рассказывать. Найди мусорку и выбрось. А лучше найди печь, огромную печь, похожую на те, в которых сжигают тела.

Луис встает и целует её. У него сухие губы, но они всё равно мягкие. И это, черт побери, лучший поцелуй, что когда-либо случался в жизни Мириам.

— Я выброшу, — говорит он.

— Мне больно.

— Я знаю.

— Думаю, мне надо поспать.

— И об этом тоже знаю. Ты в порядке? Выглядишь несколько огорченной.

Мириам пожимает плечами, насколько это возможно в её положении.

— Что есть — то есть, Луис. Что есть — то есть.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Сноски и примечания

[1] Умбра — минеральный коричневый пигмент из глины, окрашенной окислами железа и марганца (здесь и далее прим. переводчика).

[2] Sears (Sears, Roebuck and Company, Sears Holdings) — американская компания управляющая несколькими международными сетями розничной торговли.

[3] Вáнна Мари́ Уайт (англ. Vanna Marie White) — американская актриса и телеведущая.

Наиболее известна как ведущая телевизионного игрового шоу «Колесо Фортуны» (англ. Wheel of Fortune) с 1982 года. 20 апреля 2006 года получила «звезду» на Голливудской аллее славы за вклад в телевидение.

[4] Отсылка к цитате Оскара Уальда: Или я, или эти мерзкие обои в цветочек. Я за то, чтобы жить и умирать в эстетском пространстве.

[5] Ofrendas исп. Пожертвования

[6] In-A-Gadda-Da-Vida — второй студийный альбом американской рок-группы Iggy & The Stooges, выпущенный 14 июня 1968 года. Альбом примечателен своей одноимённой композицией, которая в своей расширенной версии занимает всю вторую сторону пластинки.

[7] Пиллсбери (англ. Pillsbury) — бывшая компания и бренд, используемый американскими компаниями General Mills и J.M. Smucker Company. Продает в том числе и выпечку.

[8] Piñata — пиньята, детский праздничный набор (подвешенный в глиняном горшке или горшке из папье-маше, который должен найти и разбить ребенок с завязанными глазами).

[9] Raleigh-Durham — Роли-Дарем: Международный аэропорт штата Северная Каролина

[10] Анимационный мюзикл 1953 года, который проигрывали в качестве рекламы до начала основного фильма

[11] Turdus — часть слова «turd» имеет значение «говно».

[12] Отсылка к Колоколу Свободы — колокол в Филадельфии (штат Пенсильвания, США), один из главных символов американской борьбы за независимость от Великобритании — его звон созвал жителей города на оглашение Декларации независимости Вторым континентальным конгрессом 8 июля 1776 года.

[13] Чарльз «Чарли» Браун, один из главных персонажей серии комиксов Peanuts, созданный Чарльзом Шульцем и впервые появившийся в комиксе 2 октября 1950 года.

[14] Отсылка к фильму «Скажи спокойной ночи, Грейси».

[15] «Серкит-сити» — Сеть магазинов по продаже товаров бытовой электроники, принадлежащих компании «Серкит-сити сторз».

[16] Dagos — даго: прозвище итальянца, испанца, португальца.

[17] Enola Gay — имя собственное стратегического бомбардировщика Boeing B-29 Superfortress армии США, сбросившего 6 августа 1945 года атомную бомбу «Малыш» (англ. Little Boy) на японский город Хиросима в конце Второй мировой войны.

[18] Книга Левит 7:16-17

[19] Иакова 3:6

[20] Матф. 7:2

[21] Второзаконие 19:21

[22] Barnegat Bay — залив Барнегат — Залив Атлантического океана, на востоке штата Нью-Джерси, на маршруте Берегового канала. Отделен от океана полуостровом Айленд-Бич и островом Лонг-Бич, между которыми лежит узкий пролив Барнегат. Длина около 50 км. Пляжи, место отдыха. Известный маяк Барнегат в парке штата на северной оконечности о. Лонг-Бич (с 1930 для оповещения судов используется плавучий маяк).